

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель – Челябинский государственный
педагогический университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, доцент
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильиных
(Челябинск, Россия)

**Заведующий рубрикой экономики
и управления**

кандидат экономических наук, доцент
Сергей Александрович Головихин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Александр Валентинович Павлов
(Тюмень, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат филологических наук
Алексей Михайлович Обжорин
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Подписано в печать 22.12.2014 г.

Формат 70×108^{1/16}

Усл. п. л. 8,75. Тираж 300 экз.

Заказ № 5458.

Издание подготовлено к печати

и отпечатано

в ОАО «Челябинский Дом печати»,
454080, г. Челябинск,
Свердловский пр., 60.

СОЦИУМ**Зырянов Сергей Григорьевич**

Выборы: смена персон
и механизмов в системе
государственного и муниципального
управления в Челябинской области
в 2014 году 8

Зырянов Сергей Григорьевич

Слабые тренды
социальной стратификации
и мобильности населения
Челябинской области
в первой половине 2010-х годов 21

Терещук Екатерина Александровна

Социокультурные
особенности региона:
ценностные ориентации населения
Челябинской области 33

Терещук Екатерина Александровна

Челябинская область:
динамика социального самочувствия
населения 39

Нечаева Светлана Владимировна

Этноконфессиональные отношения
на Южном Урале:
в контексте современных
социокультурных процессов 48

**Нечаева Светлана Владимировна,
Аверьянова Дарья Валерьевна**

Конкурентоспособность
трудовых ресурсов как фактор
экономического развития региона
(на примере Челябинской области) 56

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

Философия

- С.В. Борисов* – доктор философских наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- Ю.Г. Ершов* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Виктория Лезьер* – доктор философских наук,
профессор
(г. Форкалькейре, Франция)
- А.В. Павлов* – доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)
- В.Д. Попов* – доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А.С. Чупров* – доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С.Г. Зырянов* – доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А.В. Понделков* – доктор политических наук,
профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
- О.Ф. Русакова* – доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Грегори Саймонс* – доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)
- А.Ю. Сунгуров* – д. полит.н., профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Е.В. Грунт* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Н.Б. Костина* – доктор социологических наук,
профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Сабина Лисица* – доктор, профессор
(г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В.Г. Графский* – доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А.В. Ковбан* – кандидат юридических наук, доцент
(г. Одесса, Украина)
- С.В. Кодан* – доктор юридических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- А.Б. Сергеев* – доктор юридических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Экономика

- О.В. Артёмова* – доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Л.М. Байтенова* – доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)
- Л.М. Муталиева* – кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)
- Е.А. Неживенко* – доктор экономических наук,
доцент
(г. Челябинск, Россия)
- Т.Ю. Савченко* – кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С.С. Загребин* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А.Н. Лукин* – кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

История

- С.В. Нечаева* – кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- С.С. Смирнов* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Д.В. Тимофеев* – доктор исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

- Магденко Александр Дмитриевич,
Захарова Светлана Александровна**
Международное право
как фактор правового регулирования
поведения зрителей
на спортивных мероприятиях67

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Гордеев Сергей Сергеевич,
Зырянов Сергей Григорьевич,
Иванов Олег Петрович,
Кочеров Андрей Валерьевич**
Валовой региональный продукт
как интегральный показатель
развития региональной экономики:
специфика и проблемы
использования 72

- Неживенко Елена Алексеевна,
Фарафонова Анна Юрьевна**
Развитие
государственно-частного партнерства
в регионах Российской Федерации:
современный обзор 76

- Молчанова Маргарита Юрьевна**
К вопросу о теоретических основах
межбюджетных отношений
территории 82

КУЛЬТУРА

- Борисов Сергей Валентинович**
Современный человек
в поисках идентичности
(по материалам междисциплинарного
научного симпозиума) 90

- Молодов Олег Борисович**
Проблемы идентификации
населения Казахстана и Кыргызстана . 95

- Лукин Анатолий Николаевич**
Ценностно-целевой аспект
человеческого бытия 103

ИНФОРМАЦИЯ для ЧИТАТЕЛЕЙ и АВТОРОВ

Научный журнал «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

В соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Социум и власть» включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по направлениям: философия, политология, социология, юриспруденция, экономика, культурология, история.

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 140.

Ваши материалы направляйте в редакцию по адресу:

454071, г. Челябинск, а/я 6511

Телефон редакции:

(351) 771-42-30

E-mail: siv@chel.ranepa.ru

Адрес в Интернете

<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имён, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

Шишкин Владимир Викторович

Аксиологический подход в конституционно-правовых исследованиях 108

Савченков Алексей Викторович **Публикация отозвана 10.02.2023**

Проблема эмоциональной устойчивости слушателей курсов повышения квалификации и ее влияние на их социокультурное самоопределение 111

Безрогов Виталий Григорьевич, Пичугина Виктория Константиновна

Забота об идентичности: непрерывное образование vs исчезновение себя в период метамодерна..... 116

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

Щербинин Михаил Николаевич

Метафизика в общественности: общее как сплошное и прерывное 124

Воробьева Елена Юрьевна

Герменевтика гимна. Часть I..... 128

Кондратьев Сергей Витальевич

Юнионистский проект Френсиса Бэкона..... 135

Founded by

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Published by

Chelyabinsk branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

Copublisher – Chelyabinsk State Pedagogical University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
(Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov
(Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
(Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylynykh
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor
S.A. Golovihin
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
(Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
(Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
A.V. Pavlov
(Tyumen, Russia)

Executive editor

Candidate of Philological Sciences
A.M. Obzhorin
(Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration

PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
Issued by Russian Surveillance Service
for Mass Media and Communications.

Passed for printing on 22.12.2014.
Format 70x108^{1/16}
Reference sheet area 8,75. Issues – 300.
Order № 5458

Designed and printed at
454080, Chelyabinsk,
Sverdlovskiy prospekt, 60.

SOCIUM

Zyrianov Sergey Grigoryevich

The System of State and Municipal
Administration
in the Chelyabinsk Region in 2014:
Change of Persons and Control
Mechanisms 8

Zyrianov Sergey Grigoryevich

Weaknesses of Social Stratification
and Mobility
in the Chelyabinsk Region
in the First Half of the 2010-s 21

Tereshchuk

Yekaterina Aleksandrovna

Sociocultural Peculiarities of a Region:
Value Orientations
of Chelyabinsk region population 33

Tereshchuk Yekaterina

Aleksandrovna

Chelyabinsk Region:
the Dynamics of Social Well-Being
of the Population 39

Nechayeva Svetlana Vladimirovna

Ethnic and Religious Situation
in the South Urals:
in the Context of Contemporary
Socio-Cultural Processes 48

Nechayeva Svetlana Vladimirovna,

Averyanova Darya Valeryevna

Competitiveness of Human Resources
as the Factor of Regional
Economic Development
(at the Example of Chelyabinsk
Region) 56

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- S.V. Borisov* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- Yu.G. Ershov* – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
- Victorya Lezyer* – Ph.D., Professor
(Folkarkeyre, France)
- A.V. Pavlov* – Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
- V.D. Popov* – Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
- A.S. Chuprov* – Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- A.V. Ponedelkov* – Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
- O.F. Rusakova* – Ph. D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
- Gregory Simons* – Ph.D., Professor
(Uppsala, Sweden)
- A.Yu. Sungurov* – Ph.D., Professor
(St.Peterburg, Russia)

Sociology

- E.V. Grunt* – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
- N.B. Kostina* – Ph. D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
- Sabina Lisitza* – Ph. D., Professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Grafskiy* – LLD, Professor
(Moscow, Russia)
- A.V. Kovban* – Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
- S.V. Kodan* – LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
- A.B. Sergeev* – LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- L.M. Bajtenova* – Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
- L.M. Mutaliev* – Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
- E.A. Nezhivenko* – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- T.Yu. Savchenko* – Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- A.N. Lukin* – Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* – Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- S.S. Smirnov* – Ph. D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- D.V. Timofeev* – Ph. D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

STATE AND LAW

**Magdenko Aleksandr Dmitriyevich,
Zakharova Svetlana Aleksandrovna**
International Law
as the Factor of Legal Regulation
of Spectators at Sporting Events 67

**ECONOMICS
AND MANAGEMENT**

**Gordeyev Sergey Sergeyeovich,
Zyryanov Sergey Grigoryevich,
Ivanov Oleg Petrovich,
Kocherov Andrey Valeryevich**
Gross Regional Product
As The Integral Component
Of Regional Economy Development:
Specific And Problems of Use 72

**Nezhivenko Yelena Alekseyevna,
Farafonova Anna Yuryevna**
Development
of Public-private Partnerships
in the Regions of the Russian
Federation:
Modern Review 76

Molchanova Margarita Yuryevna
To the Issue of Theoretical Bases
of Interbudget Relations of a Territory ..82

CULTURE

Borisov Sergey Valentinovich
The Modern Person in Search of Identity
(on Materials of the Interdisciplinary
Scientific Symposium).....90

Molodov Oleg Borisovich
The Problem of Identification
of the Population
of Kazakhstan and Kyrgyzstan 95

Lukin Anatoliy Nikolayevich
Value and Purpose Aspects
of Human Life103

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS****Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, sociology, law, economics, cultural studies, history.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 140.

Send your articles to the editor's office at:

454071, Chelyabinsk, PO 6511
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv@chel.ranepa.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price
**Subscription index
in Russia
46536**

Shishkin Vladimir Viktorovich

Axiological Approach
to Constitutional and Legal Studies..... 108

Savchenkov Aleksey Viktorovich Retracted 10.02.2023

The Problem of Emotional Stability
of Students of Professional Training
Courses and its Influence
on Their Socio-Cultural Self Identity 111

**Bezrogov Vitaliy Grigoryevich,
Pichugina Viktoriya Konstantinovna**

The Care of Identity:
Lifelong Education
vs Disappearance of Oneself
in Metamodern Period 116

DISCUSSIONS AND DEBATES**Shcherbinin Mikhail Nikolayevich**

Metaphysics in a Social Science:
a General as Continuous and Discrete....124

Vorobyeva Elena Yuryevna

Anthem Hermeneutics. Part 1.....128

Kondratiev Sergey Vitalyevich

The Unionist Project of Francis Bacon ...135

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые коллеги по редакции, авторы и читатели научного журнала «Социум и власть». Выпуск, который вы держите в руках, юбилейный — пятидесятый. На протяжении 11 лет журнал освещает научные исследования, связанные с функционированием и развитием общества, социальных и политических институтов, представляет эмпирические данные о деятельности власти и жизни общества, выполняя свою главную **миссию** — организацию диалога представителей научного сообщества и властных структур регионов по различным социологическим аспектам.

В этой связи отметим некоторые важнейшие вехи истории журнала и ключевые события, связанные с ним. **Журнал был учрежден** Уральской академией государственной службы и зарегистрирован 15 октября 2003 года. Это междисциплинарный журнал по проблемам государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента.

С момента регистрации журнал выходил 4 раза в год, а с 2012 года по настоящее время издается шесть раз в год.

В соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Социум и власть» с 2009 года входит в **перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по направлениям: философия, политология, социология, юриспруденция, экономика.

С 2014 года в рамках соглашения о сотрудничестве осуществляется совместная деятельность по подготовке и изданию научного журнала с **Челябинским государственным педагогическим университетом**, в частности, совершенствование редакционно-издательской политики журнала, повышение и поддержание профессионального и эстетического уровня содержания журнала, расширение круга авторов и читательской аудитории журнала.

Для ученых публикация на страницах журнала «Социум и власть» — возможность представить результаты своих исследований широчайшему кругу читателей, вынести на обсуждение важную проблему, высказать свою точку зрения. Междисциплинарный характер издания позволяет охватить научные явления во всем их многообразии, описать все аспекты жизни общества, более полно представить научную картину мира.

На протяжении пятидесяти номеров журнала совместный труд редакции и ведущих ученых позволил сформировать вокруг издания группу авторов и читателей, не равнодушных к решению проблем современности, людей, заинтересованных в изменениях жизни общества в лучшую сторону. Именно они и являются сегодня главной ценностью издания, свидетелем его значимости, не ограниченной академической средой или рядом профессиональных сфер. Мы надеемся, что научные идеи, описанные на страницах журнала, значимы и для общества.

Редакционную коллегию журнала «Социум и власть» составляют признанные отечественные и зарубежные специалисты:

Главный редактор журнала и заведующий рубрикой политологии — доктор политических наук, профессор Сергей Григорьевич Зырянов.

Заместитель главного редактора — доктор философских наук, профессор Александр Степанович Чупров. Ему принадлежит идея издания журнала, он автор названия и он же осуществил процедуру регистрации «Социума и власти».

Заведующий рубрикой философии — кандидат культурологии, доцент Анатолий Николаевич Лукин.

Заведующий рубрикой политологии — доктор политических наук, профессор Сергей Григорьевич Зырянов.

Заведующая рубрикой социологии — доктор философских наук, профессор Елена Викторовна Грунт.

Заведующий рубрикой государства и права — кандидат юридических наук, доцент Алексей Валерьевич Ильиных.

Заведующая рубрикой экономики и управления — кандидат экономических наук, доцент Татьяна Юрьевна Савченко.

Заведующий рубрикой культуры — доктор исторических наук, профессор Сергей Сергеевич Загребин.

Заведующий рубрикой истории — доктор исторических наук, профессор Дмитрий Владимирович Тимофеев.

Ответственный за международные контакты — доктор философских наук, профессор Александр Валентинович Павлов.

Ответственными секретарями журнала работали кандидат философских наук Александра Александровна Бобрик и кандидат филологических наук Алексей Михайлович Обжорин.

В редакционно-экспертный совет входят авторитетные ученые — представители отечественной и зарубежной науки. Из 28 членов редакционно-экспертного совета 25 имеют степень доктора наук, 25 — звание профессора, 3 кандидата наук и 3 доцента. География членов совета охватывает такие города, как Челябинск, Екатеринбург, Тюмень, Москва, Благовещенск, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Форкалькейре (Франция), Упсала (Швеция), Ариэль (Израиль), Одесса (Украина), Алма-Ата (Казахстан), Астана (Казахстан).

Журнал включен в **Российский индекс научного цитирования** — в настоящее время на сайте ресурса доступны выпуски журнала с 2008 года. Приведем некоторые статистические данные журнала, представленные аналитической системой РИНЦ (по состоянию на 2013 год):

- пятилетний импакт-фактор РИНЦ — 0,142;
- число цитирований — 332;
- наиболее распространенные тематики публикаций — социология — 163 статьи, политика, политические науки — 143 статьи, государство и право (юридические науки) — 88 статей;
- топ-10 ключевых слов публикаций (в порядке популярности): власть, гражданское общество, государство, регион, коммуникация, общество, культура, политический процесс, демократия, модернизация.

В целом за время издания журнала в нем опубликовано 1142 статьи, авторами которых являются 231 доктор наук, 382 кандидата наук, 303 аспиранта и соискателя, а также депутаты Государственной Думы, представители государственных и муниципальных органов власти, представители бизнеса.

Сегодня среди авторов и читателей журнала специалисты в различных научных областях, преподаватели, аспиранты и студенты. Журнал распространяется по подписке (в печатном и электронном вариантах) и известен в России и за рубежом.

Мы надеемся на то, что журнал был и будет интересен нашим читателям и его издание способствует развитию передовых научных исследований, а также установлению и развитию конструктивного диалога структур государственной власти и научного сообщества по актуальным проблемам духовного, экономического и политического возрождения и развития России, становления гражданского общества, укрепления российской государственности и роста благосостояния россиян.

УДК 316.334

ВЫБОРЫ: СМЕНА ПЕРСОН И МЕХАНИЗМОВ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ В 2014 ГОДУ*

С.Г. Зырянов,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ,
Челябинский филиал,
директор,
доктор политических наук,
профессор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Аннотация

В статье рассматриваются политические процессы, происходившие в региональной политической системе Челябинской области в 2014 г. Анализируются выборы губернатора Челябинской области, а также муниципальные выборы нового формата в г. Челябинске. Анализируются причины и возможные последствия смены механизмов управления на региональном и муниципальном уровне. Рассматривается динамика доверия – недоверия к региональным институтам власти.

Ключевые понятия:

выборы, электоральная статистика,
доверие,
региональная система исполнительной
власти, муниципальная система
управления.

Случилось так, что 2014 год стал этапным в развитии политической системы региона. Этому способствовали два обстоятельства. В начале 2014 года произошла смена губернатора области. Президент России принял прошение М. Юревича о досрочной отставке и назначил врио губернатора – председателя правления ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат» (ММК) Б. Дубровского. Плановые выборы губернатора с сентября 2015 года были перенесены на сентябрь 2014 года. В силу этих обстоятельств население области знакомилось с новым руководителем региональной исполнительной ветви власти практически в формате избирательной кампании.

Вторым обстоятельством, вызвавшим изменения уже в системе местного самоуправления, явилось принятие Государственной Думой РФ 136-ФЗ, нормы которого больше известны как муниципальная реформа, проводимая по поручению В. Путина. В соответствии с нормами этого закона Челябинск стал первой региональной столицей в Российской Федерации, в которой создана двухуровневая система управления городом.

В июне 2014 года Законодательное Собрание Челябинской области приняло закон «О статусе и границах Челябинского городского округа и внутригородских районов в его составе». Согласно региональному закону город был разделен на семь внутригородских районов, наделенных статусом муниципального образования. В каждом из них по итогам выборов 14 сентября 2014 года предполагалось сформировать районные советы в зависимости от численности населения. В Центральном районе – из 20 депутатов, в остальных шести районах – из 25 депутатов. Всего закон предусматривал избрание 170 депутатов районного уровня. Число депутатов городской думы увеличено с 36 до 49. Каждый район делегирует в думу 7 депутатов. Депутаты городского уровня изберут из своего состава спикера – главу города. В муниципальных районах будет формироваться представительный орган власти – совет. Из числа депутатов совета избирается председатель, он же глава района, и по конкурсу избирается глава районной администрации, который руководит хозяйственной деятельностью муницип-

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-03-00486 «Социокультурный портрет Челябинской области: региональное сообщество во времени и пространстве».

ципалитета. У главы районного муниципалитета могут быть заместители.

Это вторая реинкарнация идеи разделения Челябинска на несколько муниципалитетов. Первый раз в 1997 году серьезно обсуждалось предложение разделить его на 12 муниципалитетов – 7 районных и 5 поселковых. Для подготовки обоснованности этого решения был проведен социологический опрос 4807 респондентов, которые на вопрос: «Какое из следующих мнений Вы разделяете?» выбрали следующие позиции [6]:

– я за сохранение Челябинска как единого города – 83,6%;

– я за разделение Челябинска на 12 самостоятельных муниципальных образований – 5,9%;

– затрудняюсь ответить – 10,5%.

По итогам опроса челябинцев городская дума приняла решение сохранить Челябинск как единое муниципальное образование. Ещё одним законом, прошедшим в октябре 2014 года процедуру первых слушаний, Законодательное Собрание Челябинской области в соответствии со 131-ФЗ предложило установить новый порядок формирования исполнительных органов власти в городских муниципальных округах. С момента вступления в силу этого регионального закона после очередных выборов главы городских муниципальных округов будут избираться из числа депутатов представительного органа власти. При этом руководить администрациями муниципалитетов будут наемные управляющие, с которыми контракт заключается сроком не менее чем на 2 года или до окончания срока legislaturы представительного органа муниципальной власти. Позиция губернатора в вопросе о выборах сити-менеджера озвучена им самим: «Почему во всех, за исключением одного, городских округах Челябинской области нужно отказываться от прямых выборов мэров и вводить институт сити-менеджеров? Такая модель управления мне понятнее. Я несу ответственность за муниципалитеты и людей, которых я буду предлагать на посты глав администраций. Речь не о том, что мне будет проще давить на таких управленцев и убирать их, а о том, что при такой схеме сити-менеджер – член нашей команды. Он будет администрировать хозяйственную деятельность, управлять бюджетом, но на своём уровне» [5]. За рамками данной схемы управления остается только Троицкий городской муници-

пальный округ, в котором 14 сентября 2014 года прошли прямые выборы населением главы города с традиционными широкими полномочиями. Итак, в Челябинске и других городских муниципальных округах будет усложняться система управления и надо понимать, что подобный шаг не всегда работает в плюс. С другой стороны, в муниципалитетах возникает возможность использовать практику разделения ответственности представительной и исполнительной ветвей власти. Избрание главы муниципалитета из числа депутатов представительного органа позволит закрепить за ним политические и представительные полномочия, а избрание на два года или до пяти лет по конкурсу руководителя администрации – наемного управляющего, хозяйственника – освободит главу от ответственности за непосредственное решение повседневных вопросов функционирования муниципального образования, зато усилит его возможности осуществлять функцию контроля за исполнением муниципального бюджета, в том числе и за поддержанием должного порядка на территории.

В 2014 году был сделан ещё один потенциально перспективный шаг в организации межмуниципального сотрудничества – создание Челябинской территориальной агломерации. В неё вошли: Челябинск – ядро агломерации; Копейск – город-спутник; Коркинский, Еманжелинский, Сосновский муниципальные районы (полностью); Красноармейский, Еткульский, Аргаяшский муниципальные районы (частично). Численность населения агломерации – 1535 тысяч человек, а площадь – 3489 км².

В результате может сложиться новый координируемый потребительский рынок и рынок муниципальных услуг, весьма перспективный для развития промышленности, строительства, социальных и финансовых услуг. Проект агломерации попал в программу Минрегионразвития, однако в связи с прекращением в конце 2014 года его деятельности сопровождение агломерационных процессов осталось без федеральной помощи.

Выборы губернатора Челябинской области в 2014 году прошли после 14-летней паузы. Последние прошедшие до этого выборы губернатора уже в далеком в 2000 году были ярким и знаковым политическим событием, которое привлекало внимание избирателей, поскольку они проходили под знаком острого соперничества. В них

участвовали два ресурсных оппозиционных кандидата, оба депутаты Государственной Думы. Прежде всего, это Валерий Гартунг, оппонировавший с 1997 года Петру Сумину как действующему губернатору, и начинающий политик федерального уровня Михаил Гришанков, избравшийся депутатом в 1999 году, который тоже вел очень интересную избирательную кампанию. Оба они весьма энергично боролись за победу на выборах губернатора и рассчитывали на успех.

Выборы же образца 2014 года проходили в принципиально иных условиях. Во-первых, прошло 14 лет, в течение которых население губернатора не выбирало. Можно предположить, что какая-то часть избирателей забыла, как и зачем это делается, поскольку в 2004 году федеральный законодатель дал ясный сигнал – ваше мнение граждане в решении этого вопроса нам не необходимо. Во-вторых, за это время изменилась сама политическая система региона, причём не в лучшую сторону. Она частично усложнилась, частично деградировала. В Челябинской области до 62 выросло число региональных отделений политических партий. Однако в выборах губернатора решают участвовать только четыре партии: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Города России». Конечно, это крайне мало и это плохой факт. Оказалось, что 93% региональных отделений партий просто не готовились к выборам губернатора, хотя время для этого было у всех. В-третьих, какая-то часть населения заняла пассивную политическую позицию: «раз раньше, на протяжении 14 лет, власть сама определяла, кто будет руководителем региона, то чего ради мы сейчас пойдем на выборы? Вы – власть и сами решайте, какой губернатор вам нужен». И, в-четвертых, политическая жизнь региона оказалась устроена так, что не давала возможности выявления и политической презентации новых региональных лидеров, способных реально конкурировать на выборах за ключевые политические должности.

В июле 2014 года, до начала активной фазы избирательной кампании, социологические замеры показали следующие электоральные рейтинги кандидатов [2]: Дубровский Борис Александрович – 56,2%, Пашин Виталий Львович – 8,9%, Нациевский Константин Олегович – 7,9%, Брижанин Владимир Владимирович – 1,2%. Затрудились ответить 25,8% опрошенных.

Как всегда, накануне значимых выборов перед днем голосования прогнозировались явка и ожидаемый результат кан-

дидатов. Прогнозы нашей аналитической группы по явке $45 \pm 3\%$, а по голосам, от данным за прогнозируемого победителя Б. Дубровского, – $79\% \pm 3\%$.

Для кандидата второго плана значимым результатом было бы получение 10% или чуть больше голосов избирателей. Напомним, на выборах 2000 года два кандидата – В. Гартунг и М. Гришанков смогли набрать больше 30% голосов. При этом те, безусловно, конкурентные выборы прошли в один тур, но победа П. Сумина – 58,7% голосов была не столь впечатляющей, как победа Бориса Дубровского на выборах 14 сентября 2014 года, получившего 86,37% голосов.

Различия в базовых электоральных группах кандидатов в губернаторы социологический опрос смог выявить только у трех акторов (В. Брижанин имел рейтинг 1,2%, что ниже статистической погрешности в выборке).

Как видно из данных таблицы, при 22 заложенных в анкету социально-профессиональных группах, у Б. Дубровского имеют заметное превышение над средним только 7 (31,2% от общего числа групп), а у В. Пашина – 8 (36,4%), а вот у К. Нациевского – 3 (18,2%). При этом пересекающиеся базовые группы у Б. Дубровского с В. Пашиным – 2 (избиратели среднего возраста и рабочие), а с К. Нациевским – 3 (женщины, избиратели старше 50 лет, пенсионеры). В. Пашин и К. Нациевский имели только одну общую базовую электоральную группу.

В разговоре о базовых электоральных характеристиках стоит отметить тот факт, что чем выше уровень образования избирателя, тем критичнее отношение к кандидатам, особенно к тем, кто представляет власть. Избиратели с высшим образованием не стали базовой группой ни одного из кандидатов. Образовательный потенциал населения Челябинской области был подробно изучен С.В. Нечаевой, в рамках реализации гранта «Социокультурный портрет населения Челябинской области» [См. 4].

Причин такой убедительной победы Бориса Дубровского, получившего 86,37% голосов, было несколько [См. 3]. Первая – обострившаяся для российского государства внешнеполитическая ситуация, которая консолидировала российское общество, готовое поддерживать политику В. Путина по защите государственных интересов в связи с политическим кризисом в Украине. Электоральный рейтинг Бориса Дубровского во многом обеспечивался тем, что его, в качестве будущего главы региона, в январе

Таблица 1

Базовые электоральные группы кандидатов в губернаторы

Базовые электоральные группы	Б. Дубровский	В. Пашин	К. Набиевский
ПОЛ			
мужской		+	
женский	+		+
ВОЗРАСТ			
18–30 лет		+	
31–50 лет	+	+	+
старше 50-ти			
ОБРАЗОВАНИЕ			
среднее общее, специальное (техникум), н/высшее		+	
высшее			
СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ			
рабочий (в том числе с/х предприятия)	+	+	
служащий (со специальным и общим средним образованием)		+	
студент вуза, техникума		+	
пенсионер	+		+
безработный, временно не работающий			
МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ			
живём нормально, но приходится экономить	+		
денег хватает только на питание	+		
живём за гранью бедности, не хватает даже на питание		+	

2014 года выбрал Владимир Путин. Голосование отчётливо продемонстрировало, что население этот выбор поддержало. Среди избирателей, готовых голосовать за Б.Дубровского, 68,8% тех, кто доверяет В. Путину [8]. При этом все аналитики оценивали прошедшие выборы губернатора как типичные референдумные. И этот референдум состоялся – избиратель поддержал Б. Дубровского. Явка на выборы 42,5% населения области также способствовала росту голосов, отданных за Б. Дубровского. Анализ социологических данных свидетельствует, что при более высокой явке он мог бы получить меньший процент. Явка более 40%, спустя 14 лет после

отмены выборов губернатора и нарастающей социальной апатии населения – это в принципе неплохой результат. Напомню, в выборах 2000 года участвовало 52,25% избирателей. Если рассчитать процент абсолютных величин полученных голосов, взяв за 100% всех избирателей, то в 2000 году результат П. Сумина составил 29,42%, или 788327 голосов, а результат Б. Дубровского 36,62%, или 996347 голосов.

За остальных трех кандидатов 14 сентября 2014 года было отдано в сумме меньше 10% голосов. Испорченных бюллетеней, в том числе, видимо, и по сознательным мотивам, оказалось около 5000. В ходе активной части избирательной кампании кан-

дидаты и их штабы действовали в рамках закона. Грязные технологии практически не использовались. Административный ресурс использовался для прохождения кандидатами муниципального фильтра и, отчасти, формирования списка кандидатов. Необычным фактором прошедших выборов можно рассмотреть больший, чем ранее, процент явки избирателей с 18 до 22 часов, хотя отчасти этому способствовало увеличение на два часа самой возможности голосовать. Сравнение социологических данных с результатами, полученными по итогам голосования 14 сентября 2014 года, позволяет сделать вывод о том, что все три соперника Б. Дубровского вели свои избирательные кампании как технические кандидаты, поэтому они не набирали голоса, а теряли их (см. данные опроса). Это предположение подтверждает и тот факт, что В. Пашин и К. Набиевский одновременно участвовали в выборах в районные советы Челябинска и стали победителями в своих округах. В. Пашин набрал 71,39% голосов, К. Набиевский набрал 42,01%. То есть там, где был их реальный интерес, они голоса набирали. Будучи депутатами Законодательного Собрания, они отказались от своих мандатов и стали депутатами районных советов, затем их избрали в Челябинскую городскую думу. Описанный сюжет явно выглядит как политический бонус кандидатам за их участие в выборах губернатора.

В 27 муниципальных территориях показатель поддержки Б. Дубровского был выше средней по области, в 22 территориях – ниже, а две территории имеют результат, максимально близкий к среднеобластному.

При этом среди крупных городов выше среднего показатель поддержки Б. Дубровского в Магнитогорске. Земляки избранного губернатора отдали ему больше 90% голосов. Ещё два средних по численности избирателей – города Озерск и Копейск – имеют результаты выше среднего – 87,5% и 86,7% соответственно. Самый крупный город Челябинск отдал Б. Дубровскому 82,5%, Златоуст – 86,19%, Миасс – 84,98%, Снежинск – 84,2%, Троицк – 80,98%. Самый высокий показатель поддержки Б. Дубровского имеют: Увельский район – 94,27%; Нагайбакский район – 92,10%; Кизильский район – 91,06%.

Максимально близкий к среднеобластному результату имеют Нязепетровский и Катав-Ивановский муниципальные районы – 86,41% и 86,40%.

По показателям явки 30 территорий характеризуются явкой выше среднеоб-

ластного показателя. Лидируют Увельский и Кизильский районы – 84,29 и 79,8% соответственно. Из числа городов попавших в эту группу территорий опять присутствуют Магнитогорск – 46,3%, Копейск – 52,97%. Территории, в которых явка оказалась ниже средней, собрали больше крупных городов – Челябинск – 35,7%, Южноуральск – 39,04%, Озерск – 36,51%, Златоуст – 30,55%, Миасс – 27,6%, и это самый низкий результат явки в области. Близкие к среднеобластному показателю имеют две территории – Нязепетровский район – 41,3% и Кыштым – 42,69%. По итогам выборов самой близкой к среднеобластным электоральным показателям имеет Нязепетровский район. Итак, городское население области более сдержанно голосовало за нового губернатора и продемонстрировало более низкую электоральную активность.

Помимо выборов губернатора, в сентябре 2014 года состоялись: выборы 29 глав сельских поселений; в 36 муниципалитетах прошли выборы депутатов сельских поселений; выборы 2-х глав городов – Трехгорного, Троицка и главы Каслинского района; в 8-ми территориях выбирали депутатов Собраний и Советов депутатов муниципальных районов, в том числе депутатов первого созыва в семи муниципальных районах города Челябинска.

Челябинск в России стал фактически единственным крупным городом миллионником, где в отведенный федеральным законодателем срок для осуществления реформы местного самоуправления был реализован переход на двухуровневую систему местного самоуправления. Напомним, что реформа по замыслу заключалась в приближении акторов муниципальной представительной власти к гражданам, но при этом сопровождалась отменой прямых выборов главы Челябинска и депутатов городской думы. В Челябинске, таким образом, избрали напрямую семь райсоветов, в которые вошли 170 депутатов, и каждый район делегировал по семь человек в городскую думу. В сформированной районными выборщиками городской думе Челябинска депутатов представляли «Единой России» было избрано 45 из 49, по одному мандату получили представители КПРФ, ЛДПР и два депутата из числа беспартийных самовыдвиженцев. Вполне ожидаемо, что главой города стал выдвинутый на региональной конференции «ЕР» Станислав Мошаров, за которого проголосовали 47 из 49 депутатов.

Прошедшие в Челябинске выборы мы предлагаем терминологически определить

как «незнакомые» в силу ряда обстоятельств. Во-первых, жители Челябинска выбирали депутатов районных советов из числа малознакомых и неизвестных им кандидатов в депутаты. Если раньше, в 2009 году, кандидатов в гордуму было зарегистрировано 215, то в этот раз в семь районных советов кандидатов оказалось 1059, то есть в 5 раз больше. Если раньше победителями становились более или менее известные городские политики, то сейчас на 70% ими стали малоизвестные городскому сообществу граждане. Во-вторых, челябинцы избирали депутатов с неизвестными и пока неопределёнными полномочиями: что они будут решать, какими ресурсами, в том числе финансовыми, они будут располагать, как будет формироваться бюджет муниципального района, — на эти вопросы не было ответов. Формат их полномочий будет понятен только в 2015–2016 году, после принятия соответствующих федеральных и региональных законов. И, наконец, в-третьих, почему эти выборы незнакомые — много неизвестного в том, как будет выстроено управление Челябинском. У города появятся 49 депутатов «двуликих Янусов» — они и районные, и городские депутаты. А где их — акторов представительной власти муниципалитета основная ответственность — в городе или в районе, пока неизвестно. Ещё одна особенность прошедших в Челябинске выборов в том, что челябинцы выбирали людей, предлагающих не программу развития района или города, а предлагающих программы микроуровня — обустройства небольших территорий — избирательных округов с численностью 5000 — 6000 избирателей. Может быть, для муниципальных выборов это и полезный формат, и именно такой масштаб ответственности понятней и избирателям, и тем, кто идет в депутаты, но к этому формату необходимо привыкнуть и определиться, как на базе этих микропрограмм будут формироваться планы развития районов и города в целом. Воспринимая обещания организовать вывоз мусора, покрасить забор, заасфальтировать улицу или тротуар, избиратели, кивая головами в поддержку этих дел, задавали вопрос: «А как быть с пенсиями?». Средняя пенсия в России в 2014 году чуть более 10 000 рублей. Человеку трудно прожить на такие деньги, если у него нет счёта в банке или «загашника» в сундуке, а у многих пенсионеров таких запасов естественно нет. И еще здесь возникает ряд вопросов. Часть избирателей не диф-

ференцирует власть по уровням, для нее власть — это все, кто от имени власти говорит. Хотя на муниципальном уровне, хоть на областном, хоть на федеральном, все они — представители власти, и полный перечень «болячек» человек адресует всем, кто претендует на власть или уже обладает ей. Наконец, надо учитывать и то, что в регионе пока ещё только формируется гражданское сообщество. У большинства жителей Челябинска как граждан пока ещё не сформировалась культура муниципального самоуправления, смысл которой в совместном участии муниципальных властей и граждан в решении своих местных проблем. К избранию в муниципальные органы власти своих представителей жители Челябинска, как и многих городов России, уже готовы, а к гражданскому самоуправлению — значительная часть населения пока не готова. Большая часть людей ждет, что кто-то должен и будет решать их проблемы с накоплением денег на капитальный ремонт многоквартирного дома, с поддержанием порядка в подъезде и во дворе своего дома. Эта патерналистская политическая культура изживается весьма и весьма медленно.

Чем ещё можно охарактеризовать прошедшие выборы первого созыва депутатов районного уровня города Челябинска?

Прежде всего, более активным участием региональных отделений партий в муниципальных выборах, нежели в губернаторских. Из 62 партий 12 приняли участие в избирательной кампании. Особенности формирования пула кандидатов и результатов выборов приведены в таблице 2.

Принявшие участие в выборах 12 региональных отделений политических партий выдвинули 412 кандидатов — 49,2% от их общего числа. Ещё 611 кандидатов (50,8%) были самовыдвиженцами. Избирательные комиссии приняли решение о регистрации 1140 кандидатов, в том числе 573 (50,2%) от региональных отделений политических партий, 567 (49,7%) — от самовыдвиженцев. Однако 81 кандидат сняли свои кандидатуры. И таким образом зарегистрировано было только 1059 кандидатов, в среднем по 6,2 кандидата на один округ, в 2009г. было 6,4 кандидата на избирательный округ.

По итогам голосования от политических партий было избрано 162 депутата (96,2%), а из числа самовыдвиженцев 8 депутатов (4,7%).

По итогам голосования семь партий, имевших 97 кандидатов, что составило

**Данные о процессе выдвижения, регистрации и кандидатах – победителях
на муниципальных выборах в Челябинске 14 сентября 2014 года*
(расчет данных осуществлялся автором)**

Субъект выдвижения	Выдвинуто кандидатов	Сняли кандидатуру до регистрации	Отказано в регистрации	Принято решение о регистрации	Сняли кандидатуру после регистрации	Зарегистрированных кандидатов	Стали депутатами районных советов	Стали депутатами Челябинской городской думы
Город Челябинск	1203	37	26	1140	81	1059	170	49
Самовыдвижение	611 (50,8%)	28 (75,6%)	16 (61,5)	567 (49,7%)	56 (69,1%)	511 (48,3%)	8 (4,7%)	1 (2,1%)
Политические партии, в том числе:	592 (49,2%)	9 (24,3%)	10 (38,4%)	573 (50,2%)	25 (30,9%)	548 (51,7%)	162 (95,2%)	48 (97,9)
ГОРОДА РОССИИ (1 район)	1 (0,2%)	0	0	1 (0,1%)	0	1 (0,2%)	–	–
ЕДИНАЯ РОССИЯ (7 районов)	170 (28,7%)	0	0	170 (14,9%)	4 (16%)	166 (30,3%)	156 (96,2%)	46 (93,8%)
ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА (1 район)	2 (0,3%)	0	0	2 (0,2%)	0	2 (0,4%)	–	–
КПРФ (7 районов)	109 (18,4%)	3 (33,3%)	1 (10%)	105 (18,3%)	9 (36%)	96 (17,5%)	3 (1,9%)	1 (2,1%)
ЛДПР (7 районов)	150 (25,3%)	3 (33,3%)	6 (60%)	141 (24,6%)	7 (28%)	134 (24,5%)	1 (0,6%)	1 (2,1%)
ПАТРИОТЫ РОССИИ (5 районов)	9 (0,7%)	0	0	9 (0,8%)	0	9 (1,7%)	–	–
Республиканская партия России – Партия народной свободы (2 района)	4 (0,3%)	0	0	4 (0,4%)	0	4 (0,7%)	–	–
РОДИНА (7 районов)	28 (2,3%)	0	3 (11,5%)	25 (2,2%)	2 (2,4%)	23 (4,2%)	1 (0,6%)	–
Российская объединенная демократическая партия "ЯБЛОКО" (4 района)	7 (0,6%)	1 (2,7%)	0	6 (0,5%)	0	6 (1,1%)	–	–
Российская партия пенсионеров за справедливость (4 района)	36 (2,9%)	2 (5,4%)	0	34 (3%)	2 (2,4%)	32 (5,8%)	1 (0,6%)	–
Российская экологическая партия "ЗЕЛЕНЫЕ" (2 района)	3 (0,2%)	0	0	3 (0,3%)	0	3 (0,5%)	–	–
СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (7 районов)	73 (6,07)	0	0	73 (6,4%)	1 (1,2%)	72 (13,1%)	–	–

* в скобках указано количество районов, в которых партии выдвигали своих кандидатов.

17,7% от числа всех кандидатов, не получили ни одного мандата. Особенно неудачной эта избирательная кампания оказалась

для «Справедливой России», имевшей 72 кандидата и не получившей ни одного мандата. Почти такой же скверный результат

имеет группа самовыдвиженцев – из 511 кандидатов только 8 стали депутатами районных советов. Среди партий 6 из 12 получили мандаты депутатов райсоветов.

Рассмотрим ещё один сюжет, имеющий отношение к итогам выборов депутатов в Челябинскую городскую думу.

Средний процент голосов, отданных за 170 победителей, в районные советы составил 53,4%.

Средний процент голосов, отданных за 49 депутатов, делегированных в Челябинскую городскую думу, составил 60,47%.

По показателю электоральной поддержки депутатов городской думы картина получилась следующая:

раз – 14,3%, 13 депутатов – в третий (и более) раз – 26,5%.

Относительно невысокая явка горожан на муниципальные выборы в целом по Челябинску – 35,7%, была бы ещё ниже, если бы не выборы губернатора. Именно они сыграли роль паровоза, подтянувшего электоральную активность.

Весьма характерна динамика социального состава думы г. Челябинска.

Увеличение количества депутатов повысило разнообразие их социального статуса, правда, только на одну позицию – появился юрист. Ну а в остальном динамика такова: собственников бизнеса стало на 2 больше, хотя процент их на общем фоне снизился;

Таблица 3

Уровень электоральной поддержки депутатов городской думы

Уровень электоральной поддержки группы депутатов	Кол-во депутатов	% от 49 депутатов
до 40%	4	8,2
40–50%	7	14,3
50–60%	12	24,5
60–70%	14	28,6
70–80%	9	18,4
более 80%	3	6,1

Таким образом, 23 депутата по итогам голосования в районных округах имеют электоральную поддержку ниже среднего, 26 – выше среднего.

Городская дума заметно обновилась: 29 депутатов избраны в её состав впервые – это 59,2%, 7 депутатов – во второй

топ-менеджеров стало заметно больше на 4, и процент их увеличился с 8,1 до 14,24%; также на 5 депутатов выросло представительство менеджеров среднего звена, что увеличило их процент с 2,7 до 12,2 %.

После вступления в должность губернатор Б. Дубровский инициировал изме-

Таблица 4

Социальный статус депутатов Челябинской городской думы первого созыва (2014–2019 гг.) и четвертого созыва (2009–2014 гг.)

№ п/п		2014		2009	
		человек	%	человек	%
1.	Политик, профессиональный общественный деятель	6	12,2	6	16,2
2.	Собственник бизнеса	24	48,9	22	59,5
3.	Топ-менеджер (в бизнесе)	7	14,3	3	8,1
4.	Топ-менеджер (в социальной сфере)	5	10,2	5	13,5
5.	Менеджер среднего звена	6	12,2	1	2,7
	Специалист-юрист	1	2,04	–	–
	Итого:	49	100	37	100

нения в системе управления исполнительной ветви власти Челябинской области. Однако, прежде чем делать обзор этих изменений, обратимся к данным социологических исследований, проведенных в соответствии с типовой программой и методикой ЦИСИ ИФ РАН, поскольку они отчасти объясняют причину этих изменений. Один из блоков анкеты был предназначен для выявления уровня доверия региональным институтам власти и другим системным политическим и неполитическим акторам. Рассмотрим социологические данные о доверии институтам региональной власти.

равления – недоверие увеличилось на 14,3%; у полиции недоверие выросло на 10,1%; к правительству области недоверие увеличилось на 8,2%; у суда недоверие подросло на 4,7%; у прокуратуры – на 2,5%. Отдельно следует отметить ситуацию с Законодательным Собранием Челябинской области, недоверие к этому институту представительной власти было на уровне 16,0%, а стало 12,8%, т.е. степень недоверия уменьшилась на 3,2%. Однако самому институту все-таки больше не доверяют 35,9%, чем доверяют – 23,1%. Видимо, медленно идущее социально-экономическое ухудшение ситуации в регио-

Таблица 5

Динамика доверия населения Челябинской области политическим институтам

	Название института региональной власти	Сумма позиций «полностью доверяю», «пожалуй, доверяю»		Позиция «трудно сказать точно»		Сумма позиций «не очень доверяю», «совсем не доверяю»		Сумма позиций «не знаю», «отказ от ответа»	
		2014 г.	2011 г.	2014 г.	2011 г.	2014 г.	2011 г.	2014 г.	2011 г.
1.	Губернатор области	36,6	33,6	26,9	27,1	28,1	22,4	11,4	17,0
2.	Правительство области	27,4	25,4	24,2	26,9	39,0	28,8	9,4	18,9
3.	Законодательное Собрание области	23,1	16,1	27,4	27,6	35,9	32,1	13,6	24,2
4.	Суд	31,8	33,6	23,3	21,8	39,3	30,8	5,6	13,7
5.	Прокуратура	28,9	24,9	25,1	24,9	39,0	32,5	7,0	17,8
6.	Полиция	16,5	19,7	26,3	22,3	51,0	44,1	6,2	13,8
7.	Муниципальные и местные органы управления	17,5	19,1	24,9	25,8	48,7	36,0	8,9	19,0

Если посчитать показатели в разнице доверия – недоверия в 2011 и в 2014 году, то мы увидим, что только институт губернатора, а скорее сам губернатор, персонально имеет положительную динамику, но все же с заметной тенденцией к уменьшению величины этого показателя. В 2011 году у М. Юревича разница в доверии – недоверии составляла 11,2%, у Б. Дубровского в 2014 году – 8,5%. При этом показатель доверия М.Юревичу составлял 33,6%, а Б.Дубровскому – 36,6%, что на 3% больше.

Самые большие потери в доверии у муниципальных органов власти и уп-

не формирует у разных слоев населения нарастающее недовольство деятельностью практически всех институтов региональной власти. В ещё большей степени этот тренд проявляется при оценке иных невластных социальных и политических институтов. В заповеднике доверия остаются только персоны – и это губернатор.

В случае с невластными социально-политическими институтами наблюдаются другие тренды, действующие вразнобой: к профсоюзам доверие подросло +0,8%, по отношению к СМИ снижается уровень недоверия с 16,2% до 2,9%. Но баланс доверия-недоверия остаётся отри-

Таблица 6

**Динамика доверия населения Челябинской области региональным
и муниципальным институтам политической власти**

Название регионального социального института	Сумма позиций «полностью доверяю», «пожалуй, доверяю»		Позиция «трудно сказать точно»		Сумма позиций «не очень доверяю», «совсем не доверяю»		Сумма позиций «не знаю», «отказ от ответа»	
	2014 г.	2011 г.	2014 г.	2011 г.	2014 г.	2011 г.	2014 г.	2011 г.
Профсоюзы	20,6	18,2	29,1	27,2	35,9	34,3	14,4	20,3
Региональные отделения политических партий	10,8	9,2	26,7	25,5	49,7	42,4	12,8	23,0
Средства массовой информации	33,4	23,9	22,5	19,3	36,3	40,1	7,8	16,8

цательным – 9,5%. Однако самый близкий к властным структурам политический институт – региональные отделения политических партий, испытывают давление нарастающего недоверия населения, оно выросло с 33,2% до 38,9%, т.е. на 5,7%. Итак, по показателю недоверия в 2014 году три лидера: полиция – 51,0%; региональные отделения политических партий – 49,7%; муниципальные органы власти – 48,7 %.

Объяснять нарастание недоверия к региональным институтам власти, скорее всего, следует суммой неблагоприятных внешних и внутренних экономических и политических обстоятельств как международного, так российского происхождения. Но эти обстоятельства – далеко не единственный фактор, определяющий тенденции социально-экономического и политического развития области. Важным, а в кризисных условиях возможно важнейшим, фактором является качество институтов власти и эффективность работы системы управления регионом и отдельными муниципальными образованиями.

Незадолго до смены губернатора, с 1 мая 2013 года, в Челябинской области начала действовать новая система исполнительной власти управления регионом. По конфигурации её условно можно определить как двуглавую структуру исполнительной власти, в которой на верхнем уровне расположились две статусные должности – губернатор и председатель правительства. Губернатор – высшее должностное лицо, возглавляющее исполнительную власть на территории субъекта Российской Федерации. Однако правительство региона – это

высший региональный коллегиальный исполнительный орган государственного управления, а председатель правительства – должностное лицо, возглавляющее высший коллегиальный исполнительный орган государственного управления в регионе. Таким образом, на верхнем уровне органов государственной исполнительной власти региона располагаются два субъекта, одновременно с формальной точки зрения возглавляющие исполнительную власть на территории Челябинской области. С точки зрения формальной логики управления – это очевидный недостаток системы управления, размывающий зоны ответственности этих руководителей и подвещающий эрозии принцип единоначалия. Но это в рамках формальной управленческой логики, а она порой находится вне поля личных человеческих отношений и договорённостей.

Кроме того, этот псевдоказус может найти весьма логичное объяснение. Любая система управления содержит два существенно различающихся по логике подготовки и принятия решений блока. Первый отвечает за решение задач стратегического характера, а второй – за решение вопросов оперативно-тактического характера. Два этих блока в системе управления принципиально неразделимы, но каждый из них требует особого стиля мышления в принятии решений, да и ответственности. В первом случае – стратегическое управление предполагает: глубокий анализ в долгосрочном временном горизонте; выработку прогноза; предложение вариантов действий; выбор приоритетов. Это зона доминирования креативного стратегического

мышления. Во втором случае управление предполагает: разработку и реализацию плана действий; проектов; поиск ресурсов; обеспечение координаций; контроля и коррекции управленческих решений; оценку результатов; обратную связь. Здесь зона господства регламентированного рефлексивного мышления. К тому же если допустить существование двух одновременно доминирующих типов мышления.

Принимая эту гипотезу, следует понимать, что если на губернатора и его команду возлагается ответственность за решение стратегических задач, а на председателя правительства – решение оперативно-тактических задач, то они могут мирно сосуществовать и при этом создавать определенный синергетический эффект. В противном случае – им будет тесно в одной управленческой «упряжке», и в результате их взаимодействия могут возникать конфликты и как следствие отрицательный синергетический эффект в управлении.

Что было в Челябинской области во времена губернатора М. Юревича? Он был типичным представителем успешной части региональной бизнес-элиты. Понятно, что в его функционал, прежде всего, входили задачи принятия стратегических решений. Для успешного управления регионом ему были нужны сильные и грамотные исполнители. И он попытался окружить ими себя. Введение самостоятельной должности председателя правительства региона по замыслу предполагало, по сути, передачу ему решения оперативно-тактических управленческих задач. К тому же переход к схеме «губернатор – не председатель правительства области» был вызван в большей степени политическими причинами – конфликтом М. Юревича и его клиентелы с группой интересов, сформировавшейся вокруг председателя областного суда Ф. Вяткина. М. Юревич, стремясь минимизировать поле для своей критики, усилил позиции своего первого заместителя С. Комякова и передал ему полномочия управления хозяйственно-экономическим комплексом области как председателю правительства. Ответ на вопрос о жизнеспособности двуглавого управления регионом довольно быстро дала жизнь.

Ситуация после избрания Б. Дубровского губернатором привела к тому, что с октября 2014 года де-юре система управления исполнительной властью стала одноглавой, а с 1 января 2015 года будет таковой де-факто. Должность председа-

теля правительства вновь закреплена за губернатором. Что изменилось? Б. Дубровский – представитель высшего уровня менеджмента крупнейшего предприятия региона – ОАО «ММК». Генеральный директор – высший уровень исполнительной власти в бизнесе с очень широкими полномочиями. Но принципиальные стратегические решения принимает (возможно, по представлению генерального директора), но, все-таки, собственник бизнеса. Рискнём предположить, что в этой позиции и формировался управленческий менталитет Б. Дубровского. Новому губернатору для успешного управления регионом нужно усиление креативно-аналитического блока. И поэтому он стремится усиливать экспертно-аналитический блок, причем в его работе при подготовке стратегических решений регионального уровня в основу, видимо, будет заложен принцип коллегиальности, а в части принятия решений – принцип единоначалия. Очень логичная и принципиально эффективная схема. Все под контролем: и стратегические аспекты, и оперативно тактические. Роль двуглавого руководства правительства в исполнительной власти региона, по сути, будут исполнять два первых заместителя губернатора.

Таким образом, в новой схеме управления регионом на высшем уровне в составе крупных элементов и в принципиальных структурных схемах изменений не произошло. Количество структурных подразделений в системе регионального управления осталось прежним. Их двадцать четыре. Изменились названия статусных должностей, произошло перераспределение функционалов, полномочий и зон ответственности. Число уровней в новой схеме исполнительной власти не изменилось. Новые лица во главе структурных подразделений появились, но эти изменения пока также не имеют революционного характера и были весьма ожидаемы.

В чем же тогда основные плюсы новой схемы и есть ли они? Попробуем их перечислить.

Губернатор «подстроил» схему исполнительной власти в регионе под себя, с учетом реально им понимаемых особенностей его управленческого статуса в сочетании со своим менталитетом.

Для столь большого объекта управления число уровней менеджмента не изменилось – это также плюс, так как их необоснованное сокращение привело бы к пере-

грузке руководителей, а увеличение – к размытию зон ответственности

Губернатор начал формировать команду из людей, которых он считает профессионалами в своей сфере деятельности, а, кроме того, из людей, которым он доверяет и которые его понимают, разделяя его приоритеты в решении всех управленческих задач. Одним словом – это команда нового, избранного жителями региона губернатора.

Сформированная губернатором региональная ветвь исполнительной вертикали власти позволяет четко прописать, а в перспективе и перераспределить функционалы между имеющимися заместителями и министерствами, что придает системе управления необходимую гибкость, мобильность.

Созданная губернатором схема исполнительной власти достаточно четко показывает имеющиеся сегодня в ней «белые пятна» по ряду не в полной мере обеспеченных персоналиями и ресурсами функционалов. Прежде всего, в стратегическом направлении, в аналитико-экспертных ресурсах, а также в создании современного информационного интерфейса, обеспечивающего эффективную обратную связь между стратегическим и оперативно тактическим блоками системы управления регионом.

Представленная губернатором схема управления весьма удобна для масштабного внедрения в практику управления регионом проектных методов и использования современных методов оценки эффективности действий структурных подразделений и отдельных руководителей. Здесь уместно упомянуть и тот факт, что в рамках модернизации системы исполнительной власти необходимо внедрение действенных технологий разработки, принятия и исполнения решений, о чём пишет Ю.Г. Ершов [1].

В целом же по итогам решений, принятых по инициативе губернатора и направленных на совершенствование, наращивание потенциала региональной схемы исполнительной власти, можно надеяться на повышение ее эффективности даже в неблагоприятных внешних экономических и политических условиях. Важнейшими вопросами, которые предстоит решить в ближайшем будущем губернатору и его команде, является, во-первых, вовлечение во все проекты развития региона экономически активной части населения и бизнеса

как регионального, так и бизнеса других регионов, иностранного бизнеса, создавая благоприятные условия для их прихода и деятельности, а, во-вторых, активизация деятельности гражданского регионального сообщества.

1. Ершов, Ю.Г. Правовой нигилизм: меры противодействия / Ю.Г. Ершов // Социум и власть. 2014. № 4. С. 80–85.

2. Если завтра – выборы...О чём говорят данные социологического опроса жителей Челябинской области? Данные инициативного социологического опроса, проведенного специалистами лаборатории прикладной политологии и социологии на территории Челябинской области в период с 21 по 25 июля. Опрошено 1000 респондентов в 12 муниципальных образованиях (крупные, средние, малые города, муниципальные районы). Статистическая погрешность $\pm 3\%$ [Электронный ресурс] / URL: http://chel.ranepa.ru/science/Sots.%20issledovaniya.php?ELEMENT_ID=10337 (дата обращения: 27.11.2014).

3. Зырянов, С.Г. Новый способ легитимации власти губернаторов в России: особенности и проблемы / С.Г. Зырянов // Социум и власть. 2014. № 3. С. 35–41.

4. Нечаева, С.В. Образовательный потенциал населения Челябинской области / С.В. Нечаева // Экономические, юридические и социокультурные аспекты развития регионов. Сборник научных трудов. Челябинск: НОУ ВПО «Челябинский институт экономики и права им. М.В. Ладюшина». 2012. С. 183–190.

5. О сити-менеджерах. Прямая речь / Б.А. Дубровский // Южноуральская панорама. 8.11.2014 г.

6. Отношение челябинцев к делению города на самостоятельные независимые муниципальные образования. Результаты социологического опроса жителей г.Челябинска, проведенного 30.08–08.09.97 г. [Электронный ресурс] / URL: <http://chel.ranepa.ru/downloads/Sots.%20issledovaniya/delenie-chel.pdf> (дата обращения: 29.11.2014).

7. Социокультурный портрет Челябинской области. Результаты социологического опроса населения Челябинской области, проведенного в период с 15 по 25 июля 2014 года. Опрошено: 1000 респондентов. Статистическая погрешность данных: $\pm 3\%$ [Электронный ресурс] / URL: http://chel.ranepa.ru/science/Sots.%20issledovaniya.php?ELEMENT_ID=12791 (дата обращения: 29.11.2014).

8. Сто дней Бориса Дубровского в оценках населения Челябинской области. Результаты социологического опроса населения Челябинской области, проведенного в период с 16 по 21 апреля 2014 года. Опрошено: 700 респондентов. Статистическая погрешность данных: $\pm 5\%$ [Электронный ресурс] / URL: http://chel.ranepa.ru/science/Sots.%20issledovaniya.php?ELEMENT_ID=9502 (дата обращения: 26.11.2014).

References

1. Ershov, Ju.G. Pravovoj nihilizm: mery protivodejstvija [Legal Nihilism: measures of counteraction] // *Socium i vlast'*. 2014. № 4. S. 80–85.

2. Esli zavtra – vybory... O chjom govoryat dannye sociologicheskogo oprosa zhitelej Cheljabinskoy oblasti? Dannye iniciativnogo sociologicheskogo oprosa, provedennogo specialistami laboratorii prikladnoj politologii i sociologii na territorii Cheljabinskoy oblasti v period s 21 po 25 ijulja. Oprosheno 1000 respondentov v 12 municipal'nyh obrazovaniyah (krupnye, srednie, malye goroda, municipal'nye rajony). Statisticheskaja pogreshnost' +3% [Electronic resource] / URL: http://chel.ranepa.ru/science/Sots.%20issledovaniya.php?ELEMENT_ID=10337 (accessed: 27.11.2014).

3. Zyrjanov, S.G. Novyj sposob legitimacii vlasti gubernatorov v Rossii: osobennosti i problemy [New way to legitimation power of governors in Russia: features and problems] // *Socium i vlast'*. 2014. № 3. S. 35–41.

4. Nechaeva, S.V. Obrazovatel'nyj potencial naselenija Cheljabinskoy oblasti // *Jekonomicheskie, juridicheskie i sociokul'turnye aspekty razvitija regionov. Sbornik nauchnyh trudov. Cheljabinsk: NOU VPO «Cheljabinskij institut jekonomik i prava im. M.V. Ladoshina»*. 2012. S. 183–190.

5. O siti-menedzherah. Prjamaja rech' // *Juzhno-ural'skaja panorama*. 8.11.2014 g.

6. Otnoshenie cheljabincev k deleniju goroda na samostojatel'nye nezavisimye municipal'nye obrazovanija. Rezul'taty sociologicheskogo oprosa zhitelej g.Cheljabinska, provedjonnogo 30.08-08.09.97 g. [Electronic resource] / URL: <http://chel.ranepa.ru/downloads/Sots.%20issledovaniya/delenie-chel.pdf> (accessed: 29.11.2014).

7. Sociokul'turnyj portret Cheljabinskoy oblasti. Rezul'taty sociologicheskogo oprosa naselenija Cheljabinskoy oblasti, provedennogo v period s 15 po 25 ijulja 2014 goda. Oprosheno: 1000 respondentov. Statisticheskaja pogreshnost' dannyh: +3% [Electronic resource] / URL: http://chel.ranepa.ru/science/Sots.%20issledovaniya.php?ELEMENT_ID=12791 (accessed: 29.11.2014). 8. Sto dnej Borisa Dubrovskogo v ocenkah naselenija Cheljabinskoy oblasti Rezul'taty sociologicheskogo oprosa nasele-nija Cheljabinskoy oblasti, provedennogo v period s 16 po 21 aprelja 2014 goda. Oprosheno: 700 respondentov. Statisticheskaja pogreshnost' dannyh: +5% [Electronic resource] / URL: http://chel.ranepa.ru/science/Sots.%20issledovaniya.php?ELEMENT_ID=9502 (accessed: 26.11.2014).

UDC 316.334

THE SYSTEM OF STATE AND MUNICIPAL ADMINISTRATION IN THE CHELYABINSK REGION IN 2014: CHANGE OF PERSONS AND CONTROL MECHANISMS

Zyrianov Sergey Grigoryevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, the Director, Doctor of Political Science, Professor Chelyabinsk, Russia.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Annotation

The article deals with the political processes in Chelyabinsk region in 2014. Governor's elections in Chelyabinsk region is analyzed in the article and municipal elections of new format in Chelyabinsk. Causes and possible effect of changing administrative mechanisms of municipal and regional levels are described by the author. The dynamic of trust and distrust of people to regional authorities is considered in the article.

Key concepts:

elections,
electoral statistics,
trust,
regional system of executive authorities,
municipal management system.

УДК 323

**СЛАБЫЕ ТРЕНДЫ
СОЦИАЛЬНОЙ
СТРАТИФИКАЦИИ
И МОБИЛЬНОСТИ
НАСЕЛЕНИЯ
ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
2010-х ГОДОВ***

С.Г. Зырянов,
Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ,
директор, доктор политических наук,
профессор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу региональных социальных процессов в Челябинской области в период с 2008 по 2014 год. Рассматриваются слабые тренды уровня реальных доходов населения, а также влияние снижающихся темпов экономического развития на социальную стратификацию регионального социума, параметры среднего класса и профессиональную мобильность работников.

Ключевые понятия:

реальные денежные доходы населения, социальная стратификация, социальная мобильность, средний класс.

Данная статья является продолжением темы научно-исследовательского проекта РГНФ «Социокультурный портрет населения Челябинской области», начатого в 2011 году. По истечении четырех лет в июле 2014 года было проведено повторное социологическое исследование, цель которого выявить изменения в социальной стратификации и мобильности населения региона в условиях посткризисного развития. В статье «Социальная стратификация и социальная мобильность населения Челябинской области» [3] были сформулированы дефиниции всех необходимых для рассмотрения проблемы понятий. При изучении социальной структуры Челябинской области, как и в предыдущем исследовании, использовались предложенные в Типовой методике технического задания гранта РГНФ два подхода к аналитическим сравнениям.

Во-первых, выявление различий по уровню материальной обеспеченности, для чего сформировавшиеся в регионе за 4 года материально-финансовые аспекты картины социального неравенства анализируются путём сравнения распределения доходов и расходов населения между пятью 20-процентными социальными группами.

Во-вторых, сравнение различий респондентов по месту в социальной стратификации, которая не идентична материальному расслоению, так как в этом случае наряду с материальной дифференциацией учитываются и два других фактора, определяющих положение индивидов и групп в сложившейся системе социального расслоения регионального сообщества: обладание властью и символическим капиталом. Фоном и базовым фактором, обуславливающим возможную положительную или отрицательную динамику рассматриваемых социальных феноменов, является посткризисное состояние экономики и социальной сферы региона, обуславливающее формирование основных трендов.

Итак, посткризисное развитие региона, начиная с 2010 года, характеризуется снижением темпов роста ВРП. Наглядную картину развития экономики области дает анализ динамики ВРП за 13 лет, а также динамика сопутствующих ему показателей.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-03-00486 «Социокультурный портрет Челябинской области: региональное сообщество во времени и пространстве».

Валовой региональный продукт по Челябинской области за 2000–2012 гг. [9]

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Валовой региональный продукт, в основных ценах, миллионов рублей	120561,0	142461,9	172446,4	220185,2	291179,9	349957,2	446918,0	575643,7	664492,7	556985,3	652865,5	774401,0	843339,4
Изменение темпов роста ВРП, в сопоставимых ценах, в процентах к предыдущему году	110,7	103,1	100,9	108,5	104,9	108,3	110,6	113,4	101,5	85,9	106,0	105,3	102,4
Динамика ВПР, относительно 2007 года*	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0,859	0,911	0,954	0,982
Индекс-дефлятор ВРП, в процентах к предыдущему году	137,6	114,6	120,0	117,7	126,1	111,0	115,5	113,6	113,7	97,6	110,6	112,6	106,4
Валовой региональный продукт на душу населения, в основных ценах, рублей	33012,3	39216,5	47775,7	61444,7	81894,8	99159,8	127442,5	164797,5	190565,5	159901,0	187673,7	222664,2	242150,5
	I фаза			II фаза				III фаза		IV фаза			

Исходя из данных таблицы за период с 2000 по 2012 год в развитии экономики региона по показателю ВРП можно выделить четыре фазы:

1-я трехлетняя фаза падения с 110,7% в 2000 году до 100,9 % в 2002 году;

2-я пятилетняя фаза роста со 100,9 % в 2002 году до 113,4% в 2007 году;

3-я двухлетняя фаза кризиса и падения объема ВРП до 85,9% в 2009 году;

4-я четырехлетняя фаза отскока от дна кризиса с последующим устойчивым трендом уменьшения темпов роста ВРП со 106,0% 2010 года до 102,4% в 2012 году.

Однако если пересчитать показатели роста ВРП, взяв за базовый год 2008-й, где он равен 1, то в 2012 он составил только 0,982, что на 0,018 ниже 2008 года. Очевидно, что в этот период наблюдался только восстановительный рост региональной экономики.

Поскольку временной период с 2008 года по 2012 год оказался с одной стороны переломным, а с другой стороны достаточно показательным, то в дальнейшем анализе основных социально-экономических индикаторов уровня жизни населения Челябинской области мы будем ориентироваться на сравнения всех анализируемых

показателей только в рамках данного периода, включая там где они имеются данные за 2013 и 2014 годы.

В материалах анализа 2011 года было установлено, что на тот период времени распределение денежных доходов среди пяти 20%-х групп населения свидетельствовало о возникновении и сохранении, по крайней мере с 2006 по 2010 год, существенных диспропорций среди различных категорий жителей области. Данные статистики свидетельствовали, что 20% наименее обеспеченных жителей области получили в 2010 году в 8,2 раза меньше денежных доходов, чем 20% жителей с наибольшими доходами. Ситуация с неравенством в доходах населения Челябинской области была аналогична общероссийской картине. За период 2008–2013 гг. данная диспропорция в распределении денежных доходов населения региона частично сгладилась.

Итак, соотношение различия в размере получаемых доходов первой и пятой 20% групп за шестилетний период снизилось с 8,2 раза до 7,8 раза, т.е. на 0,4 единицы. Предполагаемая причина – последствия мирового финансово-экономического кризиса, а также то, что пятая 20% груп-

*Рассчитано автором.

Таблица 2

**Распределение общего объема денежных доходов населения
(в процентах к итогу) [9]**

	2008	2009	2010	2011	2012	2013*
Денежные доходы – всего	100	100	100	100	100	100
в том числе по 20-процентным группам населения:						
первая (с наименьшими доходами)	5,5	5,6	5,6	5,7	5,6	5,8
вторая	10,3	10,4	10,4	10,4	10,4	10,6
третья	15,3	15,3	15,3	15,4	15,3	15,6
четвертая	22,7	22,7	22,7	22,8	22,7	22,8
пятая (с наибольшими доходами)	46,2	46,0	46,0	45,7	46,0	45,2
Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов), в размах	14,5	14,2	14,3	13,9	14,2	13,2
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)**	0,402	0,400	0,400	0,396	0,400	0,389

па наиболее обеспеченных за этот период уменьшилась на 1,0%.

Из данных таблицы следуют ещё два вывода. Во-первых, уменьшился на 1,3 единицы коэффициент фондов с 14,5 до 13,2 раза; во-вторых, уменьшился и коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) с 0,402 до 0,389, т.е. на 0,013. Рискнем предположить, что эти изменения свидетельствуют не об улучшении состояния с денежными доходами в первой группе, а об ухудшении ситуации с реальными доходами всего населения региона. Для подтверждения этого тезиса обратимся к показателям основных индикаторов уровня жизни населения региона.

Анализ данных, приведенных в таблице, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в денежном выражении среднедушевые доходы населения области выросли на 7483,3 руб., что составило 152,9%. В то же время с 2008 по 2013 год рост реальной начисленной зарплаты, если взять год 2008 как базовый за единицу, то в 2013 рост реальных располагаемых денежных доходов населения составили только 0,186, т.е. фактически их рост был минимальным.

В данных таблицы 3 также прослеживается ещё одна тенденция – это рост численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного уровня с 369,9 тыс. человек до 404,4 тыс. человек,

т.е. на 34,5 тысячи. В целом от суммы самодеятельного населения и пенсионеров эти 404,4 тыс. человек составляют 14,5%.

Если говорить о ближайших временных перспективах, то в связи с тем, что в «замедлении российской экономики переплелись структурные и циклические (значительный масштаб скрытой безработицы, наличие свободных мощностей) факторы», [7] выход из рецессии менее вероятен, чем дальнейшее ухудшение экономической, а значит и социальной ситуации.

Сохраняется и исторически сложившаяся основа дифференциации доходов населения Челябинской области. Во-первых, это неравномерность уровня развитости отраслей экономики региона и как следствие сохраняющийся дисбаланс удельного веса различных отраслей в формированной структуре ВРП, доставшихся региону в наследство от советской эпохи индустриализации. Как и ранее, лидерство в размере среднемесячной заработной платы в 2010–2013 годах обеспечивает работа в следующих отраслях: финансовая деятельность – 32711,1/42683 (+130,5%) рублей в месяц, работа в металлургическом производстве – 25054,7/33300,3 (+132,3%) рублей. С другой стороны, работа в таких отраслях, как сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, обеспечивают самый низкий уровень доходов работникам, только 9957,7/17061,8(+171,3%) рублей зара-

*Предварительные данные.

**Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов от линии их равномерного распределения. Величина коэффициента может варьироваться от 0 до 1, при этом чем выше значение показателя, тем более неравномерно распределены доходы.

Основные индикаторы уровня жизни населения Челябинской области [9]

	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Среднедушевые денежные доходы населения* (в месяц), руб. (1996 г. – тыс. руб.)	14120,0	15215,1	16821,1	18459,9	19816,5	21603,*
Реальные располагаемые денежные доходы населения, в процентах к предыдущему году	113,9	98,8	103,2	98,4	100,1	102,8*
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике, руб.	14829,2	15021,2	17370,2	20015,0	22500,5	25648,3*
Динамика роста реальной начисленной заработной платы, в процентах к предыдущему году	108,8	91,7	107,9	104,1	106,7	107,9
Рост реальной заработной платы относительно 2008 года**	1,0	0,917	0,989	1,03	1,099	1,186
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума,*** тыс. человек	369,9	376,0	356,6	374,1	352,8	404,4
в процентах от общей численности населения	10,6	10,8	10,2	10,8	10,1	11,6
в процентах к предыдущему году	91,2	101,6	94,8	104,9	94,3	114,6
Соотношение с величиной прожиточного минимума, процентов: среднедушевых денежных доходов	в 3,3 р.	в 3,3 р.	в 3,4 р.	в 3,2 р.	в 3,4 р.	в 3,0 р.

ботной платы в месяц, а в сфере образования – 10756,2/18742,9 (+174,2%) рублей в месяц [9].

На столь коротком временном отрезке – 4 года – не изменилась роль муниципальных образований в формировании социально-экономической дифференциации населения и сложившейся территориально-отраслевой специализации региона. В регионе были и остаются территории, специализирующиеся на производстве сельскохозяйственной продукции, – это юг области, есть территории, относящиеся к горнозаводской зоне, в которых основная проблема – это моногорода (всего в области 16) – то есть наличие одного или двух – трёх градообразующих предпри-

ятий с устаревшими основными производственными фондами, есть три города – ЗАТО, относящиеся к Росатому. Сохраняется сложившаяся корреляция численности населения, проживающего в муниципальных образованиях Челябинской области, с показателем среднемесячной зарплаты. Лидерами по-прежнему являются три муниципальных образования, где среднемесячная зарплата в 2010 и в августе 2014 года была выше средней по области. Это Магнитогорск – 22588,7 руб. в 2010 г. и 32486 в 2014 г., Челябинск – соответственно 20510,9 и 34027,2 руб., Миасс – 18012,6 и 37027,2 руб. В остальных 36 муниципальных образованиях, указанных в статистической таблице, среднеме-

*Данные за 2004–2010 гг. рассчитаны с использованием численности, пересчитанной от итогов ВПН-2010.

**Предварительные данные. Рассчитано автором.

***Оценка на основе материалов выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и макроэкономического показателя среднедушевых денежных доходов населения. За 2003–2010 гг. показатель рассчитан с использованием численности населения, пересчитанной от итогов ВПН-2010.

сячая зарплата ниже средней по области и рекордсменом здесь и в августе 2014 году стал Чесменский муниципальный район с сельскохозяйственным профилем производства и с показателем зарплаты 16983,1 руб. в месяц [4].

Статистические данные, которые с определённой долей условности можно отнести к объективной характеристике состояния социального неравенства регионального социума, почти в унисон дополняются субъективными оценками жителей респондентов. Социологические опросы в 2011–2014 году, проведённые лабораторией прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС, дали результат (см. табл. 4).

В 2010 году 9,6% респондентов в плане материального обеспечения чувствовали себя комфортно, в 2014 их стало 9,7%. А вот 49,7% в 2010 году заявляли о наличии серьёзных материальных проблем. В 2014 году их стало 41,0%, то есть группа уменьшилась на 8,7%. С другой стороны, произошло увеличение группы населения со средними доходами на 6,0%. Получается, что на уровне субъективных оценок уровень материальной дифференциации жителей области имеет небольшую позитивную динамику.

Напомним читателю, что при рассмотрении положения групп населения Челябинской области в системе социальной

Таблица 4

Самооценка населением уровня своей материальной обеспеченности в %

		2010*	2011**	2014***
1	Достаточно состоятелен, чтобы хорошо жить	0,7	0,4	1,1
2	Денег на жизнь хватает, особо не экономим	8,9	7,3	8,6
3	Живём нормально, но приходится экономить	47,7	46,4	49,3
4	Денег хватает только на питание	36,4	37,7	33,4
5	Живём за гранью бедности, денег не хватает даже на питание	6,9	8,2	7,6

Если укрупнить и суммировать полученные данные, то мы увидим, что на протяжении четырёх лет наблюдений численность трёх групп населения – обеспеченных (1 группа, включает позицию 1 и 2 из таблицы), со средним уровнем обеспечения (2 группа), малообеспеченных и бедных (3 группа, включает 4 и 5 группу) не претерпела никаких изменений (см. табл. 5).

стратификации в 2011 и в 2014 гг. использовались три критерия: наличие властных полномочий, т.е. факт руководства людьми; материальный уровень жизни и уровень образования (символический капитал), которые репрезентируют социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное пространство соответственно****.

Таблица 5

Соотношение укрупнённых групп по показателю материальной обеспеченности в %

	2010 год	2011 год	2014 год
1 группа – обеспеченные	9,6	7,7	9,7
2 группа – со средним уровнем обеспечения	43,3	46,4	43,3
3 группа – малообеспеченные и бедные	49,7	45,9	41

*Социологический опрос проведён 27–30 апреля 2010 г. Опрошено 16996 респондентов в Челябинской области. Статистическая погрешность + 2,0%

**Социологический опрос проведён 29 марта – 25 апреля 2011 г. Опрошено 17021 респондент в Челябинской области. Статистическая погрешность + 2,0%

***Социологический опрос проведён 11–27 апреля 2014 г. Опрошено 17021 респондент в Челябинской области. Статистическая погрешность +3,0%

****В нашем исследовании использовались предложенные в Типовой методике критерии.

В соответствии с рекомендациями Типовой методики для выделения социальных слоёв использовалась процедура кластерного анализа с применением метода k-средних и выделением 5 кластеров. При этом из общего массива данных были исключены студенты и учащиеся, которые в силу возраста не имеют пока устоявшегося статуса в системе социальной стратификации.

нал – 27,5%, предприниматели – 29,9%. Средний возраст представителей этой страты составляет 44,2 года.

Второй кластер, условно названный «эксперты», в 2014 году включает в себя только 3,3% опрошенных. Анализировать его социально-демографические особенности нет смысла, так как полученные данные лишь немного превышают показатель статистической погрешности.

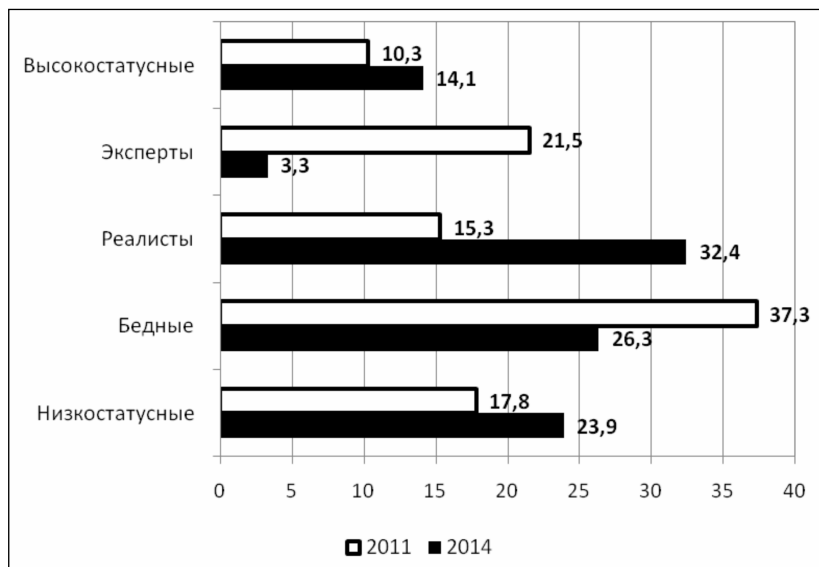

Рисунок 1

В 2014 году самый престижный кластер, условно обозначенный в соответствии с методикой термином «высококатегорные» (10,3%), включает в себя: людей, обладающих властными полномочиями (число подчинённых у 33,6% – менее 5 человек, у 26,9% человек – 5–10, у 13,4% это 11–50 человек, у 6,7% – это 51–100 человек; символический капитал в виде высшего образования и послевузовского образования (84,3% и 9% соответственно). Уровень дохода этой группы позволяет отнести её представителей к категории «обеспеченные». В его состав входят 47% респондентов, у которых денег в основном хватает, но не для покупки дорогостоящих предметов, 41,8% респондентов, которым денег почти на всё хватает, но затруднено приобретение квартиры, а вот 8,2% респондентов практически ни в чём себе не отказывают.

Демографический состав анализируемого кластера отмечается преобладанием мужчин (57,2%). В профессиональной структуре выделяются категории ИТР, госслужащие, средний управленческий персон-

Третий кластер, получивший терминологическое обозначение «реалисты», объединяет 32,4% опрошенных. Среди представителей этой группы только 7,4% имеют подчинённых менее 5 человек. По признаку материального положения реалисты позиционируют себя как люди, 35,5% которых имеют денежные доходы, и их хватает на повседневные затраты, но покупка одежды затруднительна, у 53,0% денежных доходов в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нет, и 11,5% – это те, кому денег на всё хватает, но затруднено приобретение квартиры. Следует обратить внимание на то, что их уровень дохода достигается, по-видимому, за счёт наличия особых, хорошо востребованных на региональном рынке профессиональных навыков, поскольку в составе кластера находятся респонденты со средним уровнем образования (у 60,2% среднее специальное и среднее профессиональное, у 14,2% – неоконченное высшее, у 23,4% – высшее). При этом доминирующей категорией в рассматриваемой группе являются предприниматели – 10,6%,

работники торговли, рабочие в промышленности, на транспорте, в связи – 17,6%. По полу не наблюдается отклонений от данных по выборке в целом, а средний возраст респондентов – 42,1 года.

Четвёртый кластер – «бедные», которых можно ещё характеризовать как «дезадаптанты». Они составляют самую большую часть массива – 37,3%. В их составе только 8% имеют подчинённых (имеет 5 и 5–10 подчинённых). Абсолютное большинство их – 92% – не имеет властных полномочий – не имеют подчинённых. Это люди со средним специальным уровнем образования – 60,2%, у 14,2% – неоконченное высшее, у 23,4% – высшее. Они находятся в низших слоях по денежным доходам: у 48% денег не хватает на повседневные затраты, у 21% на повседневные затраты уходит вся зарплата, и у 31% на повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна. По отношению к представителям данной группы о их слабой приспособленности к новой рыночной социально-экономической ситуации свидетельствует то, что они не смогли конвертировать имеющийся у них образовательный и культурный капитал в приемлемый уровень доходов. Именно в силу этого представители данной группы по материальному положению относятся к категории «бедных». Все базовые характеристики социального состава группы также говорят о её слабом адаптационном потенциале. Здесь преобладают женщины (64,4%), значительное число пенсионеров (26,8%), много рабочих (12,4%). Средний возраст 50,2 года.

Пятый кластер – «низкостатусные» – вообрал в себя 15,6% респондентов. В него входят люди, не имеющие властных функций (94%), с низким уровнем образования: у 24,9% незаконченное среднее, у 50,8% среднее общее и у 22,2% – начальное специальное (профессиональное). По уровню доходов он выглядит чуть лучше, чем предыдущий кластер: у 7,9% денег не хватает на повседневные затраты, у 21,3% на повседневные затраты уходит вся зарплата, и у 50,8% на повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна. Представители данной группы не располагают возможностью самостоятельного изменения своего социального положения из-за отсутствия необходимых для этого ресурсов. В состав данного кластера делегируются пенсионеры (20,4%), много рабочих (27%). Средний возраст 48 лет.

Как видно из приведённых социально-демографических характеристик

страт, их социально-демографический и профессиональный состав меняется. Настораживает факт появления в составе низших двух страт реалистов и бедных группы численностью в 28% респондентов, которые имеют неоконченное высшее образование. Хотя, возможно, речь идет о студентах вузов заочной формы обучения. В этих же двух стратах увеличивается разброс по доходам.

А вот сравнение полученных в 2011 и 2014 годах социологических данных по их размерам позволяет зафиксировать: во-первых, изменение количественных характеристик страт – с 2011 года по 2014 год увеличилась на 4,1% численность высоко-статусного кластера; заметно уменьшилась на 18,2% страта экспертов; увеличилась на 17,1% страта реалистов; уменьшился на 11,5% кластер бедных и увеличилась на 6,1% страта низкостатусных. Рискнем предположить, что столь разнонаправленная и в отдельных случаях весьма масштабная по численности динамика размера кластеров может свидетельствовать о большой волатильности субъективных представлений респондентов о своем месте в социальной структуре российского общества. Второй причиной подобных скачков, возможно, является резкое вмешательство в социальную стратификацию субъективного политического фактора. Речь идет, например, о последовательной реализации региональными властями майского 2012 года № 597 Указа Президента РФ о повышении средней зарплаты отдельным категориям работников так называемой социальной бюджетной сферы. Третьей причиной этих трансформаций, конечно, является медленно нарастающее ухудшение экономической ситуации.

Как и в 2011 году, в 2014 для того, чтобы определить границы среднего класса в Челябинской области, была использована методика, разработанная Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Выделение респондентов, относящихся к среднему классу, осуществлялось на основе трёх критериев: социальной самоидентификации, субъективной оценке материальной обеспеченности, образовательного статуса, а также самоидентификации респондентов в трёх измерениях: в отношении своего поселения, региона, страны в целом.

Следует отметить, что полученные таким образом оценки респондентов относительно собственного социального положения в целом согласуются, но на каждом

из трёх уровней границы отнёсших себя к среднему классу не совпадают.

Итак, принятая методикой перекрёстная классификация данных о самоидентификации с признаками материальной обеспеченности и уровня образования дала возможность установить размеры группы, представителей которой можно отнести к среднему классу в 2011–2014 годах. В масштабе страны к этой страте относят себя по этим годам соответственно 22,4% / 33,5% жителей области, в регионе – 31,4% / 42,54%, в своём поселении – 44% / 54,3%. Совпадение идентификации во всех трёх измерениях наблюдалось в 2011 году у 17,8%, а в 2014 году имеет место у 22,6%. Следовательно, удельный вес среднего класса в регионе вырос, хотя и совсем на немного – на 4,8%.

В социально-демографическом составе среднего класса в сравнении со всем массивом опрошенных выявлены определенные особенности заметных особенностей. В его составе на 4,4 % больше мужчин и на +5,2% больше молодых по возрасту людей, чем представлено в среднем по выборке. Средний возраст представителя среднего класса составляет 36,5 года, в то время как в целом по массиву опрошенных он составляет 45 лет.

При сравнении данных двух замеров

видно, что гендерный и поселенческий признаки стали дифференцирующими для представителей среднего класса факторами. Больше на 8% в 2014, чем в 2011 году, в составе среднего класса стало мужчин и 5,3% респондентов из сельской местности.

А вот индексы социально-экономического самочувствия и в 2011 году и в 2014 году свидетельствуют о формировании более заметных отличий представителей этой страты на фоне большинства респондентов.

Значения индексов свидетельствуют о том, что в 2011 году среднему классу, в сравнении с общей выборкой, была и остается в 2014 году свойственной большая удовлетворённость жизнью (0,35/0,616% против 0,26%/0,44%), уверенность в благоприятных перспективах будущего (0,34%/0,496 против 0,15%/0,231%), в том числе в перспективах в предстоящем году жизни (0,73/0,585 против 0,49/0,299). При этом если три года назад ожидания от жизни в предстоящем году были более оптимистичными и у среднего класса и у населения в целом, то в опросе 2014 года индекс этого показателя заметно уменьшился – у среднего класса на 0,265, т.е. почти вдвое, а у населения он уменьшился – на 0,119.

Обратимся также к сравнению показателей социальной мобильности самодет-

Таблица 6

Социально-демографические характеристики среднего класса в 2011 и 2014 годах. Челябинская область (в%)

	Средний класс		Весь массив	
	2014	2011	2014	2011
<i>Пол</i>				
Мужской	49,3	41,3	44,9	43,2
Женский	50,7	58,7	55,1	56,8
<i>Возраст</i>				
18–30	34,8	34,2	29,6	26,8
31–50	37,1	41,3	34,8	39,3
Старше 50 лет	28,1	24,5	35,6	33,9
<i>Образование</i>				
Среднее специальное	38,1	38,0	38,1	38,2
Неоконченное высшее	11,9	9,2	11,9	8,3
Высшее	31,5	31,8	31,5	30,8
<i>Тип поселения</i>				
Город	82,1	87,4	82,1	88,2
Село	17,9	12,6	17,9	11,8

Таблица 7

Социальные настроения среднего класса Челябинской области

Показатели социального настроения	Средний класс 2011 / 2014	Выборка в целом
<i>Удовлетворённость жизнью</i>		
Полностью и скорее удовлетворён	58,2 / 65,3	53,9 / 56,7
Не очень удовлетворён, совсем не удовлетворён	28,0 / 15,5	31,3 / 22,0
Затрудняюсь ответить	13,1 / 16,2	13,8 / 18,8
Отказ от ответа	0,7 / 3,0	1,1 / 2,5
Индекс*	0,302 / 0,616	0,23 / 0,44
<i>Уверенность в будущем</i>		
Вполне уверен, скорее уверен, чем нет	42,8 / 52,0	38,0 / 43,7
Не могу сказать точно	35,9 / 27,5	32,7 / 27,3
Скорее не уверен, чем уверен	14,1 / _____	19,3 / _____
Совершенно не уверен	6,7	8,6
Отказ от ответа	0,5 / 3,0	1,4 / 1,7
Индекс	0,22 / 0,496	0,10 / 0,23
<i>Ожидания от жизни в будущем году</i>		
Будем жить значительно лучше или несколько лучше	38,1 / 39,4	28,4 / 28,0
Ничего не изменится	26,6 / 25,5	30,9 / 25,4
Будем жить несколько хуже или значительно хуже	6,0 / 10,3	9,6 / 15,1
Не знаю, отказ от ответа	29,3 / 24,8	32,8 / 31,5
Индекс	0,32 / 0,585	0,18 / 0,299

ательного населения области. Социальная мобильность – это изменение социального статуса человека, происходящее вследствие перемещения индивида или социальной группы между различными позициями в системе социально-профессиональной стратификации. В связи с большей до-

ступностью данных о профессиональном положении индикатором социальной мобильности в большинстве исследований выступает социально-профессиональный статус. Итак, что же произошло за 4 года в структуре занятости населения Челябинской области**?

*Значения индексов рассчитаны по формуле $I = \frac{(n1 - n3)}{n}$, где $n1$ – число положительных ответов, $n3$ – число отрицательных ответов, I – общее число респондентов в группе. Значения индексов изменяются в диапазоне (-1;1), при этом отрицательные значения свидетельствуют о преобладании негативных оценок, положительные – о позитивных. Значения индекса, близкие к 0, указывают на примерно равное соотношение численности групп.

**Численность профессиональных групп определялась с учётом занятости респондента и его родителей. Группы по занятости с численностью менее 50 человек в таблице не представлены. Доля перемещений не включает случаи смены позиций, связанные с «естественными» причинами.

Изменения положения в структуре занятости населения, в %

	2011		2014	
	Численность группы, чел.	Доля перемещений, %	Численность группы, чел.	Доля перемещений, %
Работники сферы быта и услуг	98	42,0	127	40,0
Работники торговли	127	39,4	124	32,5
Бухгалтеры, экономисты, работники банков	58	36,6	72	40,5
Рабочие в промышленности, на транспорте, в связи	308	35,4	376	37,3
Предприниматели	96	33,5	135	24,2
ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал	188	28,4	165	26,8
Врачи, преподаватели, работники культуры, юристы и т.д.	208	20,8	147	19,6

Как показал анализ перемещений занятого населения между различными социальными группами, наибольшую интенсивность мобильность имеет место в группе бухгалтеров, экономистов,

работников банка (40,5% изменивших позицию).

Основные изменения в траекториях перемещений между социально-профессиональными группами представлены на рисунке 2.

Основные траектории мобильности социально-профессиональных групп

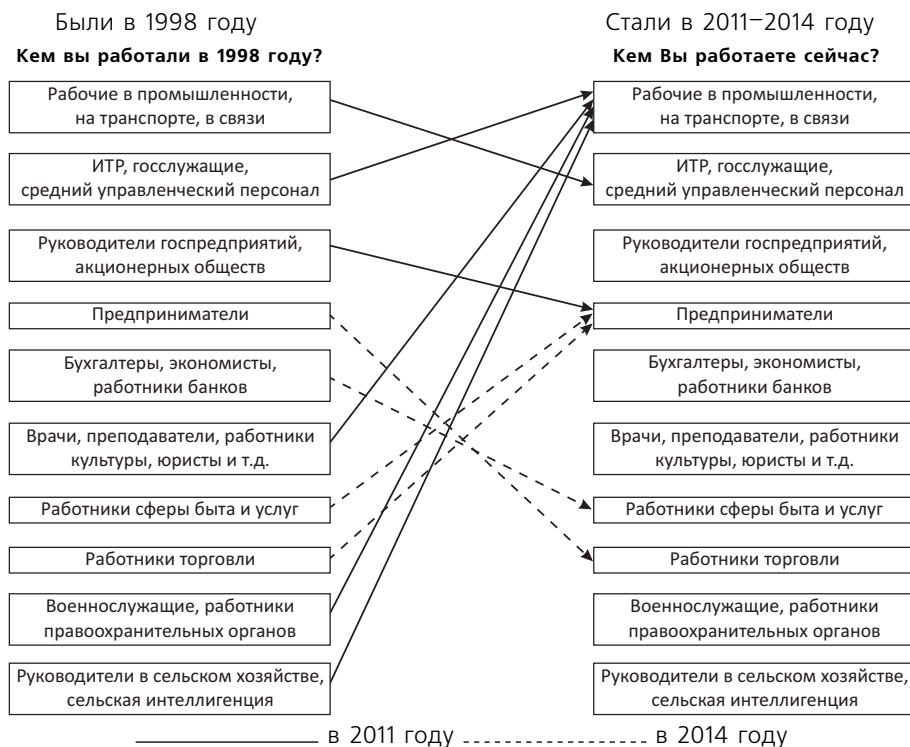

Рисунок 2

Итак, за трехлетний период изменение траекторий профессий мобильности произошло у 4-х из 10 исследуемых групп: предпринимателей, перемещение которых в 2011 году не было зафиксировано, а в 2014 году они стали перемещаться в группу специалистов работников сферы быта и услуг; у бухгалтеров, экономистов, работников банков, которые перемещались в 2011 году в группу ИТР госслужащих, средний управленческий персонал, а в 2014 году стали перемещаться в группу работников торговли; работники сферы быта и услуг, которые перемещались в 2011 году в группу работников торговли, а в 2014 году стали перемещаться в группу предпринимателей; работники торговли перемещались в 2011 году в группу бухгалтеров, экономистов, работников банков, а в 2014 году стали перемещаться в группу предпринимателей.

Судя по данным опроса, основным фактором, удерживающим человека на рабочем месте в 2011 году, являлась привычка к своей работе, этот фактор отмечали 35,8% опрошенных, мотив «мне некуда уходить» отмечали 30,7%. В 2014 году 34,5% респондентов выбрали ответ – «Я привык к своей работе», 34,0% – ответ «Работа интересная», 33,0% – ответ «Мне некуда уходить, другой работы у меня не было».

Содержательные статусные и экономические мотивы социальных перемещений имели в 2011 году значительно меньший удельный вес. Сравним эти данные.

Как следует из данных таблицы, большую роль стали играть такие мотивы, как:

- были сокращения, предприятие было закрыто +6,7%;
- на новой работе я имею больше возможностей проявить себя +3,2%;
- работа плохо оплачивалась +2,2%;

- работа по моей специальности сейчас не нужна +1,6%.

Уменьшилась роль таких причин, как:

- работа не пользовалась уважением, на –2,2%;
- появилась возможность более интересной работы, на –4,1%.

Стоит отметить, что основной целью проведенных в 2011 и 2014 гг. исследований было изучение особенностей социального самочувствия населения Челябинской области. В 2011 году региональное сообщество обладало определенным запасом социальной устойчивости и его социальное самочувствие представлялось в целом удовлетворительным на общероссийском фоне. Индекс социального самочувствия населения Челябинской области составлял 0,62. [См. 1]

Представленные в данной статье материалы сравнительного исследования свидетельствуют о том, что процессы изменения социальной структуры в Челябинской области на временном отрезке 2011–2014 гг. во многом схожи с теми, которые происходят и в российском обществе в целом. В сфере материального обеспечения наблюдается замедление роста показателей реальных доходов населения и замедление процесса дифференциации населения по уровню доходов и расходов. При этом процессы социальной дифференциации идут разнонаправленно и неравномерно и обнаруживают значительную специфику проявления в разных демографических и территориальных группах населения области. На фоне ухудшения материального положения населения в ситуации турбулентного состояния попали стратификационные факторы, что, видимо, и привело к изменению показателей удельного веса страт в социальной структуре общества. В регионе про-

Таблица 9

Мотивы смены работы, профессии (после 1998 года)

	2014	2011
Были сокращения, предприятие было закрыто	32,1	25,4
На новой работе я имею больше возможностей проявить себя	27,5	24,3
Появилась возможность более интересной работы	24,1	28,2
Работа плохо оплачивалась	23,7	21,5
Работа по моей специальности сейчас не нужна	6,1	4,5
Работа не пользовалась уважением	2,3	4,5
Не знаю	1,5	-
Отказ от ответа	9,9	-

должается процесс формирования и закрепления базовых элементов новой социальной структуры, более характерной для общества с рыночной экономикой, возникают новые социальные слои и группы. И, наконец, продолжается пусть медленный, но неуклонный рост количества людей, относящих себя к среднему классу, который становится моложе.

1. Абрамкина, С.Р., Богданова, Д.В., Терещук, Е.А. Челябинская область: особенности социального самочувствия / С.Р. Абрамкина, Д.В.Богданова, Е.А. Терещук // Социум и власть. 2011. № 4. С. 26–32.

2. Данные Всероссийской переписи населения – 2010 [электронный ресурс]. Режим доступа: http://chelstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chelstat_ru/census_and_researching/census/. Дата обращения: 05.11.2014.

3. Зырянов, С.Г. Социальная стратификация и социальная мобильность населения Челябинской области. Социум и власть. № 4, 2011. № 1, 2012.

4. Итоги социально-экономического развития Челябинской области (январь-август 2014 года) / Южноуральская панорама, № 149. 30.09.2014 г.

5. Муниципальные образования Челябинской области. Основные социально-экономические показатели. Стат.сб. в 2 ч. Часть 1/ Челябинскстат. – Челябинск, 2011. – С. 11

6. Муниципальные образования Челябинской области. Основные социально-экономические показатели. Стат.сб. в 2 ч. Часть 1/ Челябинскстат. – Челябинск, 2014. – С. 11

7. Солнцев, О., Белоусов, Д., Голощапова, И. И. Игнатова. Не хватает прозрачности. Ведомости, 29.10.2014 г.

8. Челябинская область в цифрах. Краткий статистический сборник/ Челябинскстат, – 2011. – С. 24–25.

9. Челябинская область в цифрах. Краткий статистический сборник/ Челябинскстат, – 2013. – С. 70–72.

References

1. Abramkina, S.R., Bogdanova, D.V., Tereshhuk, E.A. Cheljabinskaja oblast': osobennosti social'nogo samochuvstvija [Chelyabinsk region: peculiarity of social health] // Socium i vlast'. 2011. № 4. S. 26–32.

2. Dannye Vserossijskoj perepisi naselenija – 2010 [Electronic resource]. Rezhim dostupa: http://chelstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chelstat_ru/census_and_researching/census/. (accessed: 05.11.2014).

3. Zyrjanov, S.G. Social'naja stratifikacija i social'naja mobil'nost' naselenija Cheljabinskoj oblasti. Socium i vlast'. №4, 2011. № 1, 2012.

4. Itogi social'no-jekonomicheskogo razvitiya Cheljabinskoj oblasti (janvar'-avgust 2014 goda) / Juzhno-Ural'skaja panorama № 149. 30.09.2014 g.

5. Municipal'nye obrazovanija Cheljabinskoj oblasti. Osnovnye social'no-jekonomicheskie pokazateli. Stat. sb. v 2 ch. Chast' 1/ Cheljabinskstat. – Cheljabinsk, 2011. – S. 11.

6. Municipal'nye obrazovanija Cheljabinskoj oblasti. Osnovnye social'no-jekonomicheskie pokazateli. Stat. sb. v 2 ch. Chast' 1/ Cheljabinskstat. – Cheljabinsk, 2014. – S. 11.

7. Solncev, O., Belousov, D., Goloshhapova, I. I. Ignatova. Ne hvataet prozrachnosti [It lacks clarity]. Vedomosti., 29.10.2014 g.

8. Cheljabinskaja oblast' v cifrah. Kratkij statisticheskiy sbornik/ Cheljabinskstat, – 2011. – S. 24–25.

9. Cheljabinskaja oblast' v cifrah. Kratkij statisticheskiy sbornik/ Cheljabinskstat, – 2013. – S. 70–72.

UDC 323

WEAKNESSES OF SOCIAL STRATIFICATION AND MOBILITY IN THE CHELYABINSK REGION IN THE FIRST HALF OF THE 2010–s

Zyrianov Sergey Grigoryevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, the Director, Doctor of Political Science, Professor Chelyabinsk, Russia.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Annotation

The article is devoted to the analysis of regional social processes in the Chelyabinsk region in the period from 2008 to 2014 years. The weak trends of people's real income level and impact of decreasing rate of economical growth on social stratification are considered. Parameters of middle class and professional mobility of people are also examined in the article.

Key concepts:

people's real material income, social stratification, social mobility, middle class.

УДК 316.7

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНА: ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ*

Терещук Екатерина Александровна,

Челябинский филиал РАНХиГС,
доцент кафедры экономики
и менеджмента,
кандидат социологических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: etereshook@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности и динамика ценностных ориентаций населения Челябинской области, выявленные в ходе социологических исследований в 2011–2012 гг. и в 2014 г.

Ключевые понятия:

социокультурный портрет,
Челябинская область,
ценностные ориентации.

Исследование социокультурных особенностей регионального сообщества имеет теоретическое и прикладное значение. В частности, это позволяет рассмотреть влияние социокультурных факторов на функционирование и развитие территорий, классифицировать регионы по социокультурным параметрам, а также учитывать социальное самочувствие населения, систему ценностей, социальный и культурный потенциал в разработке и реализации региональной политики.

В рамках исследования «Социокультурный портрет Челябинской области»** проведены опрос населения Челябинской области (2011 год), глубинные интервью (2012 год), экспертный опрос (2012 год). Кроме того, в 2014 году проведен мониторинговый опрос населения с целью выявления устойчивых тенденций и динамики в оценках отдельных сторон жизнедеятельности области. Остановимся на структуре базовых ценностей южноуральцев, которая представляется важной составляющей социокультурного портрета, поскольку определяет специфические модели поведения, образ жизни населения региона.

Для исследования структуры базовых ценностей была использована методика ЦИСИ ИФ РАН [1]. Из 14 предложенных для оценки ценностей 7 относятся к терминальным (ценности-идеалы: жизнь человека, семья, благополучие, работа, порядок, традиция, свобода), 7 – к инструментальным (ценности-качества: нравственность, своевольность, общительность, независимость, властность, жертвенность, инициативность). Лидирующие ценности для южноуральцев – это жизнь человека, семья и дети, общительность, порядок (безопасность), благополучие, свобода. Это то ядро ценностей, которое объединяет жителей региона и отличает их от соседних регионов.

Интегрирующий резерв, т.е. ценности, которые могут стать объединяющими в дальнейшем, поскольку на настоящий момент не все южноуральцы признают их важными для себя, включает независимость (ориентация на собственные силы), значимость работы, уважение к традициям, необходимость проявлять инициативу.

Терминальные ценности, т.е. ценности-идеалы, ценности-цели, сосредоточены в

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-03-00486 «Социокультурный портрет Челябинской области: региональное сообщество во времени и пространстве».

** Исследование в Челябинской области, реализованное лабораторией прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС, включает стандартизированный опрос населения по методике ЦИСИ ИФ РАН (июль 2011 года, июль 2014 года, выборка – 1000 человек), экспертный опрос (июль-август 2012 года, выборка – 150 человек), серию глубинных интервью (июль-август 2012 года, 120 интервью).

Ценностные предпочтения населения Челябинской области (2011, 2014)

2011			2014		
ценности	баллы	место	баллы	место	ценности
Интегрирующее ядро					
жизнь человека	4,76	1	4,83	1	жизнь человека
порядок	4,64	2	4,79	2	семья
семья	4,63	3	4,73	3	общительность
общительность	4,61	4	4,72	4	порядок
			4,47	5	благополучие
			4,46	6	свобода
Интегрирующий резерв					
независимость	4,35	5			
благополучие	4,33	6			
свобода	4,31	7	4,34	7	независимость
работа	4,13	8	4,33	8	работа
традиция	3,94	9	4,32	9	традиция
инициативность	3,91	10	4,09	10	инициативность
<i>Доля интегрирующего кластера в совокупной поддержке базовых ценностей – 71%</i>			<i>Доля интегрирующего кластера – 79,0%</i>		
Оппонирующий дифференциал					
нравственность	3,7	11	3,88	11	жертвенность
жертвенность	3,66	12	3,86	12	нравственность
своевольность	3,48	13			
Конфликтогенная периферия					
			2,18	13	своевольность
властность	2,28	14	2,07	14	властность
<i>Доля дифференцирующего кластера в совокупной поддержке базовых ценностей – 29%</i>			<i>Доля дифференцирующего кластера – 21,0%</i>		

интегрирующем жителей области кластере. Другими словами, наблюдается большее единодушие в жизненных целях, чем в средствах достижения этих целей.

Те ценности, которые скорее разъединяют, чем объединяют южноуральцев, – это инструментальные ценности (качества людей): жертвенность, нравственность.

Властность и своевольность – это ценности, которые по результатам опроса были отнесены к конфликтогенной периферии, т.е. они способны породить конфликты в регионе. Наличие в конфликтогенной периферии такой ценности, как власть, можно трактовать как стремление к власти меньшинства и нежелание большинства признавать властность в качестве возможного средства достижения жизненных целей. Своевольность в инструментарии опроса определяется как возможность по своей воле посягнуть на жизнь другого человека. С учетом того, что человеческая жизнь признается большинством как самая высшая ценность, понятно, что своевольное посягательство на жизнь может быть поддержано меньшинством.

Таким образом, доля интегрирующего кластера в совокупной поддержке базовых ценностей у населения Челябинской области составляет 79%, что существенно больше доли дифференцирующих население ценностей (21%).

Соотношение современных ценностей (свобода, независимость, инициативность, своевольность) и традиционных ценностей (традиция, порядок, жертвенность, властность) [1] составляет 1,01, что позволяет сделать вывод о практически равном соотношении ценностей изменения и ценностей сохранения для южноуральцев.

В 2011 году соотношение между ними было 1,11, что указывало на некоторое преобладание ценности изменения, т.е. определенной готовности двигаться вперед. И этот показатель выше, чем в среднем по России в 2010 году (0,97). При этом сама ценность инициативности «проигрывает» по значимости традициям и в 2011, и в 2014 году. Иллюстрацией степени значимости ценностей изменений может служить уровень инновационной культуры в регионе, который по состоянию на 2012 год оценивался большинством экспертов как средний (39%), т.е. наблюдается желание и готовность создавать и внедрять инновационные разработки, однако пока это в большей мере декларация, чем реальная инновационная деятельность.

Отношение терминальных ценностей (ценностей-целей) и инструментальных

(ценностей-средств) – 1,27 (в 2011 году – 1,18, что соответствовало соотношению этих групп ценностей в среднем для России по результатам исследования в 2010 году). Другими словами, сохраняется приоритет целей в сравнении со средствами их достижения (цель оправдывает средства).

В сравнении с результатами исследования 2011 года, выросла доля интегрирующих ценностей, они получили несколько большую поддержку среди населения (см. баллы). Кроме того, изменились и рейтинговые позиции некоторых ценностей. Так, повысилась значимость семьи, общительности, благополучия, свободы, жертвенности. Сохранили свое место ценности человеческой жизни, содержательной и интересной работы, уважения к сложившимся традициям, инициативности.

По-прежнему к ценностям, которые поддерживаются меньшинством и способны вызвать скорее конфликты внутри регионального сообщества, нежели интеграцию, были отнесены нравственность, жертвенность, своевольность, властность.

Ряд корректив в обозначенные особенности ценностной структуры населения Челябинской области внесли результаты глубинных интервью в 2012 году, где есть рассуждения в пользу значимости материального благополучия, традиций, порядка.

При проведении глубинных интервью южноуральцам была предоставлена возможность самим (без предложенного списка) определить те ценности, которые они считают специфическими для населения Челябинской области.

Жизнь как ценность упоминается в ответах всего один раз. То же самое касается уважения, любви, нравственности.

Рассуждая о типичном южноуральце, информанты отмечают, что основной ценностью являются деньги, достаток, благополучие («чтоб был достаток и благополучие»; «направленность у рабочих только на материальные блага»; «обеспечение жизни себе и семье, достаток семьи, улучшение материальных и духовных благ»; «основные ценности материальные: еда, бытовая техника, авто и т.п. ценности материальные, говорят же, что Челябинск – город банков, аптек и торговых центров»; «материальная сфера, достаток. Жизнь типичного представителя определяется стремлением к выживанию»; «деньги на первом месте, на втором – собственное благополучие,

здоровье и семья»; «*достаток* определяет все, материальный уровень...»; «*деньги*, питание, зарплата»; «*деньги* – без них никуда. Хотят, чтоб был достаток и благополучие»; «хотят, чтоб денег хватало»; «*материальное* благополучие. Если оно есть, люди живут спокойно...»), возможность этот достаток увеличить («*работа* и зарплата», «огороды и сады», «*работа*, хотят, чтоб работа была нормальная, а все остальное есть»). Материальные ценности некоторые южноуральцы называют простыми: «еда, бытовая техника, авто и т.п.», «машина, дача – чтобы, как у людей», «простые – обеспечение жизни себе и семье», «достаточно с простыми ценностями – *прожить, прокормить*, детей поднять, наличие работы и заработка».

При этом можно заметить, что достаток, материальное благополучие часто называются в числе ценностей не как самоцель, а как инструмент для достижения других целей – обеспечение выживания своего и своей семьи. И здесь видно мнение о разнице в уровне притязаний жителей крупных городов и деревень: «в крупных городах больше стремятся заработать деньги, может быть, даже слишком об этом думают, в деревнях попроще все, им бы на пропитание заработать»; «жизнь в городе определяется деньгами, возможностями, работой».

Несколько реже, чем достаток и материальное благополучие, отмечают такие ценности типичного южноуральца, как:

– семья, дом, дети. Обеспечение будущего своим детям, как в отношении достатка, так и в отношении образования, является важным для челябинцев: «живут ради детей, стала больше рождаемость у нас»; «мечтают, чтоб детям помогать, поднимать детей»; «*дети*, главная ценность – обеспечить детям жизнь»; «*дети, семья*»; «потом [*после достатка*] *семья*, дом, дети; «главное – *семья*»; «*дом, семья*»; «*дом, дети*»;

– здоровье свое и детей (вероятно, название этой ценности связано с неблагоприятной экологической обстановкой: в такой среде становится важным сохранить здоровье и вырастить здоровое поколение): «Самое главное – здоровье, чтобы дети были здоровы»; «*деньги* на первом месте, на втором – собственное благополучие, здоровье и семья»;

– спокойствие, стабильность, комфорт («комфорт, *спокойствие*, ценят стабильность и держатся вместе»; «чтобы было *комфортно*, спокойно и благополучно»; «*стабильность*»; «*спокойствие* – ради него и живут»).

Южноуральцы характеризовали сами себя как «простых людей, которые не ходят в заведения и рестораны», не обладают амбициями («с низким уровнем притязаний», «средний обыватель, никуда не рвется – такой, как я: семья, дом, работа», «звезд с неба не хватают») как достаточно законопослушный, терпеливый народ, который «...готов пахать, многое стерпеть, не пойдет на баррикады».

Оборотная сторона терпимости и законопослушности – страх потерять стабильность («все они постоянно или периодически думают о том, что не для такой работы родились, но ничего поделать не могут, потому как боятся своей инициативы и боятся потерять место», «страшатся своей старости, так как не получается деньги отложить на нее и понимают, что государство точно не поддержит», «боятся, что их уволят»). Жизнь таких людей «определяет размеренность, нежелание что-либо менять, устой».

При этом следует отметить, что в селе стабильность ценят («в деревне всё просто, спокойно, собственное хозяйство, хоть какая-нибудь работа»), в то время как в городах важнее динамичность и высокий темп жизни, который не дает застаиваться, позволяет развиваться («большая разница между деревней и городом – ритм жизни, там (в деревне) люди добрее, делают все неторопливо»).

Типичный житель Челябинска (т.е. крупного города) живет в быстро изменяющемся мире («темп жизни города – постоянное движение»), динамично, его жизнь определяется «быстрым темпом, новизной». Как следствие, появляется необходимость «быстро думать» и быть мобильными в сфере новинок («легко перенимают новинки, следят за развитием рынка, разных товаров и интересуются»). Кроме того, по мнению информантов, для жителей крупного города ценностью является успех и все, что помогает его добиться: «сильные, упрямые люди, амбициозные, бесстрашные, активные, агрессивные, наглые», – все эти свойства необходимы человеку, если «он хочет добиться успеха».

Таким образом, методика глубинного интервью показывает, что ориентиры населения области смещаются в сторону материальных ценностей и того, что позволит эти материальные ценности создать и приумножить (работа, здоровье), и того, ради чего материальное благополучие необходимо (дом, семья, дети).

По оценкам экспертов в 2012 году, для населения Челябинской области больше характерны: ориентация на традиции (в сравнении с инновациями), самостоятельность (в сравнении с патернализмом), стремление к предсказуемости (в сравнении с готовностью к риску), стремление к порядку (в сравнении со свободой), общительность (в сравнении с замкнутостью), частное (в сравнении с общественным), семья (в сравнении с работой). Инициатива и безынициативность представлены в равной степени.

те на вопрос: «Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит от...»?

Решение южноуральцами жизненно важных вопросов, по самооценкам, в большей степени зависит от них самих. На втором месте – значимость влияния на жизнь общероссийской власти. На третьем месте – зависимость от родственников. В меньшей степени улучшение жизни жителей области зависит от друзей, земляков, областной и районной власти. В послед-

Таблица 2

Коэффициент зависимости южноуральцев и россиян от различных групп людей в вопросах улучшения своей жизни*

Независимость/зависимость от:	Кзав. по России в целом, 2010 [3]	Кзав. по Челябинской области	
		2011	2014
Вас самих	1,78	1,64	1,72
Блиzkих родственников	2,54	2,76	2,63
Общероссийской власти	2,57	2,79	2,40
Районной, городской властей	2,69	2,89	2,95
Областной власти	2,79	2,93	2,82
Начальника по работе	3,0	3,06	3,04
Друзей, земляков	3,24	3,33	2,82

Какие из перечисленных ценностей являются присущими именно Челябинской области? Как считают эксперты, прежде всего, это склонность к традиции (15%). На втором месте – ориентация на семью – 7% (и это видно при сравнении с ценностными приоритетами по России в целом [2, С. 344–353]. Третье место занимают общительность, безынициативность и работа (по 5%).

Специфические для Челябинской области ценности, по мнению экспертов, связаны с особенностями исторического развития области, политики руководства области, наличия крупных промышленных предприятий, многонациональности, географического положения.

К вопросу о соотношении ценности самостоятельности и патернализма. Степень самостоятельности индивида в вопросах улучшения собственной жизни в рамках массового опроса выявлялась при отве-

нию очередь жители региона ощущают зависимость от начальства по работе.

В сравнении с результатами 2011 года, несколько выросло ощущение зависимости от родственников и друзей, от общероссийской и областной властей [4. С. 26–31].

Таким образом, в целом среднестатистический южноуралец прежде всего рассчитывает на себя в вопросах улучшения своей жизни, но при этом проявляет и определенное «иждивенчество», считая, что улучшение его жизни зависит и от государства.

Мониторинг ценностных предпочтений отражает устойчивые составляющие системы ценностей регионального сообщества и некоторую ее динамику, что, в сравнении с результатами исследования по другим регионам и по стране в целом, позволило бы выявить отличительные черты Челябинской области. С учетом итогов опроса по России в 2010 году можно сделать вывод, что в целом по России доля интегрирующего кластера

* Коэффициент зависимости оценивается как средневзвешенное значение по следующей шкале: 1 – полностью зависит; 2 – пожалуй, зависит; 3 – не знаю, трудно сказать; 4 – пожалуй, не зависит, 5 – совсем не зависит.

выше – 85,7%, т.е. среднестатистического южноуральца объединяет с другими жителями области меньшее количество ценностей, чем среднестатистического россиянина с жителями страны.

1. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010) [Электронный ресурс]. URL: <http://iph.ras.ru>

2. Терещук Е.А. Социальное самочувствие населения Челябинской области // Повышение эффективности государственного и муниципального управления: опыт, проблемы, перспективы. Материалы Восьмой Всероссийской научно-практической конференции. Челябинск: Челябинский филиал РАНХиГС, 2011.

3. Результаты шестой волны Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России», полученные ЦИСИ ИФ РАН в 2010 году // Лапин Н., Беляева Л. От стабилизации к интегрированной модернизации России. Аналитический доклад ЦИСИ РАН [Электронный ресурс]. URL: www.intelros.ru

4. Абрамкина С.Р., Богданова Д.В., Терещук Е.А. Челябинская область: особенности социального самочувствия населения // Социум и власть. 2011. № 4.

References

1. Sm. metodiku ocenki i rascheta: Lapin N.I., Beljaeva L.A. Programma i tipovoj instrumentarij «Sociokul'turnyj portret regiona Rossii» (Modifikacija 2010) [Electronic resource]. URL: <http://iph.ras.ru> (accessed: 12.10.2014).

2. Tereshhuk E.A. Social'noe samochuvstvie naselenija Cheljabinskoj oblasti [Social health of Chelyabinsk region population] // Povyshenie jeffektivnosti gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija: opyt, problemy, perspektivy. Materialy Vos'moj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Cheljabinsk: Cheljabinskij filial RANHiGS, 2011.

3. Rezul'taty shestoj volny Vserossijskogo monitoringa «Cennosti i interesy naselenija Rossii», poluchennye CISI IF RAN 2010 godu // Lapin N., Beljaeva L. Ot stabilizacii k integrirovannoj modernizacii Rossii. Analiticheskij doklad CISI RAN [Electronic resource]. URL: www.intelros.ru (accessed: 12.10.2014).

4. Abramkina S.R., Bogdanova D.V., Tereshhuk E.A. Cheljabinskaja oblast': osobennosti social'nogo samochuvstvija naselenija [Chelyabinsk region: peculiarity of social health] // Socium i vlast'. 2011. № 4.

UDK 316.7

SOCIOCULTURAL PECULIARITIES OF A REGION: VALUE ORIENTATIONS OF CHELYABINSK REGION POPULATION

Tereshchuk Yekaterina Aleksandrovna,
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
Department Chair of Economics
and Management,
Associate Professor,
Cand. Sc. (Economics),
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: etereshook@yandex.ru.

Annotation

The article deals with the features and the dynamics of value orientations of the population of Chelyabinsk region discovered during the sociological research in 2011-2012 and in 2014.

Key concepts:

sociocultural description,
Chelyabinsk region, value orientations.

УДК 316.4

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ: ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ*

Терещук Екатерина Александровна,

Челябинский филиал РАНХиГС,
доцент кафедры экономики
и менеджмента,
кандидат социологических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: etereshook@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается динамика социального самочувствия населения Челябинской области, выявленная в ходе социологических исследований в 2011–2012 гг. и в 2014 г. Рассчитан индекс социального самочувствия южноуральцев.

Ключевые понятия:

социокультурный портрет, Челябинская область, социальное самочувствие, социальные опасности, удовлетворенность жизнью.

Исследование социального самочувствия населения позволяет выявить преимущества и недостатки жизни регионального сообщества, социокультурные факторы его конкурентоспособности, что в свою очередь может быть полезным при разработке и реализации региональной политики.

В рамках исследования «Социокультурный портрет Челябинской области»** проведены опрос населения Челябинской области (2011 год), глубинные интервью (2012 год), экспертный опрос (2012 год). Кроме того, в 2014 году проведен мониторинговый опрос населения с целью выявления устойчивых тенденций и динамики в оценках отдельных сторон жизнедеятельности области. Определение социального самочувствия жителей Челябинской области основывалось – в соответствии с методикой Центра исследования социокультурных изменений ИФ РАН – на изучении самооценки защищенности от ряда социальных опасностей, степени удовлетворенности населения жизнью в целом и уровне оптимизма населения. Кроме того, дополнительной характеристикой явилось отношение к факту своего проживания на Южном Урале.

Большинство опрошенных южноуральцев испытывают по отношению к Челябинской области скорее позитивные эмоции. Так, каждый четвертый опрошенный (25,6%) рад, что живет на Южном Урале; 46% – в целом довольны, хотя многое не устраивает. Доля тех, кто живет здесь по привычке, хотя и не в восторге от этого, – 5,3%. Почти каждый десятый опрошенный (8,1%) хотел бы переехать из региона (в другую страну или в другой регион страны).

Если в целом сравнивать чувства южноуральцев к факту проживания в Челябинской области по результатам мониторинга (2011 и 2014 гг.), то можно отметить устойчивое отношение к своему региону. Но при этом обратим внимание на некоторую динамику качественных составляющих подобного отношения.

Кому в Челябинской области жить хорошо? Рассмотрим корреляцию ответов на этот вопрос с социально-демографическими характеристиками респондентов.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-03-00486 «Социокультурный портрет Челябинской области: региональное сообщество во времени и пространстве».

**Исследование в Челябинской области, реализованное лабораторией прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС, включает стандартизированный опрос населения по методике ЦИСИ ИФ РАН (июль 2011 года, июль–август 2014 года, выборка – 1000 человек), экспертный опрос (июль–август 2012 года, выборка – 150 человек), серию глубинных интервью (июль–август 2012 года, 120 интервью).

Таблица 1

Чувства южноуральцев по отношению к Челябинской области (2011, 2012, 2014)

	<i>Население (2011)</i>	<i>Эксперты (2012)</i>	<i>Население (2014)</i>
Я рад, что живу здесь	27,3	22,7	25,6
В целом я доволен, но многое не устраивает	42,8	52,7	46,2
Не испытываю особых чувств по этому поводу	13,4	10,0	13,0
Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать	5,6	8,0	5,3
Хотел бы уехать в другой регион России	4,5	2,7	3,8
Хотел бы вообще уехать из России	4,3	2,0	4,3
Затрудняюсь ответить	1,5	2,0	0,7
Отказ от ответа	0,6	-	1,1

Таблица 2

Чувства южноуральцев по отношению к Челябинской области по критерию социально-демографических характеристик

	В целом	Чувства южноуральцев по отношению к своему региону							
		Я рад, что живу здесь	В целом я доволен, но многое не устраивает	Не испытываю особых чувств по этому поводу	Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать	Хотел бы уехать в другой регион России	Хотел бы вообще уехать из России	Затрудняюсь ответить	Отказ от ответа
<i>ПОЛ</i>									
Мужчина	45,0	41,2	45,3	46,2	50,9	50,0	51,2	57,1	27,3
Женщина	55,0	58,8	54,7	53,8	49,1	50,0	48,8	42,9	72,7
<i>ВОЗРАСТ</i>									
18–30 лет	29,7	30,6	27,3	34,6	15,1	26,3	58,1	42,9	9,1
31–50 лет	34,9	31,8	34,3	34,6	43,4	50,0	25,6	57,1	63,6
старше 50 лет	35,5	37,6	38,4	30,8	41,5	23,7	16,3	0,0	27,3
<i>ОБРАЗОВАНИЕ</i>									
Без образования, начальное образование	0,5	0,8	0,2	1,5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Незаконченное среднее	5,0	6,7	4,8	5,4	3,8	2,6	0,0	0,0	9,1
Среднее общее	9,9	7,5	10,0	7,7	17,0	5,3	18,6	28,6	27,3
Начальное специальное (профессиональное)	5,7	4,7	5,4	9,2	13,2	0,0	0,0	14,3	0,0

Продолжение табл. 2

	Чувства южноуральцев по отношению к своему региону								
	В целом	Я рад, что живу здесь	В целом я доволен, но многое не устраивает	Не испытываю особых чувств по этому поводу	Мне не нравится жить здесь, но привлек и не собираюсь уезжать	Хотел бы уехать в другой регион России	Хотел бы вообще уехать из России	Затрудняюсь ответить	Отказ от ответа
Среднее специальное (профессиональное)	37,9	40,4	41,2	30,0	26,4	34,2	27,9	14,3	54,5
Незаконченное высшее	8,6	8,2	7,6	8,5	7,5	15,8	20,9	0,0	0,0
Высшее	30,1	28,6	29,1	36,9	28,3	42,1	27,9	14,3	9,1
Послевузовское (второе высшее, аспирантура и др.)	1,8	2,7	1,3	0,0	1,9	0,0	4,7	28,6	0,0
Отказ от ответа	0,5	0,4	0,4	0,8	1,9	0,0	0,0	0,0	0,0
<i>МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ</i>									
Денег не хватает на повседневные затраты (нищие)	7,9	5,1	7,8	11,1	11,3	7,9	14,0	0,0	0,0
На повседневные затраты уходит вся зарплата (бедные)	18,0	18,5	17,1	20,6	24,5	23,7	4,7	14,3	18,2
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднена (необеспеченные)	32,0	28,3	38,2	23,8	28,3	21,1	18,6	28,6	63,6
В основном хватает, но не хватает на покупку дорогостоящих предметов (обеспеченные)	29,8	31,5	29,1	33,3	22,6	34,2	25,6	28,6	18,2
Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры (зажиточные)	11,0	15,0	7,2	11,1	9,4	13,2	30,2	14,3	0,0
Практически ни в чем себе не отказываем (богатые)	1,3	1,6	0,7	0,0	3,8	0,0	7,0	14,3	0,0
<i>ТИП ПОСЕЛЕНИЯ</i>									
Деревня, село	24,0	28,2	27,3	17,7	11,3	21,1	11,6	0,0	0,0
Поселок городского типа (рабочий поселок)	4,8	5,9	5,2	3,8	3,8	2,6	2,3	0,0	0,0
Малый город (до 100 тыс. жителей)	14,0	18,0	16,1	5,4	5,7	7,9	4,7	0,0	45,5
Средний город (100–500 тыс. жителей)	26,3	24,7	25,6	23,8	45,3	47,4	9,3	42,9	9,1
Большой город (более 1 млн жителей)	30,9	23,1	25,8	49,2	34,0	21,1	72,1	57,1	45,5

Рады факту своего проживания в Челябинской области чаще, чем в среднем по выборке, женщины (на 4% больше), респонденты с доходом выше среднего уровня (категория «зажиточные» по методике ЦИСИ ИФ РАН*** – на 4% больше), жители деревень и сел (на 4% больше) и малых городов (на 4% больше).

Среди тех, кому в регионе жить не нравится, но сложилась привычка, больше, чем в среднем, мужчин (на 6% больше), южноуральцев средней и старшей возрастной группы (на 8% и на 6% больше соответственно), имеющих среднее общее (на 7%) и начальное профессиональное образование (на 7% больше), с доходом ниже среднего уровня (категория «бедные» – на 8% больше).

Как уже отмечалось, потенциал миграционных настроений невысок: доля желающих уехать в другой регион России или за ее пределы, невелика (по 4% соответственно). Тем не менее: переехать в другой регион чаще хотели бы мужчины (на 5% больше, чем в среднем), южноуральцы среднего возраста (на 15% больше), имеющие неоконченное высшее и высшее образование (на 7% и на 12% больше соответственно), по материальному положению – бедные (на 6% больше) и обеспеченные (на 4% больше), жители средних городов (на 21% больше).

В числе тех, кто хотел бы вообще уехать из России, также выше численность мужчин (на 6% больше), молодежи (на 28% больше), респондентов со средним общим (на 9% больше) и неоконченным высшим образованием (на 12% больше), по материальному положению – бедных (на 6% больше), зажиточных (на 19% больше) и богатых (на 6% больше), жителей крупных городов (на 41% больше).

Таким образом, в целом проживание в Челябинской области в большей степени устраивает женщин, южноуральцев со средним доходом (чуть ниже или выше), проживающих в сельской местности и малых городах. Мужчины, молодежь, жители средних и крупных городов чаще обозначают свое желание выехать за пределы региона и России.

В сравнении с результатами исследования 2011 года, в 2014 году несколько изменилась структура группы, которая рада факту своего проживания в регионе, и группы, высказывающей желание выехать за пределы области. Так, например, довольны проживанием в регионе были в большей степени

мужчины, зажиточные, жители крупных городов [4, С.226–231]. Сейчас это женщины, зажиточные южноуральцы, жители сельской местности и малых городов.

Среди желающих переехать в другой регион России в 2011 году чаще представлены женщины, респонденты с более высоким доходом (обеспеченные, зажиточные, богатые), жители малых и средних городов. В настоящий момент это чаще мужчины, бедные и обеспеченные, жители средних городов.

Другими словами, дополнительного изучения требует вопрос изменения потребностей южноуральцев и возможностей их удовлетворения в рамках региона.

Кроме того, по итогам опроса 2011 года было отмечено, что «переселенцы» из других регионов, стран склонны более прохладно относиться к Челябинской области, чем местное население. Среди тех, кто доволен фактом своего проживания в регионе, и среди тех, кто привык и не собирается никуда уезжать отсюда, хотя и не удовлетворен своим местом жительства, было больше, чем в среднем, родившихся здесь, в Челябинской области, и не менявших пункта проживания с момента рождения (69% и 63% соответственно). Приехавших по своему желанию из другого региона РФ или СНГ больше, чем в среднем, в числе жителей области, которые не испытывают по поводу проживания в Челябинской области особых чувств (на 4% больше, чем в среднем) либо желают вообще уехать из России (на 4% больше). Среди южноуральцев, которые хотели бы уехать в другой регион страны, на 6% больше доля тех, кто перемещается внутри региона.

На данный момент ситуация несколько изменилась.

Как видно из данных таблицы, родившихся в регионе больше в числе тех, кому не нравится здесь жить (60%) и кто вообще хотел бы уехать из России (86% данной категории). Переезд на нынешнее место жительства из другого города, региона, страны коррелирует с неполной удовлетворенностью проживанием в Челябинской области (49% от численности данной категории) либо с затруднением в оценках (57% от затруднившихся).

Таким образом, для объяснения приведенных трансформаций необходимо, види-

*** Методика самооценки материального положения ЦИСИ ИФ РАН: «нищие» – денег не хватает на повседневные затраты, «бедные» – на повседневные затраты уходит вся зарплата, «необеспеченные» – на повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна, «обеспеченные» – в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг, «зажиточные» – почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, «богатые» – практически ни в чем себе не отказывают.

Таблица 3

Чувства южноуральцев по отношению к Челябинской области по критерию рождения /переезда в Челябинскую область

	В целом	Чувства южноуральцев по отношению к своему региону							
		Я рад, что живу здесь	В целом я доволен, но многое не устраивает	Не испытываю особых чувств по этому поводу	Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать	Хотел бы уехать в другой регион России	Хотел бы вообще уехать из России	Затрудняюсь ответить	Отказ от ответа
здесь родился	56,1	58,8	50,8	57,7	60,4	55,3	86,0	42,9	72,7
приехал из другого города/ региона/ страны	43,4	40,8	48,8	41,5	39,6	44,7	11,6	57,1	27,3
отказ от ответа	0,5	0,4	0,4	0,8	0,0	0,0	2,3	0,0	0,0

Таблица 4

Динамика мнений жителей Челябинской области о своей защищенности от социальных опасностей (2011,2014)

Виды опасностей	Защищен + пожалуй, защищен		Трудно сказать		Пожалуй, не защищен + совсем не защищен	
	2011	2014	2011	2014	2011	2014
Преступность	12,5	9,4	23,6	21,6	63,9	69,0
Бедность	17,3	18,0	22,7	20,2	59,9	61,8
Экологическая угроза	14,3	7,6	27,3	18,3	58,4	74,1
Произвол чиновников	13,4	19,4	27,9	27,5	58,6	53,1
Произвол правоохранительных органов	19,1	18,6	29,9	32,3	51,0	49,1
Одиночество и заброшенность	37,8	32,0	25,1	22,8	37,1	45,2
Притеснения из-за пола или возраста	47,9	66,0	29,9	17,4	22,2	16,5
Преследования за политические убеждения	31,5	47,7	45,9	34,4	22,6	17,9
Ущемления из-за национальности	59,6	78,9	28,4	10,9	11,9	10,2
Притеснения за религиозные убеждения	57,6	75,6	31,1	14,1	11,4	10,3
Другие опасности	9,3	–	41,8	–	28,9	–

мо, изучать причины желаемого переезда, помня о том, что в целом по массиву опрошенных изменений в чувствах южноуральцев по отношению к факту проживания в регионе не выявлено.

Социальное самочувствие населения измерялось и с помощью методики ЦИСИ ИФ РАН, которая включает три составляющих социального самочувствия: среднее значение защищенности населения от 10 социальных опасностей, степень удовлетворенности населения своей жизнью в целом, среднее значение социального оптимизма [2. С. 792–793].

Ответы на вопро: с «Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?» представлены в табл. 4.

Социальное самочувствие населения связано и с ответами на вопрос: «Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?»

В рейтинге опасностей лидируют экологическая угроза (74,1%), преступность (69%), бедность (61,8%). С некоторым отрывом следуют незащищенность от произвола чиновников и правоохранительных органов, от одиночества и заброшенности. Почти половина и более половины опрошенных южноуральцев чувствуют себя в относительной безопасности по поводу своего пола и возраста, политических и религиозных убеждений, национальности.

В сравнении с результатами опроса 2011 года по некоторым позициям ощущение незащищенности усилилось (с учетом статистической погрешности): экологическая угроза, преступность, одиночество и заброшенность, причем экологическая угроза переместилась со второго на первое место в рейтинге опасностей.

В итоге коэффициент защищенности от опасностей, рассчитанный по методике ЦИСИ ИФ РАН, для Челябинской области в 2014 году составляет 0,59 и демонстрирует небольшую положительную динамику (на 0,02 пункта) в сравнении с 2011 годом [1. С. 26–31].

Вторая составляющая оценки социального самочувствия населения области в соответствии с методикой ЦИСИ ИФ РАН – степень удовлетворенности жизнью в целом.

Более половины опрошенных южноуральцев – 56,7% – полностью или частично удовлетворены своей жизнью. Почти четверть (22%) придерживается противоположной точки зрения. В сравнении с оценками 2011 года доля жителей области, не удовлетворенных своей жизнью, снизилась.

Таблица 5

Удовлетворенность населения Челябинской области жизнью в целом (2011, 2014)

	2011	2014
Полностью удовлетворены	14,5	10,4
Скорее удовлетворены	39,2	46,3
Затрудняется сказать точно	13,8	18,8
Не очень удовлетворены	26,4	18,4
Совсем не удовлетворены	5,0	3,6
Отказ от ответа	1,1	2,5

Как показывают двухмерные наложения, на удовлетворенность жизнью оказывают влияние социально-демографические характеристики южноуральцев. Выводы вполне предсказуемы: более молодые, более образованные, более обеспеченные чаще склонны ощущать полную удовлетворенность своей жизнью. А вот корреляция удовлетворенности с женским полом и проживанием в малых городах – это отличительная черта результатов опроса 2014 года. По итогам опроса 2011 года удовлетворенность своей жизнью в целом коррелировала с мужским полом и с проживанием в крупных городах [5. С. 61–95].

В сравнении с итогами 2011 года не изменился характер влияния на удовлетворенность жизнью со стороны семейного положения [5. С. 61–95]: среди полностью удовлетворенных жизнью также больше, чем в контрастной группе («совсем не удовлетворен жизнью»), южноуральцев, состоящих в браке, и холостых, бездетных. Состояние в разводе, вдовство, наличие двух детей чаще коррелирует с полной неудовлетворенностью жизнью.

Кроме того, среди южноуральцев, которые полностью удовлетворены своей жизнью, почти 80% составляют верующие и скорее верующие. Полная неудовлетворенность жизнью чаще, чем в среднем, коррелирует с позицией «атеист» (на 9% больше в сравнении с контрастной группой) и с позицией «скорее неверующий» (на 14% больше). Другими словами, религиозность можно назвать одним из факторов, определяющих степень удовлетворенности человека своей жизнью.

Используя методику ЦИСИ ИФ РАН, рассчитываем коэффициент удовлетворенности: на настоящий момент он составляет 0,69 [2. С. 792–793].

Уровень оптимизма в отношении будущего измерялся на основе ответов южноуральцев на вопросы об улучшениях в жизни в сравнении с прошлым годом, о надеждах на ближайший год, об уверенности в своем будущем.

По сравнению с прошлым годом, в 2014 году каждый четвертый респондент в области отметил, что стал жить лучше, почти каждый пятый отметил ухудшения.

В динамике выросла доля тех, у кого в жизни никаких изменений за последний год не произошло.

Таблица 6

Изменения в жизни южноуральцев в сравнении с прошлым годом (2011, 2014)

	2011	2014
Стали жить намного лучше + стали жить несколько лучше	32,2	26,7
Ничего не изменилось	42,3	52,3
Стали жить несколько хуже + стали жить намного хуже	22,1	17,2
Не знаю	3,4	3,8

При этом по-прежнему можно обнаружить корреляции направленности жизненных изменений с самооценкой материального положения респондентов. Значительные улучшения в жизни своей и своей семьи, чаще, чем в среднем по выборке, коррелируют с «зажиточностью» и «богатством» (на 9% и на 20% больше соответственно). Вариант «ничего не изменилось» характерен для 63–65% бедных и необеспеченных южноуральцев. Среди представителей условной категории «нищие» на 19% больше, чем в среднем, выше доля жителей региона с негативными изменениями в жизни за год.

Надежду на улучшения в жизни в следующем – 2015 – году высказали в общей сложности 28% опрошенных южноуральцев. Почти в два раза меньше – 15,1% – доля тех, кто ожидает ухудшений от предстоящего года.

Таблица 7

Ожидания южноуральцев относительно будущего года (2011, 2014)

Ожидания	2011	2014
Будем жить значительно лучше + будем жить несколько лучше	28,7	28,0
Ничего не изменится	30,9	25,4
Будем жить несколько хуже + будем жить значительно хуже	9,5	15,1
Не знаю	29,1	28,8
Отказ от ответа	1,7	2,7

В сравнении с 2011 годом среди южноуральцев увеличилась доля пессимистов, ожидающих ухудшений от ближайшего будущего.

Уровень оптимизма населения измерялся и ответами на вопрос: «Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?» Среди южноуральцев в 2014 году доля оптимистов (вполне уверены в будущем + скорее уверены, чем нет) составляет 43,7%, что на 5,7% больше, чем в 2011 году. А количество пессимистов (скорее не уверены в будущем, чем уверены + совершенно не уверены) в целом совпадает с показателем 2011 года.

Таблица 8

Уверенность южноуральцев в своем будущем (2011, 2014)

	2011	2014
Вполне уверены	13,1	11,4
Скорее уверен, чем нет	24,9	32,3
Не могу сказать точно	32,6	27,3
Скорее не уверен, чем уверен	19,5	18,5
Совершенно не уверен	8,5	8,8
Отказ от ответа	1,4	1,7

Уверенность в своем будущем коррелирует с текущей удовлетворенностью жизнью: те, кто вполне уверен в своем будущем, чаще отмечает, что полностью

удовлетворен своей жизнью. И наоборот: совершенная неуверенность в завтрашнем дне почти в 1/3 случаев сочетается с полной неудовлетворенностью днем сегодняшним.

Если в качестве фактора уверенности в будущем рассмотреть рождение или переезд в Челябинскую область, то заметно, что «коренное» население региона чувствует себя более уверенно в сравнении с переселенцами из других регионов или стран СНГ – как приехавших по собственному желанию, так и прибывших сюда вынужденно.

Рассчитанный коэффициент оптимизма у южноуральцев составляет 0,63 [2. С. 792–793].

Итак, рассчитанные на основе типовой методики отдельные коэффициенты, ха-

рактеризующие социальное самочувствие населения Челябинской области, и интегральный индекс социального самочувствия превышают пороговое значение в 0,51 балла [2. С. 792–793].

Полученный индекс социального самочувствия населения Челябинской области – 0,64 – и другие представленные данные говорят о том, что региональное сообщество обладает запасом устойчивости и его социальное самочувствие представляется в целом удовлетворительным. По сравнению с 2011 годом на 0,01 пункта снизился уровень оптимизма (население в меньшей степени ждет перемен к лучшему), хотя в целом наблюдается небольшая положительная динамика. Кроме того, обращают на себя внимание некоторые изменения в направленности влияния на

Таблица 9

**Уверенность южноуральцев в своем будущем по критерию рождения/
переезда в Челябинскую область**

	В целом	Уверенность в своем будущем					
		Вполне уверены	Скорее уверен, чем нет	Не могу сказать точно	Скорее не уверен, чем уверен	Совершенно не уверен	Отказ от ответа
Здесь родился	56,1	70,2	55,7	56,8	46,5	53,4	76,5
Приехал из другого города/ региона/ страны	43,4	29,8	43,7	42,5	53,5	45,5	23,5
Отказ от ответа	0,5	0,0	0,6	0,7	0,0	1,1	0,0

Таблица 10

**Динамика индекса социального самочувствия населения
Челябинской области (2011, 2014)**

Компоненты самочувствия, его индекс	Челябинская область		РФ, 2010 [3]
	2011	2014	
Защищенность от опасностей (Кз)	0,57	0,59	0,59
Удовлетворенность жизнью в целом (Куж)	0,66	0,69	0,68
Оптимизм (Ко)	0,64	0,63	0,63
Индекс социального самочувствия (Исс)	0,62	0,64	0,63

социальное самочувствие таких социально-демографических характеристик, как пол и тип поселения, что требует дальнейшего исследования трансформации определяющих его факторов.

1. Абрамкина, С.Р., Богданова Д.В., Терещук Е.А. Челябинская область: особенности социального самочувствия населения // Социум и власть. 2011. № 4.

2. См. методику расчета: Регионы в России: Социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Под общ.ред.Н.И.Лапина, Л.А.Беляевой. М.: Academia, 2009.

3. Результаты шестой волны Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России», полученные ЦИСИ ИФ РАН 2010 году // Лапин Н., Беляева Л. От стабилизации к интегрированной модернизации России. Аналитический доклад ЦИСИ РАН [Электронный ресурс]. URL: www.intelros.ru

4. Терещук, Е.А. Челябинская область: преимущества и недостатки региона глазами южноуральцев // Российской государственности 1150 лет: исторический опыт и вызовы современности. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 26 октября 2012 года. Челябинск: Челябинский филиал РАНХиГС, 2012.

5. Челябинская область: социокультурный портрет. Монография / Под общ.ред.С.Г.Зырянова. Челябинск, 2013. 288с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/134393004.pdf>

References

1. Abramkina, S.R., Bogdanova D.V., Tereshhuk E.A. Cheljabinskaja oblast': osobennosti social'nogo samochuvstvija naselenija [Chelyabinsk region: peculiarity of social health] // Socium i vlast'. 2011. № 4.

2. Sm. metodiku rascheta: Regiony v Rossii: Sociokul'turnye portrety regionov v obshherossijskom kontekste / Pod obshh.red.N.I.Lapina, L.A.Beljaevoj. M.: Academia, 2009.

3. Rezul'taty shestoj volny Vserossijskogo monitoringa «Cennosti i interesy naselenija Rossii», poluchennye CISI IF RAN 2010 godu // Lapin N., Beljaeva L. Ot stabilizacii k integrirovannoj modernizacii Rossii. Analiticheskij doklad CISI RAN [Electronic resource]. URL: www.intelros.ru (accessed: 12.10.2014).

4. Tereshhuk, E.A. Cheljabinskaja oblast': preimushhestva i nedostatki regiona glazami juzhnoural'cev // Rossijskoj gosudarstvennosti 1150 let: istoricheskij opyt i vyzovy sovremennosti. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii, 26 oktjabrja 2012 goda. Cheljabinsk: Cheljabinskij filial RANHiGS, 2012.

5. Cheljabinskaja oblast': sociokul'turnyj portret. Monografija / Pod obshh.red.S.G.Zyrjanova. Cheljabinsk, 2013. 288s. [Electronic resource]. URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/134393004.pdf> (accessed: 12.10.2014).

UDC 316.4

CHELYABINSK REGION: THE DYNAMICS OF SOCIAL WELL-BEING OF THE POPULATION

Tereshchuk Yekaterina Aleksandrovna,

Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
Department Chair of Economics
and Management,
Associate Professor,
Cand. Sc. (Economics),
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: etereshook@yandex.ru.

Annotation

The article deals with the dynamics of social well-being of the population of Chelyabinsk region discovered in the sociological research in 2011-2012 and in 2014. The index of social well-being of people living in the South Urals is calculated.

Key concepts:

sociocultural description,
Chelyabinsk region,
social well-being,
social dangers,
social satisfaction.

УДК 316.4

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ: В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ*

Нечаева Светлана Владимировна,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ,
Челябинский филиал,
заместитель директора,
кандидат исторических наук, доцент.
г. Челябинск, Россия.
E-mail: nechaeva@chel.ranepa.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу процессов, происходящих в Челябинской области в этноконфессиональных отношениях. Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Социокультурный портрет Челябинской области: региональное сообщество во времени и пространстве», проект № 14-03-00486. В статье приводятся результаты социологических опросов населения Челябинской области, проведенных по методике Центра изучения социокультурных изменений ИФ РАН «Социокультурный портрет региона» в 2011 и 2014 гг.

Ключевые понятия:

этноконфессиональные отношения,
социокультурный портрет.

События, которые разворачиваются в Украине, заставили россиян на время забыть, что 2014 год Указом Президента РФ от 22.04.2013 г. № 375 объявлен в России Годом культуры. По просьбе председателя госсовета Республики Крым Владимира Константинова, который направил властям Челябинской области и других регионов страны обращение с просьбой об оказании благотворительной помощи переселенцам с Украины, на 14 августа в Челябинск прибыли более 4000 вынужденных переселенцев с Украины, а в УрФО в целом – более 13000 человек. [1]

Насколько же население региона готово к проявлению толерантности и гуманитарных ресурсов в этноконфессиональных отношениях?

Южный Урал – край многонациональный. По итогам переписи населения 2010 года на территории Челябинской области проживают представители 152 различных национальностей. В Челябинской области как субъекте Российской Федерации государственным языком является русский язык. Однако в силу исторически сложившихся обстоятельств с учетом того, что коренным населением Южного Урала являются башкиры и татары, языки данных народов также являются языками повседневного общения.

Согласно переписи населения 2010 г. 83,8% жителей Южного Урала – русские, 5,4% относят себя к татарам и 4,8% населения – к башкирам, 1,5 – к украинцам. 99,9% населения области владеют государственным языком (для 87,7% русский язык – единственный).

Этнокультурное образование в Челябинской области осуществляется с учетом особенностей этнической структуры Южно-Уральского региона, и, по данным ежегодного мониторинга Министерства образования и науки Челябинской области, оно представлено изучением родных (не русских) языков коренных народов Южного Урала: башкирского и татарского в территориях их компактного проживания – в различных формах (как учебный предмет, факультатив, кружок). Например, татарский язык на начало 2014–2015 учебного года в разных форматах изучают в Челябинске, Пласте, Верхнем Уфалее, Златоусте, а также на селе – в Усть-Багаряке, Редутово, Кунашаке, Арасланово, Аминово,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Социокультурный портрет Челябинской области: региональное сообщество во времени и пространстве», проект № 14-03-00486.

есть кружки в поселке Бишкиль и озерской школе № 35. [3]

Министерство образования и науки Челябинской области, реализуя свои полномочия (ст.8 п. 1. ФЗ № 273 от 21.02.2012г. «Об образовании в Российской Федерации»), в качестве мероприятий государственной программы «Развитие образования в Челябинской области» на 2014–2015 годы определило:

- разработку и апробацию методических рекомендаций по учету национальных, региональных и этнокультурных особенностей при разработке и реализации основных образовательных программ общего образования на территории Челябинской области.

И в мае 2014 г. подведены итоги основного этапа реализации данного проекта в содержании основных образовательных программ начального общего образования. Отчетные материалы и успехи в реализации проекта представлены на заседании Коллегии Министерства образования и науки Челябинской области (Протокол № 2/2 от 27 мая 2014 г.). [4] Полагаем, что образовательные программы с учетом национальных, региональных и этнокультурных особенностей будут способствовать готовности школьников проявлять религиозную терпимость, уважать язык и культуру других народов.

Также Министерство образования и науки Челябинской области сотрудничает со всеми 29 национально-культурными центрами, действующими на территории области, в вопросах духовно-нравственного воспитания школьников.

О том, насколько разнообразна жизнь каждого из народов Южного Урала, позволяет узнать областной фестиваль национальных культур «Соцветие дружное Урала», который проводится с 2006 г. под патронажем Министерства культуры Челябинской области. Очередной фестиваль прошел 1 ноября 2014 г. и был приурочен ко Дню народного единства. [5]

Осознавая, что стабильность этноконфессиональных отношений – это вопрос национальной безопасности российского государства, в составе администрации губернатора Челябинской области действует Управление по взаимодействию с институтами гражданского общества, которое, в том числе:

- реализует государственную региональную национальную политику, государственную политику ... в области содействия реализации прав граждан на объединение, свободу совести и

вероисповедания, развитие институтов гражданского общества;

- разрабатывает и координирует меры по профилактике и предупреждению межнациональных и межконфессиональных конфликтов, а также нейтрализации последствий их проявлений. [6]

Областные власти стремятся совершенствовать законодательство в данной сфере. В частности, 16 сентября 2014 года было принято Распоряжение Правительства Челябинской области от № 548-рп «О плане мероприятий по реализации в Челябинской области в 2014–2016 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», который позволяет на долгосрочной основе выстраивать стабильные межэтнические коммуникации в области. [7]

Жители Челябинской области заявляют о невысоком уровне напряженности и конфликтов на национальной почве. В частности, в июле-августе 2011 и 2014 гг. Лабораторией прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС проведен социологический опрос населения Челябинской области, в ходе которого 78,9% опрошенных констатировали «защищенность от ущемления по национальному признаку» (59,6% в 2011 г.). С учетом 10,9% «затруднившихся с ответом» (что позволяет нам предположить скорее отсутствие проблем, чем их наличие) получается 87,5% стабильно живущего в межэтническом плане населения. Конечно, не могут не настораживать почти 10,2% жителей области, которые испытывают дискомфорт на национальной почве (12% в 2011 г.). [8]

Подавляющее большинство жителей Челябинской области заявляют о своей приверженности религиозным ценностям: 37,5% (35,7% в 2011г.) респондентов отнесли себя к верующим, а 40,1% – к скорее верующим. [8]

По результатам опроса, большинство южноуральцев (87,1%) причисляют себя к православным (с 2011 г. количество православных увеличилось на 7,7%), а количество приверженцев ислама в области неизменно – 10,2%. [8]

Несмотря на количество верующих и тот факт, что в постсоветский период активно восстанавливаются храмы и передаются Русской православной церкви (РПЦ) здания ранее отнятых церквей, Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл, который посещал нашу область в

**Оценка южноуральцами защищенности от притеснений
по национальному признаку, 2014/2011 гг.**

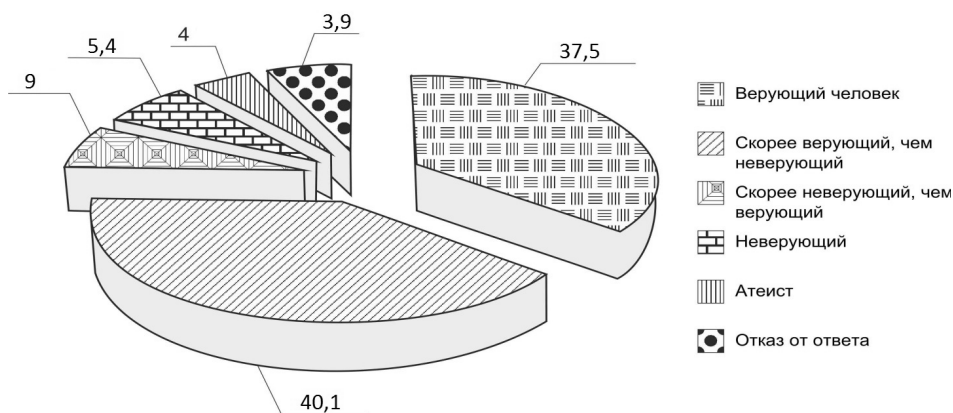
Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от ущемления из-за Вашей национальности?			
	2014 г.	2011 г.	Разница
Защищен	47,6	37,2	10,4
Пожалуй, защищен	31,3	22,4	8,9
Трудно сказать	10,9	28,4	-17,5
Пожалуй, не защищен	5,5	6,3	-0,8
Совсем не защищен	4,7	5,6	-0,9

апреле 2010 г., так определил ситуацию: «Челябинск находится на последнем месте во всей России по количеству храмов на душу населения» [10].

Приведем некоторую статистику по Челябинской епархии, в состав которой входят:

числе: 132 – приходских, 44 – приписных, 3 – монастырских, 13 – молитвенных домов, 23 – часовен, 34 – домовых, 18 – строящихся;

• два учебных заведения: Челябинское духовное училище, православная гимназия

**Рис. 1. Самооценка жителями региона своей религиозности
(в % от числа опрошенных, 2014 г.) [9]**

- 10 благочиний;
- 3 монастыря, один из которых, мужской;
- 191 приход, в том числе 36, не имеющих юридической регистрации;
- 267 действующих храмов, в том

во имя святого праведного Симеона Верхотурского. [11]

Ислам является второй религией в области по количеству верующих – 10,2% южноуральцев. Данная религиозная конфессия также переживает определенные

Таблица 2

Конфессиональная принадлежность населения Челябинской области 2014/2011

Верования какой религии, вероисповедания вы разделяете?	2014 г.	2011 г.	Разница
Православие	87,1	79,4	7,7
Ислам	10,2	10,2	0,0
Буддизм	0,1	0,1	0,0
Протестантизм	0,3	0,3	0,0
Католицизм	0,1	0,5	-0,4
Отказ от ответа	2,2	7,3	-5,1

трудности. В частности, в мусульманском сообществе наблюдается раскол, связанный с созданием альтернативных, «параллельных» муфтиятов, появление которых зачастую сопровождается проникновением нетрадиционных для коренных мусульманских народов России течений зарубежного ислама фундаменталистского толка.

По данным Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Челябинской области, в 1999 году на территории области действовало 6 мусульманских общин, в 2011 году – 84 мусульманские организации, в том числе:

- 74 общины подчинены Региональному Духовному Управлению мусульман по Челябинской и Курганской областям (РДУМ);
- 4 прихода входят в состав Духовного Управления мусульман азиатской части России (ДУМ АЧР);
- 2 – при Духовном Управлении мусульман европейской части России (ДУ-МЕР);
- 3 – при ДУМ «Ассоциация мечетей России»;
- 1 организация – при Мухтасибатском Управлении. [12]

По данным сайта «Ислам и общество – исламский информационный портал в России» на 10 октября 2014 г. на территории Челябинской области действует не менее 101 мусульманских организаций и групп, к сожалению, без указания принадлежности по конкретным Управлениям.

Всего в Челябинской области находится не менее 103 молельных помещений для последователей ислама, в том числе не менее 74 мечетей, не менее 23 молельных домов и не менее шести молельных комнат. [13]

По официальным данным, представленным на сайте Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области, на 1.01.2014 г. в Челябинской области зарегистрированы 92 мусульманские организации и группы [14, с.14].

Действующий на данный момент федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях», по мнению профессионалов, существенно ограничивает возможности областной власти и традиционного мусульманского духовенства по сохранению традиций и целостности уммы.

Скорее исключением стал тот факт, что в Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О проти-

водействии экстремистской деятельности» попало религиозное объединение «Орда», расположенное в Кизильском районе Челябинской области (решение Кизильского районного суда Челябинской области от 21.12.2012). [15]

Таблица 3

**Религиозные организации,
зарегистрированные в Челябинской
области на 1 января 2014 года**

Все религиозные организации, в том числе по конфессиям:	354
Русская православная церковь	186
Старообрядцы	3
Римско-католическая церковь	1
Армянская апостольская церковь	1
Ислам	92
Буддизм	2
Иудаизм	10
Евангельские христиане-баптисты	6
Христиане веры Евангельской	15
Евангельские христиане	6
Христиане веры Евангельской – пятидесятники	17
Адвентисты седьмого дня	4
Лютеране	3
Методистская церковь	1
Свидетели Иеговы	3
Церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормоны)	1
Церковь Христа	1
Сознание Кришны (вайшнавы)	2

Последователями иных религиозных конфессий – таких, как буддизм, протестантизм, католицизм и других, – в области в ходе социологического опроса себя назвали 0,5% от опрошенных.

Несмотря на то, что по данным Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Челябинской области, на 1 июля 2011 г. [16] в Челябинской области зарегистрировано 319 религиозных организаций, а на 1.01.2014 г. – 354 (таблица 3), жители Челябинской области толерантны

в религиозных вопросах, а регион в целом характеризуется невысоким уровнем напряженности в межконфессиональных отношениях и состоянием конфликтности на религиозной почве.

Таблица 4

**Оценка южноуральцами
защищенности от притеснений
из-за религиозных убеждений
2014/2011 гг. [8]**

Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от притеснений из-за Ваших религиозных убеждений			
	2014 г.	2011 г.	Разница
Защищен	47,4	37,7	9,7
Пожалуй, защищен	28,2	19,9	8,3
Трудно сказать	14,1	31,1	-17,0
Пожалуй, не защищен	5,7	6,3	- 0,6
Совсем не защищен	4,6	5,1	- 0,5

В частности, в ходе социологического опроса 2014 г. только 10,3% респондентов отметили, что чувствуют себя незащищенными от притеснений из-за своих религиозных убеждений, тогда как 75,6% (57,6% – в 2011 г.) населения области в этом смысле ощущают себя комфортно, а наличие 14,1% южноуральцев, затруднившиеся с ответом на данный вопрос, говорит, на наш взгляд, о том, что 89,7% населения скорее не испытывают проблем с нарушением свободы совести.

В целом результаты опроса населения подтверждаются мнением экспертов (таблица 5). [17] Как видно из оценок экспертов, 86% из них считают, что отношения между представителями различных религий в регионе дружественные или нейтральные, и вероятность возникновения конфликтов на почве религии оценивают как высокую только 4% респондентов из числа экспертов. Также экспертов просили дать оценку уровня религиозности населения Челябинской области.

Учитывая, что большинство населения Челябинской области исповедуют православие, логично предположить, что в первую очередь бросается в глаза исполнение религиозных обрядов, традиций православными, что и отметили эксперты (таблица 6). Несмотря на то, что представителей ислама в разы меньше, чем православных, соблюдение ими религиозных обрядов и традиций отмечено

практически таким же количеством экспертов (61%). О том, что в большей степени склонны к соблюдению религиозных обрядов и традиций мусульмане, респонденты говорят и в рамках глубинных интервью.

По итогам глубинных интервью, население Челябинской области по степени религиозности условно можно разделить на четыре группы:

- наиболее распространена на территории Челябинской области категория людей условно религиозных, верующих скорее по традиции, по привычке, по настоянию старших религиозных родственников, под влиянием СМИ. Они отмечают основные религиозные праздники (Пасху, Крещение, Рождество), церковь посещают редко, иногда купаются в проруби, сами крещены и крестят детей.

- Самой малочисленной среди населения Челябинской области оказалась группа атеистов, которые выступают с яркой критикой и протестом в адрес РПЦ и религии как явления («РПЦ себя дискредитировала своей политикой и поведением»...).

Также выделились группы:

- религиозные люди, верующие и совмещающие свою веру с соблюдением большинства религиозных традиций;

- люди верующие, но не ассоциирующие свою веру с обязательностью церкви и соблюдения ее предписаний: «для общения с Богом мне посредник не нужен». Эти люди в церковь не ходят совсем, не соблюдают обряды и традиции, но являются так или иначе верующими («Если человек в душе верит, то обязательно в церковь ходить, главное вести себя как надо»).

К религиозности в Челябинской области, по мнению респондентов, в большей мере склонно старшее поколение («бабушки», которым «заняться нечем», поэтому они «все о духовности говорят»), представители мусульманской культуры, башкиры; жители малых городов более религиозны, чем жители крупных. Молодежь менее религиозна, что объясняется либо повышенной занятостью на работе, либо малой актуальностью вопросов духовности в силу возраста («наверное, это с возрастом приходит»).

Респонденты отмечали, что в последнее время наблюдается рост религиозности среди населения, объясняя это несколькими причинами:

- мода, пропаганда религиозности в СМИ: «это дань моде».

- Разнообразие религиозных школ и направлений, а также наличие соответствующих храмов, в Челябинской области («каждый может выбрать для себя»).

Таблица 5

Экспертная оценка межконфессиональных отношений в Челябинской области, 2012

	В целом	Государственное и муниципальное управление	Научная и преподавательская деятельность	Политическая и общественные организации	СМИ и коммуникации	Бизнес
ОЦЕНКА ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗНЫХ РЕЛИГИЙ В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ						
дружественные	41,3	50,0	36,7	12,0	53,3	50,0
нейтральные	44,7	37,5	50,0	64,0	46,7	35,0
напряженные	2,7	5,0	0,0	4,0	0,0	2,5
затрудняюсь ответить	11,3	7,5	13,3	20,0	0,0	12,5
ОЦЕНКА ВЕРОЯТНОСТИ КОНФЛИКТОВ НА ПОЧВЕ РЕЛИГИИ В ОБЛАСТИ						
вероятность высокая	4,0	5,0	3,3	4,0	6,7	2,5
вероятность невысокая	52,0	42,5	66,7	52,0	93,3	35,0
вероятность равна нулю	26,0	37,5	20,0	8,0	0,0	40,0
затрудняюсь ответить	18,0	15,0	10,0	36,0	0,0	22,5

Таблица 6

Экспертная оценка уровня религиозности населения Челябинской области, 2012

	В целом	Государственное и муниципальное управление	Научная и преподавательская деятельность	Политическая и общественные организации	Средства массовой информации и коммуникации	Бизнес
МНЕНИЕ О КОНФЕССИЯХ, ПРЕДСТАВИТЕЛИ КОТОРЫХ В БОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ ПРИДЕРЖИВАЮТСЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЯДОВ И ТРАДИЦИЙ В СВОЕЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ						
православие	65,3	80,0	50,0	60,0	40,0	75,0
ислам	61,3	62,5	76,7	32,0	80,0	60,0
иудаизм	4,0	0,0	13,3	4,0	0,0	2,5
католицизм	4,0	0,0	10,0	0,0	20,0	0,0
протестантизм	1,3	0,0	6,7	0,0	0,0	0,0
буддизм	2,7	5,0	3,3	0,0	6,7	0,0
другие	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
затрудняюсь ответить	10,7	12,5	10,0	12,0	0,0	12,5

• Желание «верить и надеяться хоть на что-то» на фоне разочарования во власти, в людях («походы в церковь обнадеживают, успокаивают, веришь хоть во что-то»). Либо, напротив, обретение веры в связи с тенденцией к улучшению качества жизни («люди не чувствуют себя такими заброшенными»).

В качестве отрицательных аспектов религиозной жизни региона некоторые респонденты обозначили наличие сект: «много религиозных, выплескивается это все в секты, не умеют себя найти в работе, вот и ходят, неполадки в личной жизни...».

Подводя итоги, следует отметить, что Челябинская область – один из крупнейших многонациональных субъектов, на территории которого проживают представители разных наций, исповедующих различные религии. При этом в регионе практически отсутствуют острые массовые межэтнические и межрелигиозные конфликты.

Но относительно бесконфликтные межнациональные и межконфессиональные отношения в области сочетаются с несовершенством законодательной базы, наличием нелегальной миграции; сектантством, разжигающим неприязнь, нестабильностью межэтнических отношений в соседних регионах и др.

1. В Челябинск и Екатеринбург прибывают новые группы беженцев с Украины [Электронный ресурс]: Агентства новостей «Доступ». URL: http://www.dostup1.ru/society/V-Chelyabinsk-i-Ekaterinburg-pribyvayut-novye-gruppy-bezhentsev-s-Ukrainy_67623.html (дата обращения: 10.10.2014).

2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 по Челябинской области. Официальный сайт: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области [Электронный ресурс]. URL: http://chelstat.gks.ru/perepis_2010/perepis/ (дата обращения: 14.08.2012).

3. Конгресс татар Челябинской области собрал педсовет [Электронный ресурс]. URL: http://www.dostup1.ru/society/Kongress-tatar-Chelyabinskoy-oblasti-sobral-pedsovet_69698.html (дата обращения: 16.10.2014).

4. Материалы коллегии [Электронный ресурс]: Официальный сайт Министерства образования и науки Челябинской области. URL: <http://www.minobr74.ru/ru/general-sv/dokumenty/category/308-zasedanie-kollegii-27-05-2014> (дата обращения: 10.10.2014).

5. Финал фестиваля «Соцветье дружное Урала» пройдет в Челябинске в субботу [Электронный ресурс]. URL: <http://chelyabinsk.ru/text/newsline/861554.html> (дата обращения: 01.11.2014).

6. Положение об администрации губернатора Челябинской области [Электронный ресурс]: Официальный сайт губернатора Челябинской области. URL: <http://gubernator74.ru/administratsiya-gubernatora/polozhenie> (дата обращения: 01.11.2014).

7. Распоряжение Правительства Челябинской области от 16 сентября 2014 года №548-рп [Электронный ресурс]: Официальный сайт Российской газеты. URL: <http://www.rg.ru/2014/09/16/chelyabinsk-rasp548-reg-dok.html> (дата обращения: 01.11.14).

8. Социологический опрос проведен при финансовой поддержке РФНФ в июле-августе 2011 г., проект № 11-03-00655а и в июле-августе 2014г., проект № 14-03-00486.

9. Сведения за 2011 г. приведены в статье С.В. Нечаевой «Этноконфессиональные отношения в палитре Челябинской области. Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития» / Международная научно-практическая конференция. Екатеринбург. Уральский институт РАНХиГС. 28 ноября 2012г.Сб. ст. в 2 т. Т. 1. С. 79.

10. Глава РПЦ Кирилл посоветовал южноуральским чиновникам побольше молиться. 19.04.2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dostup1.ru/central/central_15736.html (дата обращения: 01.11.2011).

11. Официальный сайт Русской православной церкви [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/31548.html> (дата обращения: 12.10.2014).

12. Гуляева М. Ислам на Южном Урале: «традиционалисты» vs «параллельщики». 30.05.2011 [Электронный ресурс] // Региональное духовное управление мусульман по Челябинской и Курганской областям [сайт]. URL: <http://www.kazan-center.ru/osnovnye-razdely/13/122/> (дата обращения: 01.11.2011).

13. «Ислам и общество – исламский информационный портал в России» [Электронный ресурс]. – URL:http://islamo.ru/structure/chelyabinsk_region/ (дата обращения: 12.10.2014г.)

14. Занимательные цифры о Челябинской области: Статистический справочник/ Челябинскстат.- Челябинск, 2014 - 77 с. [Электронный ресурс]:// Официальный сайт: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области - URL: http://chelstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chelstat/ru/about/history_of_region_statistics/seventeen+january (дата обращения: 02.11.2014).

15. Официальный сайт Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Челябинской области. [Электронный ресурс]. URL: http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret (дата обращения: 30.07.14).

16. Сведения о работе Минюста России в сфере государственной регистрации религиозных организаций за 1 полугодие 2011 года [Электронный ресурс]: // Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Челябинской области [сайт]. URL: http://www.minust74.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=332&Itemid=16 (дата обращения: 29.09.11).

17. Экспертный опрос в Челябинской области, 2012 г. проект № 11-03-00655а при финансовой поддержке РФНФ.

References

1. V Cheljabinsk i Ekaterinburg pribyvajutnovye gruppy bezhencev s Ukrainy [Electronic resource]: Agentstva novostej «Dostup». URL:http://www.dostup1.ru/society/V-Chelyabinsk-iEkaterinburg-pribyvayut-novye-gruppy-bezhentsev-sUkrainy_67623.html (accessed: 10.10.2014).

2. Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija2010 po Cheljabinskoy oblasti Oficial'nyj sajTterritorial'nyj organ Federal'noj sluzhbygosudarstvennoj statistiki

po Cheljabinskoj oblasti [Electronic resource]. URL: http://chelstat.gks.ru/perepis_2010/perepis/ (accessed:14.08.2012).

3. Kongress tatar Cheljabinskoj oblasti sobral-pedsovet [Electronic resource]. URL: http://www.dostup1.ru/society/Kongress-tatar-Chelyabinskoyoblasti-sobral-pedsovet_69698.html(accessed: 16.10.2014).

4. Materialy Kollegii [Electronic resource]: Oficial'nyj sajt Ministerstva obrazovanija i nauki Cheljabinskoj oblasti. URL: <http://www.minobr74.ru/ru/general-sv/dokumenty/category/308-zasedanie-kollegii-27-05-2014> (accessed: 10.10.2014).

5. Final festivalja «Socvet'e družnoeUrala» proidet v Cheljabinske v subbotu [Electronic resource]. URL: <http://chelyabinsk.ru/text/newslne/861554.html> (accessed: 01.11.2014).

6. Polozhenie ob Administracii Gubernatora Cheljabinskoj oblasti [Electronic resource]:Oficial'nyj sajt gubernatora Cheljabinskoj oblasti. URL: <http://gubernator74.ru/administratsiyagubernatora/polozhenie>(accessed: 01.11.2014).

7. Rasporjazhenie pravitel'stva Cheljabinskoj oblasti ot 16 sentjabrja 2014 goda № 548-rp [Electronic resource]: Oficial'nyj sajt Rossijskoj gazety. URL: <http://www.rg.ru/2014/09/16/chelyabinsk-rasp548-reg-dok.html> (accessed:01.11.14).

8. Sociologicheskij opros proveden pri finansovoj podderzhke RGNF v ijule-avguste 2011g.proekt № 11-03-00655a i v ijule-avguste 2014g.,proekt № 14-03-00486.

9. Svedenija za 2011 g. privedeny v stat'e S.V.Nechaevoj «Jetrnokonfessional'nye otnoshenija vpa-litre Cheljabinskoj oblasti. Gosudarstvo, politika, socium: vyzovy i strategicheskie prioritetyrazvitija» / Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskajakonferencija. Ekaterinburg. Ural'skij institute RANHiGS. 28 nojabrja 2012g.Sb. st. v 2 t. T. 1 S. 79.

10. Glava RPC Kirill posovetoval juzhnoural'skim chinovnikam pobol'she molit'sja. 19.04.2010.[Electronic resource]. URL: http://www.dostup1.ru/central/central_15736.html (accessed: 01.11.2011).

11. Oficial'nyj sajt Russkoj pravoslavnojcerkvi [Electronic resource]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/31548.html> (accessed: 12.10.2014).

12. Guljaeva M. Islam na Juzhnom Urale: «tradicionalisty» vs «parallel'shhiki». 30.05.2011[Electronic resource]. Regional'noe duhovnoeupravlenie musul'man po Cheljabinskoj i Kurganskoj oblastjam. URL: <http://www.kazan-center.ru/osnovnye-razdely/13/122/> (accessed: 01.11.2011).

13. «Islam i obshhestvo – islamskij informacionnyj portal v Rossii» [Electronic resource]. URL:http://islamio.ru/structure/chelyabinsk_region/(accessed: 12.10.2014g.)

14. Zanimatel'nye cifry o Cheljabinskoj oblasti: Statisticheskij spravochnik / Cheljabinskstat. Cheljabinsk, 2014 – 77 s. [Electronic resource]:Oficial'nyj sajt Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Cheljabinskoj oblasti. URL: http://chelstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chelstat/ru/about/history_of_region_statistics/seventeen+january(accessed: 02.11.2014).

15. Oficial'nyj sajt Upravljenija Ministerstva justicii Rossijskoj Federacii po Cheljabinskoj oblasti. [Electronic resource]. URL:http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret (accessed: 30.07.14).

16. Svedenija o rabote Minjusta Rossii vsfere gosudarstvennoj registracii religioznyhorganizacij za 1 polugodie 2011 goda [Electronic resource]. Upravlenie Ministerstva justicii Rossijskoj Federacii po Cheljabinskoj oblasti. URL: http://www.minust74.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=332&Itemid=16 (accessed: 29.09.11).

17. Jekspertnyj opros v Cheljabinskoj oblasti, 2012 g. proekt № 11-03-00655a pri finansovojpodderzhke RGNF.

УДК 316.4

ETHNIC AND RELIGIOUS SITUATION IN THE SOUTH URALS: IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY SOCIO-CULTURAL PROCESSES

Nechayeva Svetlana Vladimirovna

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, the Deputy Director, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: nechaeva@chel.ranepa.ru.

Annotation

The article is devoted to the analysis of processes in the Chelyabinsk region at the ethnic and religious aspect. Search is held with support of Russian Humanitarian Scientific Fund within scientific and research project "Socio-Cultural Portrait of the Chelyabinsk Region: regional community in time and space" # 14-03-00486. The author states results of sociological surveys in Chelyabinsk region (2011 and 2014 years), based on methods of the Centre of socio-cultural changes research of Philosophic Institute of Russian Science Academy "Socio-Cultural Portrait of a Region".

Key concepts:

ethnic and religious relations, socio-cultural portrait.

УДК 316.3

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (на примере Челябинской области)*

С.В. Нечаева,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ,
Челябинский филиал,
заместитель директора,
кандидат исторических наук, доцент.
г. Челябинск, Россия.
E-mail: nechaeva@chel.ranepa.ru

Д.В. Аверьянова,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ,
Челябинский филиал,
младший научный сотрудник
лаборатории прикладной политологии
и социологии,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: nechaeva@chel.ranepa.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу состояния трудовых ресурсов Челябинской области. Определены проблемы, спрогнозированы тенденции развития региональных трудовых ресурсов. Раскрываются вопросы трудовой мотивации населения Челябинской области, приводится иерархия трудовых мотивов. Особое внимание уделено рассмотрению вопроса качества трудовых ресурсов в контексте экономического развития региона.

Ключевые понятия:

экономическая активность населения,
качество трудовых ресурсов,
мотивация трудовой деятельности,
образовательный капитал.

Современный этап развития российского общества характеризуется повышенным вниманием к трудовым ресурсам и их качеству. Сегодня конкурентоспособность трудовых ресурсов становится одним из основных факторов экономического развития как региона, так и страны в целом. Губернатор Челябинской области Б.А. Дубровский, представляя депутатам Законодательного Собрания Челябинской области, а вместе с ними – всем жителям региона, предложения по изменениям в Стратегию социально-экономического развития Челябинской области до 2020 года, отметил, что нашим главным преимуществом был и будет человек, его уникальный духовный, умственный и трудовой потенциал. Б.А. Дубровский также отметил: «Стратегия разработана с пониманием того, что необходимо развивать человеческие и концентрировать финансовые, природные и иные ресурсы на приоритетных направлениях. Все ресурсы, кроме человеческого, ограничены. А человеческий потенциал ограничен только нашими представлениями о его границах» [2].

Для начала обратимся к данным статистики, взглянув на уровень экономической активности населения – отношение численности экономически активного населения определенной возрастной группы к общей численности населения соответствующей возрастной группы, в процентах. В таблице 1 представлены данные по России в целом, Уральскому федеральному округу, а также по регионам, входящим в его состав.

Стоит отметить, что экономически активное население, или, как часто говорят, рабочая сила, – это часть населения, обеспечивающая предложение рабочей силы для производства товаров и услуг. Численность экономически активного населения включает в себя занятых и безработных и измеряется по отношению к обследуемому периоду.

Челябинская область на фоне регионов-соседей выглядит неплохо. По итогам 2012 года уровень экономической активности населения Челябинской области составил 70,5%. Показатель выше, чем по России в целом, а также по Уральскому федеральному округу.

Для получения более полной картины в разговоре об уровне экономически активного населения рассмотрим его структуру.

В таблице представлены данные, отражающие уровень экономической актив-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-03-00486 «Социокультурный портрет Челябинской области: региональное сообщество во времени и пространстве».

Таблица 1

**Уровень экономической активности населения
(по данным выборочных обследований населения по проблемам занятости;
в процентах)**

	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Российская Федерация	65,5	66,0	66,3	67,1	67,4	67,6	67,7	68,3	68,7
Уральский федеральный округ	66,6	67,3	67,9	67,5	69,1	68,7	69,1	69,8	70,1
Курганская область	65,3	63,7	62,9	59,1	63,0	61,6	64,5	64,1	64,3
Свердловская область	66,1	67,6	69,4	70,3	68,7	68,6	68,4	69,1	69,2
Тюменская область	69,7	70,2	69,3	71,2	73,1	71,6	71,2	71,9	72,3
в том числе:									
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	74,6	72,8	71,9	74,1	75,7	75,3	75,8	74,4	74,5
Ямало-Ненецкий автономный округ	80,5	76,3	75,5	75,5	79,5	76,7	76,2	78,1	79,0
Челябинская область	64,8	65,2	65,9	63,0	67,3	67,9	68,9	70,0	70,5

Таблица 2

Уровень экономической активности населения по полу и виду поселения

	Все население	Мужчины	Женщины	Городское население	Сельское население
Российская Федерация	68,7	74,7	63,3	69,6	65,8
Уральский федеральный округ	70,1	75,7	65,1	71,1	65,8
Челябинская область	70,5	75,2	66,4	71,1	67,5

ности населения Российской Федерации по полу и виду поселения, Уральского федерального округа и Челябинской области. Для сравнения показателей экономически активных граждан по регионам используются отношения численности экономически активного населения к общей массе населения в процентном отношении. В Челябинской области уровень экономической активности среди женщин составляет 66,4%, среди мужчин – 75,2%. Уровень экономической активности городского населения – 71,1%, что выше уровня экономической активности населения, проживающего в сельской местности.

В разговоре о конкурентоспособности трудовых ресурсов ключевая роль отводится качеству трудовых ресурсов – совокупности различных показателей образования,

профессиональной квалификации тех, кто работает, их здоровья, эмоционального настроения, добросовестного отношения к работе, желания и способности производительно трудиться.

К показателям образования и профессиональной квалификации мы обратимся позднее, а начнём с рассмотрения эмоциональных настроений. Выявить иерархию трудовых мотивов населения Челябинской области нам помогли данные, полученные в ходе социологического исследования, проведённого в рамках реализации Челябинским филиалом РАНХиГС исследовательского проекта «Социокультурный портрет Челябинской области»*. Опрос был проведен на территории 12 муниципальных образований Челябинской области, в пе-

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-03-00486 «Социокультурный портрет Челябинской области: региональное сообщество во времени и пространстве».

риод с 15 по 25 июля 2014 года. Опрошено 1000 респондентов. Статистическая погрешность данных составила $\pm 3\%$. Работа была выполнена в соответствии с типовой программой и методикой Центра изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук. Стоит отметить и тот факт, что мы имеем возможность сравнить данные и проследить динамику с разницей в 3 года, в силу того, что аналогичное социологическое исследование было реализовано Челябинским филиалом РАНХиГС в 2011 году, а по материалам исследования был опубликован ряд научных статей. Так, например, были рассмотрены особенности отдельных сторон жизнедеятельности области в оценках ее жителей, особенности социального самочувствия населения области. Кроме того, были рассмотрены и вопросы трудовой занятости и трудовой мобильности населения региона [1].

Отметим, что политические, экономические и социокультурные изменения, произошедшие в 90-е годы XX века, повлекли за собой и изменения в трудовой мотивации населения.

В таблице приведено пять суждений – ответов на вопрос: «Какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать?». Три оценочные позиции характеризуют нерыночную модель поведения, два суждения – ориентации на трудовую деятельность в рыночных условиях. Рассмотрим, какие мотивы трудовой деятельности преобладают среди жителей Челябинской области, а также то, какие изменения произошли за период с 2011 по 2014 год.

Как видно из данных, приведённых в таблице, общее число «рыночно» ори-

ентированных респондентов (44,6%) в 2014 году превысило долю «традиционно» ориентированных в трудовой сфере респондентов (44,4%). В то время как в 2011 году этот показатель составлял 35%. Таким образом, в пору политических, а вместе с ними и социально-экономических преобразований, регион переживает трансформацию трудовых отношений, недаром трудовая мотивация граждан является рефлексивным показателем отношения населения к происходящим в обществе трансформационным процессам.

В 2011 году только 13,8% от числа опрошенных готовы были иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск, в 2014 их число возросло на 5%. Для данной группы опрошенных важна самостоятельность в организации своей трудовой деятельности, а их немногочисленность может объясняться как наличием административных барьеров на пути развития собственного бизнеса, значительными экономическими и институциональными рисками, так и сложившимися моделями поведения и ценностными ориентациями.

Анализ собранных в ходе исследования данных демонстрирует, что последние несколько лет являются периодом довольно интенсивной трудовой мобильности. Помимо естественной причины – выхода работника на пенсию, основными факторами, стимулирующими изменение статуса занятости респондентов, являются сокращение штатов или ликвидация предприятия, а также низкая оплата труда по прежнему месту работы. Но – обо всём по порядку. Рассмотрим изменения в трудовом положении респондентов с 1998 года.

Таблица 3

Иерархия трудовых мотивов населения Челябинской области

	2011	2014
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в будущем	40,6	32,6
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок	5,1	8,0
Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени	3,7	3,8
Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	21,2	25,8
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	13,8	18,8
Не знаю	5,7	3,6
Отказ от ответа	9,9	7,4

Таблица 4

Изменения в трудовом положении с 1998 года (в % от числа опрошенных)

	Челябинская область, 2011	Челябинская область, 2014
Вы работаете по той же специальности и в той же организации, что и в 1998 г.	33,7	24,3
Вы работаете по той же специальности, но перешли в другую организацию	14,3	17,5
Вы сменили и специальность, и организацию	29,9	26,7
Вы сейчас не работаете	19,4	30,5
Отказ от ответа	2,3	1,1

Практически каждый четвёртый житель Челябинской области, принявший участие в опросе, отвечая на вопрос об изменении своего трудового положения с 1998 года по настоящее время, указал, что работает по той же специальности и в той же организации, что и в 1998 году (24,3%), и это на 9,4% меньше, чем в 2011 году. Чуть более четверти респондентов сменили и специальность, и организацию (26,7%). Таких

решаться менее эффективно, чем раньше? Обратимся для ответа на этот вопрос к данным статистики.

По данным Челябинскстата, по итогам 2013 года численность безработных в Челябинской области составила 113 тысяч человек. Как видим, за последние несколько лет уровень безработицы в регионе имеет тенденцию к снижению. Вместе с тем, приведённые данные позволяют отметить

Таблица 5

Численность безработных в Челябинской области (данные приведены в тыс.человек)

2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
156	150	110	107	90	95	93	44	79	149	140	124	120	113

на 3,2% меньше, чем в 2011 году. Работают по той же специальности, но в другой организации 17,5%. Практически треть опрошенных (30,5%) в настоящее время не работают, и это на 19,4% больше, чем было в 2011 году. Может ли это указывать на то, что в регионе вопросы с занятостью стали

важную особенность: наиболее высокая численность безработных была зафиксирована по итогам 2009 года, что можно объяснить кризисом 2008–2010 гг.

Рассмотрим мотивы сохранения респондентами работы, профессии.

Таблица 6

Мотивы сохранения работы, профессии после 1998 года

	2011	2014
Я привык к своей работе, к коллективу	34,1	34,5
Работа интересная	29,5	34,0
Мне некуда уходить, другой работы у меня не было	29,8	33,0
Работа почетная, уважаемая, престижная, приносит пользу людям	12,0	16,0
Работа хорошо оплачивается	9,3	11,3
Мне так спокойнее	7,4	5,7
Другое	2,3	1,0
Не знаю	3,1	4,6
Отказ от ответа	5,8	34,5

Судя по данным исследований, основным фактором, удерживающим работника на рабочем месте, является привычка, то есть сложившийся способ повседневного поведения, осуществление которого в определённой ситуации приобретает для индивида характер потребности. Привычку к своей работе отмечают 34,5% опрошенных. Второй мотив, тормозящий трудовую мобильность в регионе, – слабая диверсификация рынка профессий и настроенная под современные реалии система профессиональной подготовки и переподготовки. Это приводит к тому, что мотив «мне некуда уходить» отмечает каждый третий опрошенный – 33%, и это больше, чем в 2011 году на 3,2%. С другой стороны, 34% опрошенных отмечают, что не сменили место работы по причине того, что работа интересная. Число так считающих респондентов выросло с 2011 года на 5%.

При анализе ответов жителей региона на вопрос «Если Вы после 1998 года изменили свою работу, профессию, то почему?» обращает на себя внимание тот факт, что пятая часть (22,0%) респондентов объясняют своё увольнение сокращением или закрытием предприятия.

ство респондентов – 65,8% – объясняют свое увольнение с прежнего места работы собственным сознательным выбором, выбирая такие позиции, как «работа плохо оплачивалась», «на новой работе больше возможностей проявить себя», «возможность более интересной работы», «работа не пользовалась уважением».

Как известно, трудовая мобильность населения – элемент социальной мобильности. Социальная мобильность населения Челябинской области была подробно изучена С.Г. Зыряновым. Основываясь на материалах исследования, он отмечает, что процессы изменения социальной структуры Челябинской области во многом схожи с теми, которые происходят в российском обществе. В сфере материального обеспечения на фоне роста общего благосостояния наблюдается значительная дифференциация населения по уровню доходов и расходов. Процессы социальной дифференциации идут разнонаправленно и неравномерно и обнаруживают значительную специфику в демографических и территориальных группах населения области. На фоне значительной материальной дифференциации, сформировавшихся различий в доступе к

Таблица 7

Мотивы изменения работы, профессии после 1998 года

	2011	2014
Появилась возможность более интересной работы	23,3	22,0
Были сокращения, предприятие было закрыто	21,2	22,0
На новой работе я имею больше возможностей проявить себя	19,7	14,6
Работа плохо оплачивалась	18,1	26,8
Работа не пользовалась уважением	3,1	2,4
Работа по моей специальности сейчас не нужна	3,6	0,0
Другое	5,2	4,9
Не знаю	7,8	14,6
Отказ от ответа	9,3	22,0

Появилась возможность более интересной работы у 22% опрошенных, и здесь имеет место мотив самореализации респондентов. Статусная причина («Работа не пользовалась уважением») – самая нераспространённая, её называют лишь 2,4%. А вот экономическая, наоборот, – самая часто упоминаемая – вариант ответа «работа плохо оплачивалась» выбрали 26,8% опрошенных. Стоит отметить, что большин-

социально-политическом и социокультурным ресурсам, в регионе идёт процесс формирования и закрепления базовых элементов новой социальной структуры, возникают новые слои и группы [3].

Движущей силой формирования качественных трудовых ресурсов является научно-образовательная система административно-территориального региона. Становится очевидным, что важнейшим направлением

инвестиций в трудовые ресурсы является вложение в образование, включая общее и специальное, формальное и неформальное, а также обучение на рабочем месте.

Качество трудовых ресурсов Челябинской области, с точки зрения образовательного уровня, является достаточно высоким, однако это не означает отсутствие проблем.

В итоговых данных Всероссийской переписи населения как 2002, так и 2010 г. фиксируется рост уровня образования южноуральцев. Так, за период с 1989 года по 2002 год можно отметить значительное повышение образовательного уровня населения, что было характерно как для страны в целом, так и для Уральского федерального округа в частности, в том числе и для Челябинской области. Отмеченная положительная динамика связана с переменами в возрастном составе населения, когда на смену старшего поколения с низким уровнем

образования произошло дальнейшее повышение образовательного уровня населения региона. Так, по сравнению с 2002 годом, число лиц, имеющих высшее образование, включая послевузовское (в расчёте на 1000 человек в возрасте 15 лет и старше), выросло на 47,4%; ещё больший рост по неполному высшему образованию – 59,3%. Население, не имеющее даже начального уровня образования, сократилось за межпереписной период с 9 до 5 человек.

Согласно переписи населения 2010 г. уровень образования населения региона несколько уступает общероссийским показателям и показателям УрФО по группе лиц, имеющих высшее образование (228/204/198 человек соответственно на 1000 населения). В то же время доля населения, имеющего начальное (56/63/68 на 1000 населения) и среднее (312/331/348 на 1000 населения) профессиональное образование, в Челябинской области выше, чем

Таблица 8

**Население по уровню образования по субъектам РФ
(на 1000 человек в возрасте 15 лет и более, указавших уровень образования)**

	Имеют образование											Не имеют начального общего образования
	профессиональное					общее						
	послеу- зовское	высшее	в том числе по уровням			неполное высшее	среднее	начальное	среднее (полное)	основное	начальное	
			бакалавр	специалист	магистр							
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Российская Федерация	6	228	10	213	5	46	312	56	182	110	54	6
УрФО	5	204	9	191	4	42	331	63	182	114	54	5
Челябинская область	4	198	8	186	4	43	348	68	170	107	57	5

образования пришло поколение с более высоким его уровнем. Кроме того, в составе многочисленной группы молодежи, родившейся в первой половине 80-х годов, большая часть продолжает обучение, так как это вызвано требованиями растущей конкурентоспособности на рынке труда, а также изменениями качества и условий жизни.

По данным Всероссийской переписи 2010 года, за межпереписной период (2002–

в России и в УрФО в целом, что объясняется промышленной структурой экономики региона [6].

Образовательный уровень населения Челябинской области, занятого в её экономике, значительно более высокий, чем населения в целом. Данная закономерность не является исключением для Челябинской области, а наблюдается повсеместно в России.

Система образования Челябинской области представляет сеть организаций, оказывающих образовательные услуги населению и имеющих разную ведомственную принадлежность и уровень учредительства (3459 организаций, более 1 млн обучающихся и работающих). По объемным показателям область занимает 10-12 место в России. Если говорить непосредственно о профессиональном образовании, то сведения представлены в таблице 2).

Самые значительные перемены произошли в сфере начального профессионального образования, и это не случайно.

Каковы же последствия данного решения?

По данным Министерства образования и науки Челябинской области, в системе профессионального образования Челябинской области на начало 2014 г. существенно изменилось среднее профессиональное образование (СПО). В течение последних трех лет была проведена масштабная реорганизация сети учреждений начального и среднего профессионального образования. В региональную сеть возвращены федеральные учреждения, объединены в

Таблица 9

Образовательные учреждения Челябинской области [7]

Виды образовательных учреждений	1990	2000	2005	2010	2011	2012	Место в РФ 2012
Численность учащихся в учреждениях начального профессионального образования (тыс. человек)	60,6	53,5	50,9	29,3	26,4	22,5	–
Выпуск квалифицированных рабочих учреждениями начального профессионального образования (тыс. человек)	35,5	21,3	20,2	14,3	13,4	11,9	–
Численность студентов государственных средних специальных учебных заведений на 10 000 человек населения (на начало года, тыс. человек)	165	181	206	160	155	155	31
Выпуск специалистов государственными средними специальными учебными заведениями (тыс. человек)	16,9	16,8	18,8	14,5	13,0	11,4	–
Численность студентов высших учебных заведений на 10 000 человек населения	153	302	462	521	478	437	20
Выпуск студентов высшими учебными заведениями (тыс. человек)	7,2	13,3	26,6	32,8	34,6	33,8	–

Учитывая существующее количество проблем, которые приведены в таблице 3, еще в декабре 2012 г. в новом Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (п. 2 ч. 1 ст. 108) образовательный уровень начального профессионального образования, приравнивали к среднему профессиональному образованию по программам подготовки квалифицированных рабочих (служащих). Таким образом, с 1 сентября 2013 г. значительная часть российских ПТУ переименована в ПТЛ (профессионально-технические лицеи) или колледжи.

кластеры действующие, к успешно функционирующим присоединены учреждения с малым количеством обучающихся. В итоге количество юридических лиц сократилось почти втрое (на начало 2012 г. в области осуществляли деятельность 53 образовательных учреждения НПО и 88 образовательных учреждений СПО).

В 49 функционирующих на начало 2014 г. учреждениях СПО обучается более 19 тысяч человек по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих (по 64 профессиям) и почти 40 тысяч по программам подготовки специалистов

Рисунок 1
Основные проблемы начального и среднего профессионального образования на современном этапе [4]

среднего звена (по 91 специальности среднего профессионального образования) [8]. В 2012 году область включилась в реализацию проекта Уральского федерального округа «Славим человека труда» и одной из первых среди регионов страны вступила в WorldSkillsRussia (по всероссийскому рейтингу входит в первую десятку из тридцати субъектов Российской Федерации, включившихся в это международное движение).

Прямопротивоположная динамика наблюдается в стране, федеральном округе и регионе в отношении высших учебных заведений. При этом необходимо отметить не только рост охвата населения услугами высшего образования, но увеличение объёма востребованности самих услуг в расчете на потребителя. Возросло число лиц, получающих второе высшее образование, в последние годы весьма специфично выглядит сосуществование и взаимопроникновение услуг подготовки на различных уровнях образования, если взять во внимание одновременное сочетание программ специалитета, бакалавриата и магистратуры.

Количество вузов на территории региона увеличилось с 14 в 1995 году до 46 в 2013 году. Конечно, при столь масштабном росте сектора высшего образования возникают естественные для любого рынка риски «перегрева». Тем не менее, они не вызывают оттока потребителей данного вида образовательных услуг в регионе.

В сфере высшего профессионального образования в Челябинской области по итогам 2013 г. 27 государственных образовательных учреждений (7 университетов, 3 академии, 2 института, 1 консерватория, 13 филиалов крупнейших университетов и институтов городов России и один военный институт) и 19 негосударственных вузов [8].

В целях реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. №599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» (абзац 4, подпункт «а», пункт 1) «О результатах мониторинга деятельности федеральных государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования и деятельности рабочих

групп», пункта 3 поручения Председателя Правительства Российской Федерации от 17 мая 2012 года №ДМ-П8-2804 Минобрнауки России провело комплекс мероприятий по мониторингу деятельности федеральных государственных образовательных организаций высшего образования.

В мониторинге 2012 г. принимали участие: 10 вузов и 25 филиалов Челябинской области. В результате из вузов с признаками неэффективности – 4 (40%), а из филиалов – 9 (36%). [9]

В мониторинге 2013 г. принимали участие: 16 высших учебных заведений и 41 филиал Челябинской области. Результаты 2 этапа мониторинга по Челябинской области: в список с признаками неэффективности вошли 2 высших учебных заведения и 10 филиалов, расположенных на территории области. 4 вуза Челябинской области не участвовали во втором этапе мониторинга.

В 2014 г. в мониторинге принимали участие: 16 вузов и 36 филиалов Челябинской области, и только один вуз информацию не представил – институт «Магнитогорская высшая школа бизнеса». Из них не прошли пороговых значений мониторинга и по решению Межведомственной комиссии по проведению мониторинга находятся на стадии реорганизации 2 вуза и 9 филиалов [9]. В сравнении с 2010 годом, количество вузов в области по тем или иным причинам сократилось с 52 до 46.

Структура образовательной системы Челябинской области отражает ее устойчивое состояние, обеспечивающее доступность всех форм и видов образовательных услуг для населения Челябинской области. К сожалению, характеристика системы профессионального образования не позволяет сделать вывод о её соответствии новым вызовам времени. Проявляется это в одностороннем изменении структуры подготовки по видам образования, неадекватном потребностям предприятий региона.

В современных условиях наблюдается дисбаланс на региональном рынке труда между спросом и предложением на работников квалифицированного труда, острый дефицит рабочих и специалистов, в первую очередь в производственной сфере, несоответствие качества подготовки выпускников техникумов и колледжей, вузов требованиям работодателей.

Обратимся к результатам глубинных интервью, проведенных в июле-августе 2012 г.* Респондентам задавались вопросы о качестве подготовки к профессиональной деятельнос-

ти в вузах, техникумах, профтехучилищах, о достаточности полученных знаний, о проблемах при получении профессионального образования.

Часть респондентов подчеркивали преимущества Челябинской области в сфере образования: «в регионе есть большой выбор учебных заведений, дающих как высшее, так и среднее специальное образование»; «вузы и техникумы дают достаточно знаний для того, чтобы сформировалась «учебная база», все остальное так или иначе придется добирать на практике»; «каким бы хорошим ни было образование, каких-то знаний и навыков всегда будет не хватать, придется доучиваться и «самообразовываться», но это нормально».

Однако большинство респондентов считает качество образования в Челябинской области неудовлетворительным: выпускники выходят из вузов без необходимых для работы знаний («ощущение, что они не учились, на местах их приходится учить азам, студентка 4 курса мединститута не знает анатомию», «у меня столько людей закончили институты, а в своей сфере они не разбираются, нет конкретных навыков, знания поверхностные»).

Причины низкого качества образования в Челябинской области респонденты видят в следующем:

- низкий профессионализм преподавательского состава. Вследствие низкой заинтересованности в работе преподаватели подходят к выполнению своих обязанностей формально, особенно это заметно студентам заочного отделения;
- небольшая заработная плата. Вследствие низкой оплаты труда зачастую преподаватели вынуждены совмещать преподавание с другой работой. В некоторых учебных заведениях, по отзывам респондентов, преподаватели недобросовестно относятся к своей работе: «берут взятки»;
- качество преподавания падает, т.к. преподаватели не могут угнаться за изменением учебных планов.

Респонденты нередко отмечали, что знания, которые дают в вузах, не согласуются с практикой, с которой молодой специалист сталкивается на работе. Причины такой разорванности видятся в следующем:

- преподавательский состав состоит из теоретиков;
- плохая организация практик в вузах и техникумах;
- отсутствие связи вузов с реальным работодателем.

*Серия глубинных интервью в Челябинской области, 2012 г., проект № 11-03-00655а при финансовой поддержке РГНФ.

Другая причина неудовлетворительного качества образования – это неграмотно организованный учебный процесс:

- программы в вузах устаревшие (учебники не отражают современную действительность);
- студенты изучают не те дисциплины, которые нужны для работы по их специальностям.

Отмечается и низкая мотивация самих учащихся в получении образования:

- из-за того, что в вуз стало легко поступить, контингент обучающихся ухудшился;
- из-за кажущейся нерентабельности получаемых профессий – в основном, технических, – интерес к учебе низок.

Для многих студентов образование не является самоценным, учеба нужна лишь как средство для решения других проблем.

Отдельно жители области говорили об ухудшении качества образования в профессиональных училищах. Одна из причин – сокращение учебных заведений, другая причина – неблагополучный характер контингента в училищах.

Наиболее часто упоминаемая проблема, связанная с получением образования, – проблема финансовая. Дорого само обучение в вузе; оплата проживания для жителей глубинки, которые хотят получить образование в ведущих вузах областного центра; не все родители могут обеспечить всем необходимым обучение детей.

Говоря о проблемах, связанных с получением образования, респонденты отмечали и такие сложности, как:

- поступление на бюджетные места;
- недостаток творческих и гуманитарных специальностей в Челябинской области; преобладание «заводских» специальностей в малых городах;
- высшее образование не становится гарантом получения хорошего рабочего места. В результате выпускники зачастую работают не по специальности.

Подводя итоги оценки состояния образовательного капитала и потенциала жителей Челябинской области, можно сделать основной вывод, что развитие системы общего и профессионального образования находится под влиянием перманентной модернизации, демографического спада, что создает определенные трудности для использования образовательного капитала в регионе.

Вместе с тем, следует отметить, что учебные заведения среднего и высшего профессионального образования, выполняя социальный заказ, предоставляют широкие возможности получения образования и обучают всех желающих (особенно ярко это проявляется в

условиях демографического спада), а рынок позже регулирует качество трудоустройства (и качество жизни в итоге) выпускника через востребованность полученных им знаний.

Подводя итог, стоит ещё раз сказать о том, что экономическое развитие регионов зависит от многих факторов, важнейшими из которых являются трудовые ресурсы. На современном этапе развития общества и в сложившихся внутри и внешнеполитических условиях тема экономического развития всё чаще связывается с конкурентоспособностью трудовых ресурсов. В центре регионального развития стоит человек, с его личными потребностями и возможностями развития.

Как показывают многочисленные исследования, а также данные региональной статистики, население Челябинской области обладает достаточно высоким образовательным потенциалом. Но рост уровня образования не в полной мере востребован текущим состоянием экономики региона. В последнее время всё чаще звучат предложения об изменениях в системе образования, её трансформации с учётом существующих реалий кадровых потребностей экономики.

1. Абрамкина, С.Р., Богданова, Д.В., Терещук, Е.А. Челябинская область: особенности социального самочувствия [Текст] / С.Р. Абрамкина, Д.В.Богданова, Е.А. Терещук // Социум и власть. 2011. № 4. С. 26–32.

2. Доклад губернатора Челябинской области Б.А. Дубровского на заседании Законодательного Собрания. Официальный сайт губернатора Челябинской области. [Электронный ресурс]. - URL: <http://gubernator74.ru/news/boris-dubrovskiy-predstavil-skorrektirovannuyu-strategiyu-2020-15420>.

3. Зырянов, С.Г. Социальная стратификация и социальная мобильность населения Челябинской области [Текст] / С.Г. Зырянов // Социум и власть. 2012. № 1. С. 5–8.

4. Инновационная модель перехода государственного образовательного учреждения начального (среднего) профессионального образования в иные организационно-правовые формы. [Электронный ресурс]. – URL: <http://susu.ac.ru/sites/default/files/files/TK-005.doc>

5. Информационно-аналитические материалы к заседанию рабочей группы Межведомственной комиссии по мониторингу деятельности образовательных организаций высшего образования [Электронный ресурс]. – URL: <http://miccedu.ru/monitoring> (дата обращения: 15.09.14).

6. Обзор кратких окончательных итогов Всероссийской переписи населения 2010 года по Челябинской области «Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года» [Электронный ресурс]: – URL: <http://www.chelstat.gks.ru> (дата обращения: 14.08.14).

7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат.сборник. Раздел 5 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 10.09.14).

8. Результаты деятельности системы образования Челябинской области в 2013 году. Публичный

доклад Министерства образования и науки Челябинской области / под ред. А.И. Кузнецова. – Челябинск, 2013. С. 12 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.minobr74.ru/ru/zakonodatelstvo/poiskdokumentov?searchword=%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4&searchphrase=all> (дата обращения: 10.09.14).

9. Справка «О мониторинге эффективности деятельности федеральных государственных образовательных организаций высшего образования (исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599)» на заседании коллегии Министерства образования и науки Челябинской области 27 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. – URL: minobr74.ru/ru/general-sv/dokumenty/category/308?download=5635 (дата обращения: 14.08.10).

References

1. Abramkina S.R., Bogdanova D.V., Tereshhuk E. A. Cheljabinskaja oblast': osobennosti social'nosogam ochuvstvija naselenija [Chelyabinsk region: peculiarity of social health] // *Socium i vlast'*. 2011. № 4.

2. Doklad Gubernatora Cheljabinskoy oblasti B.A. Dubrovskogo na zasedanii Zakonodatel'nogobrani ja. Oficial'nyj sajt Gubernatora Cheljabinskoy oblasti [Electronic resource]. URL: <http://gubernator74.ru/news/boris-dubrovskiy-predstavil-skorrektirovannuyu-strategiyu-2020-15420> (accessed: 30.10.14).

3. Zyrjanov, S.G. Social'naja stratifikacija isocial'naja mobil'nost' naselenija Cheljabinskoy oblasti [Social stratification and social mobility of Chelyabinsk region population] // *Socium i vlast'*. 2012. № 1. S. 5–8.

4. Innovacionnaja model' perehoda gosudarstvennogo obrazovatel'nogo uchrezhdenija nachal'nogo (srednego) professional'nogo obrazovanija vinye organizacionno-pravovye formy. [Electronic resource]. URL: <http://susu.ac.ru/sites/default/files/files/TK-005.doc> (accessed: 30.10.14).

5. Informacionno-analiticheskie materialy k zasedaniju rabochej grupy Mezhhvedomstvennoj komissii po monitoringu dejatel'nosti obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovanija [Electronic resource]. – URL: <http://miccedu.ru/monitoring> (accessed: 15.09.14).

6. Obzor kratkih okonchatel'nyh itogov Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda po Cheljabinskoy oblasti «Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda» [Electronic resource]. URL: <http://www.chelstat.gks.ru> (accessed: 14.08.14).

7. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokaz ateli. 2013: Stat.sbornik. Razdel 5 [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (accessed: 10.09.14).

8. Rezul'taty dejatel'nosti sistemy obrazovanija Cheljabinskoy oblasti v 2013 godu. Publichnyj doklad Ministerstva obrazovanija i nauki Cheljabinskoy oblasti / pod red. A.I. Kuznecova. Cheljabinsk, 2013. S. 12 [Electronic resource]. URL: <http://www.minobr74.ru/ru/zakonodatelstvo/poiskdokumento v?searchword=%D0%BF%...B4&searchphrase=all> (accessed: 10.09.14).

9. Справка «О мониторинге эффективности деятельности федеральных государственных образовательных организаций высшего образования (исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599)» на заседании коллегии Министерства образования и науки Челябинской области 27 мая 2014 г. [Electronic resource]. URL: minobr74.ru/ru/general-sv/dokumenty/category/308?download=5635 (accessed: 14.08.10).

UDC 316.3

COMPETITIVENESS OF HUMAN RESOURCES AS THE FACTOR OF REGIONAL ECONOMIC DEVELOPMENT (AT THE EXAMPLE OF CHELYABINSK REGION)

Nechayeva Svetlana Vladimirovna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, the Deputy Director, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Chelyabinsk, Russia. E-mail: nechaeva@chel.ranepa.ru.

Averyanova Darya Valeryevna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Junior Research Fellow of the Laboratory of Applied Political Science and Sociology, Chelyabinsk, Russia. E-mail: bdv@chel.ranepa.ru.

Annotation

The article is focused on the analysis of human resources condition in Chelyabinsk region. The problems of the issue are described; the tendencies of regional human resources development are forecasted by the authors. The labor motivation of people are issued, the hierarchy of labor motives are described. Special attention is paid to the problem of quality of labor resources at the context of economic development of the region.

Key concepts:

people economic activity, quality of labor resources, labor motivation, educational capital.

УДК [341.2] 796:34

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО КАК ФАКТОР ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОВЕДЕНИЯ ЗРИТЕЛЕЙ НА СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ

Магденко Александр Дмитриевич,

Уральский государственный
университет физической культуры,
заведующий кафедрой
гражданского права
и гражданского процесса,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия
E-mail: dozent0760@mail.ru.

Захарова Светлана Александровна,

Уральский государственный
университет физической культуры,
заведующая кафедрой теории государства
и права и конституционного права,
кандидат юридических наук, доцент,
член Комиссии по спортивному праву
Ассоциации юристов России,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: sveta191173@mail.ru.

Аннотация

В статье проводится анализ взаимодействия международных и внутригосударственных нормативных источников, регламентирующих поведение зрителей на спортивных мероприятиях.

Ключевые понятия:

международное право,
внутригосударственное право,
правовое регулирование,
поведение зрителей,
спортивные мероприятия.

В настоящее время совершенствование российского законодательства и правоприменительной практики возможно при условии надлежащего понимания и реализации международных договоров Российской Федерации, международно-правовых норм, признанных Россией или созданных при ее непосредственном участии [1].

Система права России включает в себя не только Конституцию Российской Федерации, федеральные законы и иные внутригосударственные правовые акты, но и общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры. Это конституционное положение имеет общее значение и распространяется на различные сферы деятельности органов государственной власти, в том числе и в сфере международных спортивных отношений.

Основным нормативным документом в сфере физической культуры и спорта является действующий на территории Российской Федерации Федеральный закон о физической культуре и спорте от 4 декабря 2007 года № 329-ФЗ, он устанавливает правовые, организационные, экономические и социальные основы деятельности в области физической культуры и спорта РФ, определяет основные принципы законодательства о физической культуре и спорте [2]. Эти принципы определены в соответствии с Конституцией РФ и международными нормами.

Российская Федерация является полноправным субъектом международных отношений и в соответствии с принципом добросовестности исполнения международных договоров обязана соблюдать свои международные обязательства по этим договорам, а также имплементировать договорные нормы во внутригосударственное законодательство. Это касается и правил поведения зрителей во время проведения спортивных мероприятий, которые устанавливаются как внутренним законодательством, так и международными стандартами.

Проблема поведения зрителей на спортивных соревнованиях волнует международную спортивную общественность уже давно, хотя в нашей стране сравнительно недавно эта проблема приобрела такие гигантские негативные масштабы. Особенно ярко она проявляется во время проведения футбольных матчей и, в первую очередь, на матчах клубов, имеющих значительные фанатские движения. В этом аспекте футбольные фанаты российских клубов настолько грубо нарушают общественный порядок, что в матчах европейских турниров эти клубы практически постоянно несут штрафные санкции. Так,

в частности, уже в текущем году УЕФА вынес решение о том, что клубы «Зенит» и «ЦСКА» ближайшие матчи еврокубков будут проводить без зрителей. К ставшим уже традиционным нарушениям общественного порядка в последнее время добавилось проявление ксенофобии, расовой нетерпимости, что особенно жестко сейчас наказывается европейскими санкциями.

Футбол уже превратился не в спортивное состязание, а в мероприятие, где больше действуют законы шоу-бизнеса, который диктует свои правила, и для которого бесчинства «болельщиков» – это часть театрализованного действия. Если спорт организован как шоу-бизнес, то его неотъемлемой частью становится фанатское движение с вполне конкретной субкультурой, зеркально отражающее неперемное присутствие в такой модели спорта феномена «зрелища для толпы», поскольку околоспортивная толпа становится обязательным элементом для обеспечения массовости потребления спортивных зрелищных услуг и тем самым выступает «гарантом» процветания спортивного шоу-бизнеса. «Фанатская» толпа, как и иные виды «массово-зрелищных» толп, – это не просто некие социальные феномены, на которые должны профессионально реагировать в основном правоохранительные органы, но прежде всего социальная проблема. Этот феномен в принципе не изживаем из системы коммерциализированного зрелищного спорта. Для решения проблемы насилия и агрессии толпы мало чисто полицейских акций, какими бы профессиональными они ни были. Однако давно уже назрела необходимость государственным органам более жестко реагировать на проявления агрессии, хулиганства и ксенофобии, которые в настоящее время процветают на зрительских трибунах. Общественное мнение способствует принятию такого решения, тем более есть и международные обязательства нашего государства по принятию комплекса правовых, организационных и иных мер по регулированию поведения зрителей во время проведения спортивных мероприятий.

В этом аспекте ключевую роль призвана играть принятая Советом Европы в 1985 году Европейская Конвенция о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий и, в частности, футбольных матчей (далее – Конвенция). Наша страна ратифицировала данную Конвенцию в 1990 году, тем самым взяв на себя обязательства принимать самые решительные меры по предупреждению насилия и иного девиантного поведения болельщиков.

Важность Конвенции заключается в том, что она, во-первых, установила и закрепила различные меры, применяемые в большинстве стран Европы, а, во-вторых, на её основе были созданы условия для международного сотрудничества по этим вопросам в форме Постоянного комитета, которому поручено осуществлять мониторинг выполнения Конвенции со стороны стран-участниц [3].

Целью Конвенции является недопущение насилия и борьба с ним и хулиганским поведением зрителей во время футбольных матчей (статья 1), а также координация политики и действий, применяемых министерствами и другими государственными органами по этим негативным явлениям в спорте через создание, при необходимости, органов по координации (статья 2). Исходя из этого, Конвенция предусматривает два направления действий: а) стороны обязуются предпринять все необходимые шаги по применению Конвенции в рамках своих соответствующих конституционных норм; б) стороны будут применять данные положения к другим видам спорта или спортивных мероприятий, в отношении которых существует опасность, что они могут вызвать насилие или хулиганское поведение со стороны зрителей, с учетом конкретных требований таких видов спорта и спортивных соревнований.

Стороны обязуются обеспечить мобилизацию в достаточном объеме служб поддержания порядка для противодействия актам насилия и хулиганским действиям как на стадионах, так и в непосредственной близости от них, а также вдоль путей следования зрителей. Также Стороны обязаны применять или в случае необходимости принять законодательство, предусматривающее наказания или соответствующие принудительные меры для лиц, признанных виновными в совершении правонарушений, связанных с насилием или хулиганскими действиями зрителей. Необходимо добиваться того, чтобы проектирование и планировка стадионов гарантировали безопасность зрителей, не способствовали насилию среди них, позволяли обеспечивать эффективный контроль за толпой, включали установок соответствующих ограждений или перекрытий и позволяли обеспечить вмешательство служб безопасности и сил порядка. Должен быть обеспечен контроль, чтобы не допустить пронос зрителями на стадионы предметов, которые можно использовать для актов насилия, а также пиротехнических средств или других подобных предметов.

Нами представлен далеко не полный перечень мер, которые обязаны применять

государства-участники Конвенции, с целью регулирования поведения зрителей во время спортивных мероприятий. По нашему мнению, если бы все эти меры в должной степени применялись в нашей стране, то проблема негативного поведения зрителей не стояла бы так остро, как это происходит сейчас. Хотя также нельзя не отметить, что в последнее время наметился определенный прогресс в указанной проблематике, чему в немалой степени способствовало проведение Сочинской Олимпиады. Перед проведением Игр вступили в силу новые Правила поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований. Они заменили ранее действовавшие Правила, которые были, по нашему мнению, излишне «мягкими» и непоследовательными. Новые правила установили административную ответственность за определенное противоправное поведение зрителей. Так, в частности, зрителям на объектах спорта запрещается:

- нахождение в состоянии алкогольного, токсического или наркотического опьянения;
- курение табака за пределами мест, специально отведенных для курения;
- осуществление любых действий, создающих угрозу безопасности, жизни, здоровью себе и иным лицам, находящимся на объекте спорта или на прилегающей к нему территории;
- бросание предметов в направлении других зрителей, участников официальных спортивных соревнований и иных лиц, находящихся на объекте спорта, спортивной арены или территории, к ней прилегающей, трибуны;
- оскорбление других лиц (в том числе с использованием баннеров, плакатов, транспарантов и иных средств наглядной агитации оскорбительного характера) и совершение иных действий, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию либо направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе;
- использование элементов одежды, иных предметов или методов с целью закрытия лица, кроме случаев, обусловленных погодными условиями;
- нарушение общественной морали и норм поведения путем обнажения частей тела;
- нанесение надписей и рисунков на конструкциях, строениях, сооружениях, расположенных на территории объекта спорта,

а также размещение возле них посторонних предметов без соответствующего разрешения организаторов официального спортивного соревнования либо собственников (пользователей) объекта спорта. Запрещается также пронос на территорию объекта спорта и использование на нем:

- оружия любого типа, в том числе самообороны, и боеприпасов; колющих или режущих предметов; других предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия; взрывчатых, ядовитых, отравляющих и едко пахнущих веществ; радиоактивных материалов;
- огнеопасных и пиротехнических веществ или изделий (за исключением спичек, карманных зажигалок, сигарет), включая сигнальные ракеты, фейеры, петарды, газовые баллоны и предметы (химические материалы), которые могут быть использованы для изготовления пиротехнических изделий или дымов;
- иных веществ, предметов, изделий, в том числе самодельного изготовления, использование которых может привести к задымлению, воспламенению и иным негативным последствиям;
- устройств и изделий, в том числе самодельного изготовления, не являющихся пиротехникой, применяющиеся для разбрасывания, распыления различных материалов и веществ (пневмохлопушки и т. п.);
- духовых приспособлений для извлечения звуков (вувузелы, горны, газовые приспособления и т. п.);
- алкогольных напитков любого рода, наркотических и токсических веществ или стимуляторов;
- пропагандистских материалов экстремистского характера или содержащих нацистскую атрибутику или символику либо атрибутику или символику экстремистских организаций, а равно атрибутику или символику, сходную до степени смешения;
- технических средств, способных помешать проведению официального спортивного соревнования или его участникам (лазерные устройства, фонари и т. п.), радиостанций, средств звукоусиления и т. д.

С 20 января 2014 года вступили в силу также новые положения КоАП РФ в части ответственности зрителей и организаторов официальных спортивных соревнований за нарушение установленных правил. Так, согласно ч. 1 ст. 20.31 КоАП РФ нарушение правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований влечет наложение административного штрафа в размере от трех тысяч до десяти

тысяч рублей или обязательные работы на срок до ста шестидесяти часов с наложением административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения на срок от шести месяцев до трех лет либо без такового.

Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.31 КоАП РФ, или совершение указанного правонарушения, повлекшее за собой приостановление либо прекращение официального спортивного соревнования, – влечет наложение административного штрафа в размере от десяти тысяч до пятнадцати тысяч рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток с наложением административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения на срок от шести месяцев до семи лет либо без такового.

Говорить о единообразном применении (понимании) правил ст. 20.31 не представляется возможным в связи с отсутствием правоприменительной практики и «пересекающихся» с ней некоторых составов правонарушений [4].

КоАП РФ дополнен ст. 3.14 – новым видом наказания – «административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения», который заключается во временном запрете гражданину на посещение таких мест в дни проведения официальных спортивных соревнований и устанавливается за нарушение правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований. Эта мера наказания назначается судьей на срок от шести месяцев до семи лет.

Организаторы официальных спортивных соревнований в целях обеспечения общественного порядка и общественной безопасности и соблюдения административных запретов на посещение мест проведения таких соревнований в дни их проведения в срок до тридцати календарных дней до дня начала проведения таких соревнований уведомляют соответствующий территориальный орган МВД России о месте, дате и сроке проведения таких соревнований и незамедлительно сообщают об изменении указанной информации.

Ведение списка лиц, которым запрещено посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения, осуществляется МВД России. Информация о лицах, содержащихся в указанном списке, представляется в федеральный орган исполнительной власти в области физической культуры и спорта в порядке, установленном

законодательством Российской Федерации. Федеральный орган исполнительной власти в области физической культуры и спорта по запросам организаторов официальных спортивных соревнований на безвозмездной основе обеспечивает предоставление им списка лиц, которым запрещено посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения, или доступ к указанному списку.

Лицам, в отношении которых вступило в законную силу решение суда об административном запрете на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения, стоимость входных билетов на такие соревнования или документов, их заменяющих, не возвращается.

Постановление об административном запрете на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения должно быть исполнено лицом, привлеченным к административной ответственности (ч. 1 ст. 32.14 КоАП РФ). Нарушение административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения влечет наложение административного штрафа в размере от двадцати тысяч до двадцати пяти тысяч рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток (ч. 5 ст. 20.25 КоАП РФ).

Полагаем, что для недопущения лиц на соревнования, в отношении которых установлен рассматриваемый административный запрет, необходима «сплошная» проверка документов для всех зрителей спортивных соревнований, что является нарушением норм Конституции России. Превентивной формой реализации данной меры может выступать запрет на продажу входных билетов лицам, в отношении которых вступило в законную силу соответствующее решение суда. Необходимо также улучшить уровень видеофиксации правонарушителей на стадионах, на что прямо указывает Конвенция.

Следует отметить, что указанные административные меры приняты во исполнение целого ряда положений Конвенции в целях содействия снижению уровня правонарушений, совершаемых зрителями во время проведения спортивных мероприятий в нашей стране. Правоприменительная практика в этой сфере должна в ближайшее время показать эффективность принятых норм.

Необходимо также в развитие соответствующих положений Конвенции принимать более активные действия в сфере образования, воспитания, социальной политики и пропаганды достойного поведения зрителей,

поскольку одними запретами и карательными мерами невозможно решить обозначенную проблему.

1. Магденко, А. Д. Правосознание сотрудников ОВД Российской Федерации в контексте международных стандартов правоохранительной деятельности (теоретический и практический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2004. – 32 с.

2. Драничникова, Н. В. Проблемы развития спортивного права в России / Н. В. Драничникова, С. А. Захарова, А. Б. Сергеев // Социум и власть. – Челябинск, 2012. – № 5(37). – С. 91–95.

3. Жуляев, В. В. Совет Европы и международное сотрудничество по борьбе с насилием в спорте // Актуальные проблемы спортивных правоотношений: законодательное регулирование, перспективы развития – материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Челябинск: Уральская Академия, 2012. – С.53–63.

4. Лещина, Э. Л. Административная ответственность зрителей за нарушение общественного порядка и общественной безопасности во время проведения спортивных мероприятий / Э. Л. Лещина, А. Д. Магденко // Актуальные проблемы правового регулирования спортивных правоотношений в контексте развития норм конституционного, гражданского, уголовного и иных отраслей российского и международного законодательства – материалы V Международной научно-практической конференции 18 декабря 2013 г. – Челябинск: Уральская Академия, 2013. – С.136–141.

References

1. Magdenko A.D. Pravosoznanie sotrudnikov OVD Rossijskoj Federacii v kontekste mezhdunarodnyh standartov pravooxranitel'noj dejatel'nosti (teoreticheskij i prakticheskij aspekt) [Awareness of the employees of the MIA of the Russian Federation in the context of international standards of law enforcement (theoretical and practical aspect)]: autoref. dis. ... Cand. Sciences (Jurisprudence). N. Novgorod, 2004. 32 p.

2. Dranichnikova N.C., Zakharov S.A., Sergeev A.B. Problemy razvitiya sportivnogo prava v Rossii [Problems of development of sports law in Russia] // Socium and Power. Chelyabinsk, 2012. № 5(37). PP. 9–95.

3. Gulyaev, V.V. Sovet Evropy i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo po bor'be s nasiliem v sporte [Council of Europe and international cooperation in the fight against violence in sports] // Aktual'nye problemy sportivnyh pravootnoshenij: zakonodatel'noe regulirovanie, perspektivy razvitiya – materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Chelyabinsk: Ural Academy, 2012. PP. 53–63.

4. Leshchina E.L., Magdenko A.D. Administrativnaja otvetstvennost' zritelej za narushenie obshhestvennogo porjadka i obshhestvennoj bezopasnosti vo vremja provedeniya sportivnyh meroprijatij [Administrative responsibility of the audience for violation of public order and public safety during carrying out of sports actions] // Aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya sportivnyh pravootnoshenij v kontekste razvitiya norm konstitucionnogo, grazhdanskogo, ugovol'nogo i inyh otraslej rossijskogo i mezhdunarodnogo zakonodatel'stva – materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 18 dekabrja 2013 g. Cheljabinsk: Ural'skaja Akademija, 2013. S. 136–141.

UDC [341.2] 796:34

INTERNATIONAL LAW AS THE FACTOR OF LEGAL REGULATION OF SPECTATORS AT SPORTING EVENTS

Magdenko Aleksandr Dmitriyevich,

Urals State University
of Physical Culture,
the Head
of the Department Chair
of Civil Right
and Civil Procedures,
Cand. Sc. (Jurisprudence),
Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: dozent0760@mail.ru.

Zakharova Svetlana Aleksandrovna,

Urals State University
of Physical Culture,
the Head
of the Department Chair
of Law and Constitutional Right,
the Member of Committee on Sports Law of
Juridical Association of Russia,
Cand. Sc. (Jurisprudence),
Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: sveta191173@mail.ru.

Annotation

The authors describe the analysis of interaction of international and inner-state regulatory sources regulating spectators at sporting events.

Key concepts:

international law,
inner-state law,
legal regulation,
spectators behavior,
sports events.

УДК 332

ВАЛОВОЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПРОДУКТ КАК ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: СПЕЦИФИКА И ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Гордеев Сергей Сергеевич,

Челябинский государственный университет,
ведущий научный сотрудник,
руководитель Научно-образовательного центра
Института экономики Уральского отделения
РАН и ЧелГУ,
кандидат экономических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: sgordeev222@mail.ru

Зырянов Сергей Григорьевич,

Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ,
Челябинский филиал,
директор,
доктор политических наук, профессор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Иванов Олег Петрович,

Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ,
Челябинский филиал,
зам. директора по развитию,
кандидат технических наук, доцент,
ст. научный сотрудник,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: oliva77@yandex.ru

Кочеров Андрей Валерьевич,

Челябинский государственный университет,
начальник научно-исследовательского сектора,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: kocherov.andrey@gmail.com

Аннотация

Рассматриваются вопросы совершенствования анализа динамики величины и структурных изменений валового регионального продукта индустриально развитых территорий. Представлены возможности специализированного информационно-адаптированного методического подхода для анализа ВРП. Приведены результаты анализа для двух индустриальных регионов Уральского федерального округа.

Ключевые понятия:

валовой региональный продукт, структура, динамика роста, стратегия, анализ, метод, тренд, оценка, Челябинская область, Свердловская область.

В предыдущем номере журнала «Социум и власть» опубликована первая часть этой статьи, в которой рассматривалась возможность управления социально-экономическим развитием региона с одновременным использованием двух рычагов: величины ВРП и структуры ВРП. В анализе структуры ВРП двух соседних промышленных регионов – Челябинской и Свердловской областей, показано, что спецификой экономик этих регионов является преобладание доли обрабатывающих производств. Эта особенность была заложена еще в дорыночный период политической социально-экономического развития страны как некоторого единого, целостного и пространственно-распределенного, четко взаимодействующего экономического механизма.

Сегодня эти обстоятельства трансформировались в проблемы, угрожающие потерей устойчивости рассматриваемых региональных экономик. Прежде всего, это касается экономики Челябинской области

Различия региональных и национальных трендов по видам экономической деятельности

Если в целом различия региональных и национальных трендов по видам экономической деятельности не столь существенны, то по отдельным видам деятельности это различие велико и является предметом осмысления причин и возможных последствий этих тенденций.

Отличие трендов экономического развития Свердловской и Челябинской областей от общероссийских трендов (рис.1) хорошо видно в динамике прироста доли ВРП по видам деятельности к 2011 году в процентах от уровня 2005 года. Ряд показателей роста, как видно, заметно выходит за границы национальных трендов (выделенных на рисунке 1 для групп отраслей).

Наиболее значимым является рост отдельных видов деятельности в группе отраслей производства. Двукратное наращивание доли добычи полезных ископаемых в Челябинской области принципиально не меняет ее роль из-за непропорционально низкой базы прежних лет. Структурные изменения Свердловской области более перспективны и связаны с увеличением

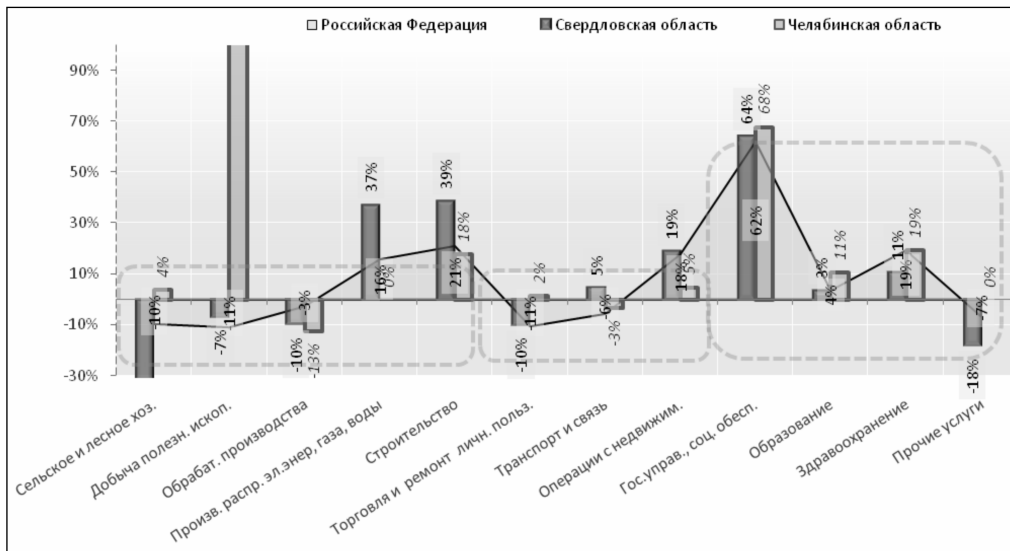

Рис. 1. Изменение доли ВРП по видам экономической деятельности (прирост доли в 2011 году в процентах от уровня 2005 года) и границы изменения национальных трендов

доли отраслей производственной инфраструктуры (производства и распределения электроэнергии, газа и воды) и строительства. Это, безусловно, отражает лучшие возможности экономического развития для Свердловской области.

Другие перемены, в том числе существенное увеличение доли государственного управления и социального обеспечения, не выделяются среди национальных трендов.

В целом сложившаяся динамика структурных изменений ВРП Челябинской и Свердловской областей и ВВП Российской Федерации в большей степени говорит о позитивных изменениях общенациональных трендов. Говорить же о значимых переменах в региональной экономике пока оснований нет. Необходимые структурные перемены в региональной экономике при наблюдаемых сегодня темпах изменений потребуют десятилетий. Для Челябинской области (с темпами роста ВРП ниже средних по России) сохранение подобной структуры и вялотекущей динамики структурных изменений бесперспективно. Ограниченные возможности развития региона для существующей далеко не оптимальной структуры ВРП очевидны.

Очевидно, устранение этих диспропорций должно стать главной целью стратегии развития Челябинской области. Диверсификация региональной экономики потре-

бует больших финансовых ресурсов – как внешних инвестиций, так и имеющих внутрирегиональное происхождение. Единственной отраслью области, принципиально способной взять на себя функции драйвера региональной диверсификации, является металлургия. Но эта отрасль сегодня сама имеет во многом устаревшие основные фонды. Их следует обновлять, этого требует растущая рыночная конкуренция. Сможет ли металлургия в этой ситуации стать локомотивом диверсификационных изменений экономики? К тому же в этой отрасли очень велико влияние внешнеэкономической конъюнктуры, а она далеко не всегда благоприятна. Однако все эти обстоятельства не снимают с повестки дня задачу оптимизации структуры экономики Челябинской области.

Направления роста различий структуры ВРП регионов

Под влиянием общих национальных трендов различия в структуре ВРП по большинству видов экономической деятельности схожих регионов постепенно должны сглаживаться. Нарастание же различий в структуре ВРП говорит о наличии принципиальных «узких мест» в региональной экономике и существовании повышенных

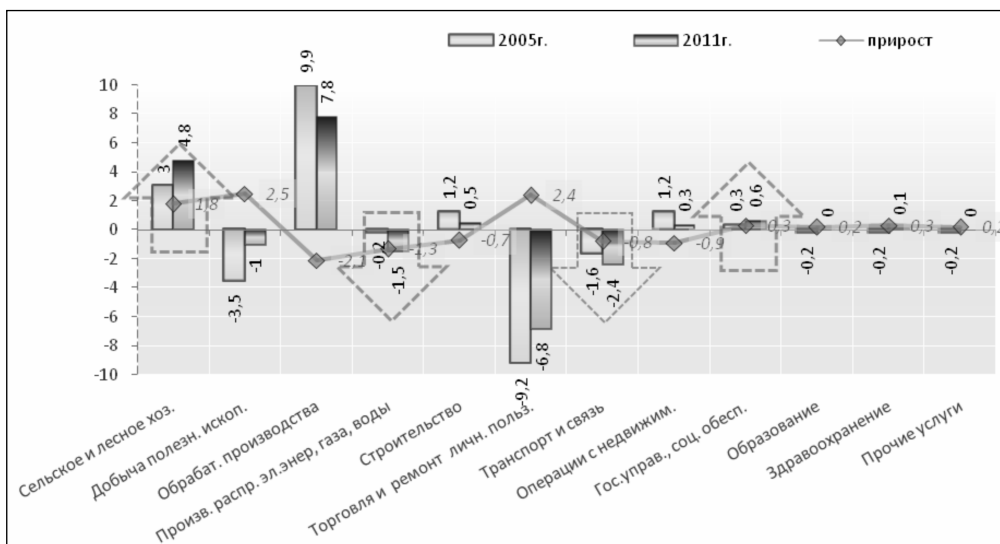

Рис. 2. Различия в доле ВРП (разность между показателями Челябинской и Свердловской областями) и направления нарастания различий в структуре ВРП

рисков появления экономической неустойчивости, особенно в периоды макроэкономических кризисов. Все это наблюдалось в 2008 году и в последующие годы. Например, Челябинская область только в 2013 году вышла на докризисный уровень экономического развития.

Разница в доле структур ВРП для Челябинской и Свердловской областей по большинству видов деятельности постепенно уменьшается (рис. 2). Однако в некоторых случаях ситуация иная. В сравнении с более успешно развивающейся Свердловской областью особое внимание следует обратить на дальнейшее уменьшение в ВРП Челябинской области удельного веса производственной инфраструктуры (производства и распределения электроэнергии, газа и воды), транспорта и связи. По этим видам экономической деятельности разница не в пользу Челябинской области, и она нарастает – изменения за рассматриваемый период также отрицательны.

Сегодня в экономике Челябинской области доля инфраструктурных отраслей ниже среднероссийских. Опасность этой тенденции проявляется в возможности появления негативного синергетического эффекта, когда наличие «узких мест» в одной группе отраслей снижает потенциал и возможности развития других групп отраслей. При этом возможно появление также

негативной положительной обратной связи в механизме взаимодействия отраслей региона, когда проблемы в одной из них порождают проблемы в других. Следствием развития таких процессов может быть системный кризис экономики и, как следствие, социальной сферы региона в целом.

Успешное развитие отдельных отраслей, например, наблюдаемое в Челябинской области увеличение удельного веса сельского хозяйства, государственного управления и социального обеспечения, в отдельности не сможет изменить негативно развивающиеся тенденции системной дисгармонии и потери экономической устойчивости региона.

Проведенный анализ показал, что, несмотря на близкие стартовые условия, динамика социально-экономического развития рассмотренных регионов за последнее десятилетие сильно различается. Отмеченные нарастающие различия в структуре ВРП увеличивают неоднородность и дисгармонию экономического развития Челябинской области, отражают нарастающие риски развития существующих проблем и появления новых «узких мест». Изменения в Свердловской области значительно лучше соответствуют требованиям комплексного развития экономики региона.

Несбалансированность, непропорциональность развития отдельных групп

отраслей, неизбежно создает риски снижения темпов роста экономики Челябинской области, ее дальнейшее отставание от общероссийских трендов. Устранение подобных диспропорций в структуре, а также отставания в темпах роста ВРП является обязательным условием устойчивого и эффективного регионального развития и предполагает соответствующее изменение приоритетов социально-экономической политики. Результаты подобного анализа являются отправной точкой для корректировки и уточнения программных документов, определяющих основные стратегические сценарии развития экономики и социума региона.

1. Глухова, М.В. Валовой региональный продукт и практика его расчета в России. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cisstat.com/meet-sna2004/glukhova.htm> (дата обращения 15.10.2014).

2. Гранберг, А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУВШЭ, 2004. 495 с.

3. Министерство финансов Российской Федерации. Информационно-аналитический раздел [Электронный ресурс]. URL: <http://info.minfin.ru/passportr.php?type=71> (дата обращения 12.10.2014).

4. Гордеев, С.С. Поиск социо-эколого экономических решений в информационной среде // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. Вып. 40. № 8 (299), 2013. С. 47–52.

References

1. Glukhova, M.V. Valovoy regional'nyy produkt i praktika yego rascheta v Rossii. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Gross regional product and the practice of its calculation in Russia]. URL: <http://www.cisstat.com/meet-sna2004/glukhova.htm> (accessed: 15.10.2014).

2. Granberg, A.G. Osnovy regional'noy ekonomiki [Bases of regional economy]. M.: GUVSHE, 2004. 495 s.

3. Ministerstvo finansov Rossiyskoy Federatsii. Informatsionno-analiticheskiy razdel. URL: <http://info.minfin.ru/passportr.php?type=71> (accessed: 12.10.2014).

4. Gordeyev, S.S. Poisk sotsio-ekologo ekonomicheskikh resheniy v informatsionnoy srede [Searching socio-ecological and economical solutions at informational environment] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. Vyp. 40. № 8 (299), 2013. S. 47–52.

UDC 332

GROSS REGIONAL PRODUCT AS THE INTEGRAL COMPONENT OF REGIONAL ECONOMY DEVELOPMENT: SPECIFIC AND PROBLEMS OF USE

Gordeyev Sergey Sergeevich,

Chelyabinsk State University,
Leading Researcher,
Head of Research and Education Center
of the Institute of Economics of Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences and CSU,
Cand. Sciences (Economics),
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: sgordeev222@mail.ru

Zyryanov Sergey Grigoryevich,

Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
Director,
Doctor of Political Science, Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Ivanov Oleg Petrovich,

Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
Candidate of Technical Sciences,
Leading Researcher,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: oliva77@yandex.ru

Kocherov Andrey Valeryevich,

Chelyabinsk State University,
Head of Scientific and Research Sector,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: kocherov.andrey@gmail.com

Annotation

The aspects of development of analysis of value dynamics and structural changes of gross domestic product (GDP) of industrial developed territories are considered in the article. The possibilities of specialized informational and adaptive approach to GDP analysis is described by the authors. Results of GDP analysis of two industrial regions of Ural federal area are presented.

Key concepts:

gross regional product, structure, growth dynamic, strategy, analysis, method, trend, assessment, Chelyabinsk region, Sverdlovsk region.

УДК 334.021; 332.024

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО- ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЙ ОБЗОР

Неживенко Елена Алексеевна,
МОУ ВПО «Южно-Уральский
профессиональный институт»,
заведующий кафедрой финансов
и бухгалтерского учета,
доктор экономических наук, профессор,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: mrcpk@list.ru

Фарафонова Анна Юрьевна,
ООО «ПАУЛЬ ХАРТМАНН»
маркетинг-менеджер,
г. Москва, Россия.

Аннотация

В статье приводится характеристика современного состояния и структуры реализации проектов государственно-частного партнерства в Российской Федерации. Дается сравнительное описание потенциала привлечения частных инвестиций в систему государственно-частного партнерства регионов Российской Федерации.

Ключевые понятия:

государственно-частное партнерство, потенциал привлечения частных инвестиций, институциональная среда предпринимательства, регионы Российской Федерации.

Государственно-частное партнерство, как комплекс видов и способов взаимодействия государственных и бизнес-структур на федеральном, региональном, муниципальном уровне, служит решению социально значимых задач в среднесрочной и долгосрочной перспективе на взаимовыгодной основе.

Актуальность развития государственно-частного партнерства в настоящее время усиливается в связи с тем, что происходящие глобальные изменения в политической и экономической ситуации в России существенно затрудняют осуществление на высоком уровне государственных общественно значимых функций. Такие функции главным образом реализуются сегодня в сфере создания федеральной и региональной транспортной инфраструктуры, развития жилищно-коммунального хозяйства, энергетики. В приоритетные сферы государственно-частного партнерства в России входят также здравоохранение и социальные услуги.

Правовое регулирование государственно-частного партнерства осуществляется в рамках действующего законодательства, в том числе регионального. Так, закон «Об участии Челябинской области в государственно-частном партнерстве» [1] декларирует целевую направленность своего действия на привлечение и эффективное использование государственных, муниципальных и частных ресурсов для развития экономики и социальной сферы региона и повышение качества жизни его населения.

Важнейшими объектами государственно-частного партнерства, используемыми в Челябинской области для удовлетворения общественных потребностей, обеспечение которых возложено на региональные органы власти, выступают:

- транспортная инфраструктура региона (автомобильные дороги, объекты дорожного сервиса, инфраструктура железной дороги, воздушного и водного транспорта),

- система регионального жилищно-коммунального хозяйства, в том числе системы энергоснабжения, водоснабжения и водоотведения, очистки сточных вод, утилизации твердых бытовых отходов,

- жилищное строительство,

- капитальное строительство областного значения,

- информационная и телекоммуникационная инфраструктура региона,
- объекты здравоохранения,
- объекты социального обслуживания, культуры и образования,
- региональные рекреационный, туристический, спортивный комплексы,
- сельскохозяйственное производство,
- инновационные объекты в промышленности региона,
- архивные фонды.

В основе современного государственно-частного партнерства лежит инвестиционное проектирование и совместная реализация инвестиционных проектов публичными и частными партнерами. Совместная деятельность государства и частного бизнеса в субъекте Российской Федерации должна опираться на принципы законности, социально-экономической эффективности использования средств регионального бюджета, равноправия участников партнерства, равной доступности участия в партнерстве для субъектов частного бизнеса, взаимной выгоды сотрудничества в рамках партнерства, прозрачности деятельности его участников.

Государственно-частное партнерство в регионах России в настоящее время проходит этап становления и развития. Вследствие этого уровень распространения практики государственно-частного партнерства еще не столь высок, и находится под влиянием ряда макро- и мезоэкономических факторов.

Развитие государственно-частного партнерства и, соответственно, действенность привлечения инвестиций в партнерские проекты в регионах определяется воздействием следующих ведущих факторов:

- *институциональные*: сформированность нормативно-правовой базы, а также центров ответственности за развитие и функционирование государственно-частных партнерств во властной среде, готовность структурных подразделений органов региональной власти к реализации соответствующих функций управления (прогнозированию и планированию развития государственно-частного партнерства; организации и регулированию деятельности специально созданных комиссий, рабочих групп и пр.; анализу, предшествующему реализации инвести-

ционных проектов и диагностике полученных результатов, и пр.);

- *компетентностные*: наличие опыта реализации проектов государственно-частного партнерства в регионе, определяющего качество их проработки;

- *социально-экономические*, в том числе определяемые привлекательностью региона для внутренних и внешних инвесторов, потенциалом привлечения частных инвестиций к реализации государственно-частных проектов.

Данные факторы были учтены разработчиками рейтинга регионов Российской Федерации при их ранжировании по уровню развития государственно-частного партнерства [3, с.3]. Самым значимым признан фактор развитости институциональной среды в сфере государственно-частного партнерства в регионе. Коэффициент его значимости составляет 0,4. Двум другим факторам присвоен равнозначный вес в 0,3. С учетом экспертных оценок взвешенных показателей развитости институциональной среды в сфере государственно-частного партнерства, опыта реализации проектов государственно-частного партнерства и инвестиционной привлекательности для частных инвесторов российские регионы распределяются по следующим классам потенциала привлечения частных инвестиций в проекты государственно-частного партнерства (рисунок 1).

К классу регионов-лидеров относятся следующие субъекты Российской Федерации (по степени убывания потенциала): Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Новосибирская область, Свердловская область, Нижегородская область, Воронежская область.

Регионы с высоким потенциалом представлены такими регионами, как Ленинградская область, Самарская область, Ярославская область, г. Москва, Краснодарский край, Ханты-Мансийский автономный округ, Липецкая область, Пермская область, Ростовская область, Республика Башкортостан, Кемеровская область, Вологодская область, Астраханская область, Рязанская область, Республика Коми, Калужская область.

В класс регионов со средним потенциалом привлечения частных инвестиций в проекты государственно-частного парт-

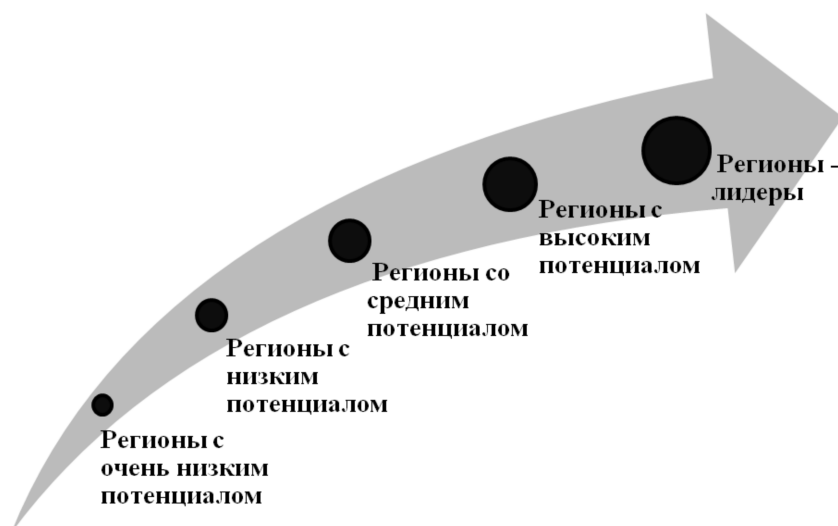

Рисунок 1. Классификация субъектов РФ по потенциалу привлечения частных инвестиций в проекты государственно-частного партнерства

нерства вошли: Оренбургская область, Удмуртская Республика, Кировская область, Иркутская область, Омская область, Курганская область, Тамбовская область, Волгоградская область, Красноярский край, Псковская область, Калининградская область, Московская область, Республика Карелия, Томская область, Сахалинская область, Тульская область.

Регионы с низким потенциалом привлечения частных инвестиций в проекты государственно-частного партнерства представлены такими регионами, как Смоленская область, Костромская область, Архангельская область, Белгородская область, Мурманская область, Ивановская область, Тверская область, Республика Тыва, Республика Адыгея, Амурская область, Брянская область, **Челябинская область**, Алтайский край, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Пензенская область, Магаданская область, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Новгородская область, Орловская область, Чувашская Республика.

К регионам с очень низким потенциалом привлечения частных инвестиций в проекты государственно-частного партнерства относятся: Забайкальский край, Ставропольский край, Камчатский край, Ямало-Ненецкий автономный округ, Владимирская область, Республика Ингушетия, Ненецкий автономный округ, Республика

Алтай, Республика Бурятия, Курская область, Саратовская область, Ульяновская область, Хабаровский край, Республика Саха (Якутия), Тюменская область, Приморский край, Республика Хакасия, Республика Калмыкия, Еврейская автономная область, Республика Дагестан, Чеченская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Чукотский автономный округ.

Отметим, что Челябинская область вошла в класс регионов с низким потенциалом привлечения частных инвестиций в проекты государственно-частного партнерства. В этой группе из 22 регионов Челябинская область занимает 12-ю позицию. В общем рейтинге регионов области принадлежит 50-е место. Среди субъектов Уральского федерального округа Челябинская область уступает по уровню потенциала привлечения частных инвестиций в проекты государственно-частного партнерства Свердловской области, вошедшей в класс регионов-лидеров (4-е место в общем рейтинге регионов России и 4-е место в своем классе), Ханты-Мансийскому автономному округу (6-я позиция в классе с высоким потенциалом и 12-е место в общем рейтинге регионов) и Курганской области, вошедшей в класс регионов со средним потенциалом привлечения частных инвестиций в проекты государственно-частного партнерства (6-е место в своем классе и 28-е – в общем рейтинге). В то же время Челябинская область заняла более высокую

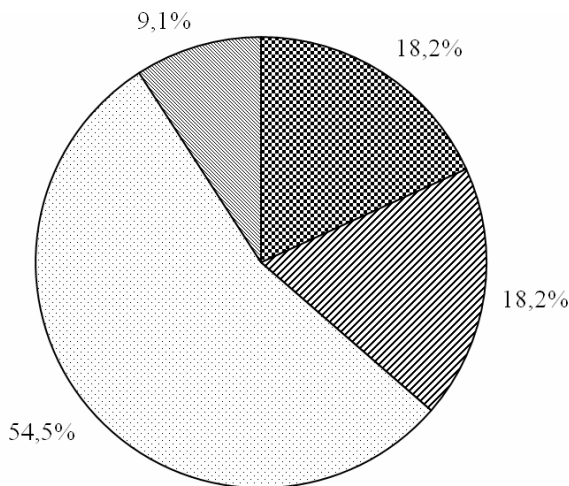
рейтинговую позицию относительно таких субъектов РФ, входящих в Уральский федеральный округ, как Ямало-Ненецкий автономный округ (4-я позиция в классе регионов с очень низким потенциалом привлечения частных инвестиций в проекты государственно-частного партнерства и 64-е место в общем рейтинге регионов) и Тюменская область (15-я позиция в классе регионов с очень низким потенциалом привлечения частных инвестиций в проекты государственно-частного партнерства и 75-е место в общем рейтинге регионов).

Общей характеристикой регионов с низким потенциалом привлечения частных инвестиций в проекты государственно-частного партнерства, к классу которых относится Челябинская область, является низкий уровень развития нормативно-правовой базы и невысокая инвестиционная привлекательность. Кроме того, эти регионы не приобрели к настоящему времени значительного опыта практической реализации проектов государственно-частного партнерства. Следует отметить, что Челябинская область в 2014 г. ухудшила свои позиции в рейтинге регионов России по потенциалу привлечения частных инвестиций в проекты государственно-частно-

го партнерства по сравнению с 2013 г.[4]. Область сместилась с 46-го на 50-е место. Свердловская область, напротив, улучшила свои позиции, переместившись с 12-го места в 2013 г. на 4-е в 2014 г., так же как и Курганская область, уступавшая Челябинской области в 2013 г. 7 позиций и резко улучшившая свои показатели в 2014 г. В 2014 г. Курганская область поднялась на 25 позиций – с 53-го на 28-е место в общем рейтинге регионов России.

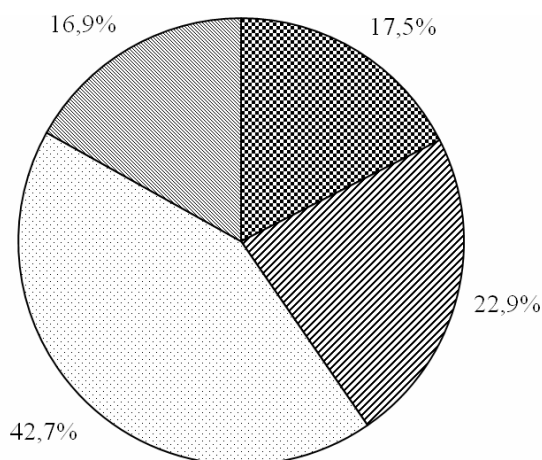
В настоящее время структура реализуемых в Уральском федеральном округе проектов государственно-частного партнерства в разрезе сфер их разработки и реализации такова: наибольшая доля приходится на социальную сферу (54,5%), по 18,2% приходится на коммунальную и транспортную сферы и на энергетическую – 9,1% (рис. 2). В целом по регионам Российской Федерации структура проектов государственно-частного партнерства имеет следующие характеристики: 17,5% – коммунальная, 42,7% – социальная, 22,9% – транспортная и 16,9% – энергетическая сферы (рис. 3).

На Уральский федеральный округ приходится 8,39% всех проектов государственно-частного партнерства, реализуемых в Российской Федерации. В том числе 8,69% от общего числа российских коммунальных

☒ коммунальная ☒ транспортная ☐ социальная ☒ энергетическая

Рисунок 2. Структура реализуемых в 2014 г. проектов государственно-частного партнерства в разрезе сфер их разработки и реализации в Уральском федеральном округе

☒ коммунальная ☑ транспортная □ социальная ☑ энергетическая

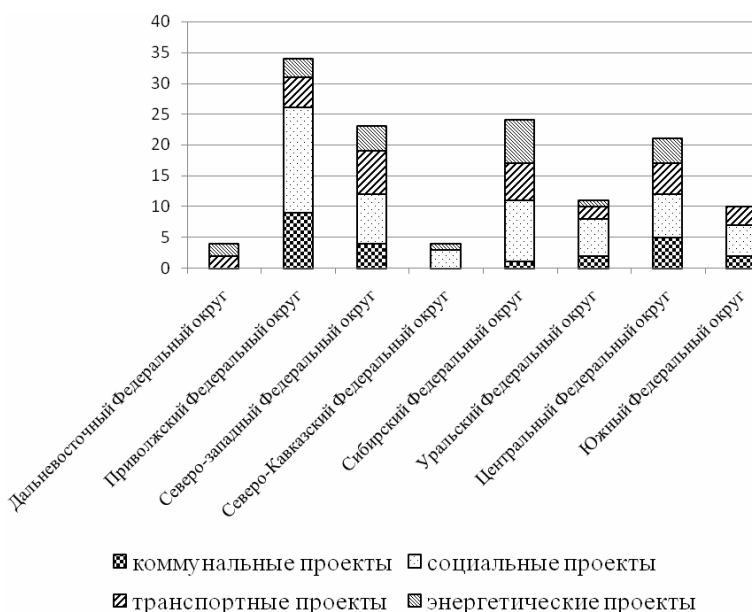
Рисунок 3. Структура реализуемых в 2014 г. проектов в разрезе сфер их разработки и реализации в Российской Федерации

проектов, 10,7% – социальных проектов, 6,66% – транспортных и 4,54% – энергетических проектов.

По количеству реализуемых проектов Уральский федеральный округ находится

на 5-м месте среди федеральных округов Российской Федерации (рис.4).

По данным Центра развития государственно-частного партнерства [3, с. 9], в настоящее время 57% государственно-частных

☒ коммунальные проекты □ социальные проекты
 ☑ транспортные проекты ☑ энергетические проекты

Рисунок 4. Структура реализуемых в 2014 г. проектов в разрезе сфер их разработки и реализации в федеральных округах Российской Федерации

проектов в Российской Федерации в действительности реализуются, 24% находятся на стадии разработки, 9% уже реализованы и находятся в управлении, 8% находятся на стадии прохождения конкурса и 2% приостановлены. При этом основной формой реализации проектов является концессия (53%).

Суммарная стоимость проектов на всех стадиях реализации составляет в Российской Федерации 1,044 трлн руб. [3, с. 11]. Из них 87,44% – это привлеченные частные инвестиции. На стадии реализации и управления находится 90 государственно-частных проектов. Из них 6 проектов функционируют в Уральском федеральном округе. К их реализации привлечено 46 770 159 тыс. руб. частных инвестиций.

Дальнейшее развитие государственно-частного партнерства требует совершенствования как нормативной базы, так и накопления и осмысления опыта применения различных форм реализации проектов, а также решения задач повышения инвестиционной привлекательности регионов России.

1. Постановление Законодательного Собрания Челябинской области от 24.09.2009 N 1956 «О Законе Челябинской области «Об участии Челябинской области в государственно-частном партнерстве» (в ред. Закона Челябинской области от 23.06.2011 №157-30). – режим доступа: <http://bazazakonov.ru/doc/?ID=3273601>.

2. Практика применения концессионных соглашений для развития региональной инфраструктуры в Российской Федерации. – М.: Центр развития государственно-частного партнерства, 2014. – 52 с.

3. Рейтинг регионов ГЧП-2014. Развитие государственно-частного партнерства в субъектах Российской Федерации. – М.: Центр развития государственно-частного партнерства. 2014. – 19 с.

4. Рейтинг регионов/ Государственно-частное партнерство. – 2013. № 1. С. 4–5.

References

1. Postanovlenie Zakonodatel'nogo SobraniyaCheljabinskoy oblasti ot 24.09.2009 N 1956 «O Zakone Cheljabinskoy oblasti «Ob uchastii Cheljabinskoy oblasti v gosudarstvenno-chastnom partnerstve»(v red. Zakona Cheljabinskoy oblasti ot 23.06.2011№157-ZO). URL: <http://bazazakonov.ru/doc/?ID=3273601>.

2. Praktika primeneniya koncessionnyh soglashenij dlja razvitiya regional'noj infrastrukturyv Rossijskoj Federacii. M.: Centr razvitiya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva, 2014. 52 s.

3. Rejting regionov GChP-2014. Razvitie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v subektahRossijskoj Federacii. M.: Centr razvitiya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva. 2014. 19 s.

4. Rejting regionov/ Gosudarstvenno-chastnoepartnerstvo. 2013. № 1. S. 4–5.

UDC 334.021; 332.024

DEVELOPMENT OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION: MODERN REVIEW

Nezhivenko Yelena Alekseyevna,

South Urals Professional Institute, the Head of Department Chair of Finance and Accounting, Dr of Sc. (Economics), Professor, Chelyabinsk, Russia. E-mail: mrcpk@list.ru.

Farafonova Anna Yuryevna,

LLC «Paul Hartmann», Marketing Manager, Moscow, Russia.

Annotation

The article provides a description of the current state and the structure of the implementation of public-private partnership in the Russian Federation. A comparative description of the potential of attracting private investments in public-private partnerships of the Russian Federation regions.

Key concepts:

public-private partnerships, potential of attracting private investments, institutional environment of business, Russian Federation regions.

УДК 332.1:336.0

К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ТЕРРИТОРИИ

Молчанова Маргарита Юрьевна,

Пермский национальный
исследовательский университет,
доцент, кандидат экономических наук,
заведующий кафедрой финансов,
кредита и биржевого дела,
г. Пермь, Россия.
E-mail: fkbd@psu.ru

Аннотация

Существующие теоретические подходы к межбюджетным отношениям не выводят их за рамки финансовых отношений, что позволяет формулировать предложения по улучшению распределения расходных и/или доходных полномочий между различными уровнями власти. Однако когда межбюджетные отношения рассматриваются как производные от сложившихся на текущий момент размеров бюджетных ресурсов, не учитываются цели экономического развития территории и модель политического устройства общества, это приводит к их практической неэффективности. В статье предложены концептуальные основы теории межбюджетных отношений территории, обосновывающие авторскую гипотезу о возможности самостоятельного развития муниципалитетов и роли в данном процессе межбюджетных отношений.

Ключевые понятия:
межбюджетные отношения,
муниципалитеты,
саморазвитие;
устойчивое развитие,
теория хозяйственного порядка.

Рассмотрение межбюджетных отношений не просто как финансовых, а отношений, реализующих цели социально-экономического развития муниципалитетов, делает необходимым обоснование теоретического подхода к возможности самостоятельного развития территорий данного ранга и роли в данном процессе межбюджетных отношений. По мнению автора, для этого применима теория саморазвития.

Основы теории саморазвития территории заложены школой академика А. Татаркина [12, 14, 13, 1, 2, 8, 3, 4]. Под саморазвитием применительно к региону понимают стратегически устойчивую его способность в условиях сложившейся в обществе макросреды обеспечивать расширенное воспроизводство валового регионального продукта за счет собственных доходных источников в интересах реализации как макроэкономических целей и приоритетов, так и внутрирегиональных целевых установок системного характера. Механизм регионального саморазвития заключается в максимальном использовании внутренних источников и факторов развития при наличии развитой макросреды, задающей общий вектор развития через индикативное регулирование, и предполагает концентрацию ресурсов на приоритетных направлениях, выделение «точек роста» и распространение полученного эффекта через горизонтальные связи на весь регион.

На наш взгляд, саморазвитие территориальной общественной системы возможно не только за счет *внутренних*, но и за счет *внешних* ресурсов.

Близким к понятию *саморазвитие* является понятие *самоорганизация*, ибо саморазвитие невозможно без самоорганизации системы, она задает целевой вектор и определяет механизм достижения цели саморазвития. В 1947 г. термин «самоорганизация» ввел в научный оборот У. Эшби [18, с.126]. Г. Хакен – основатель синергетики, определил её как науку о самоорганизации [17]. Самоорганизация – процесс упорядочения (пространственного, временного или пространственно-временного) в открытой системе за счёт согласованного взаимодействия множества элементов, её составляющих [20]. *Внешние условия, как и внутренние, могут стимулировать самоорганизацию системы* [9, 10].

Территория в ранге муниципалитета обладает свойствами открытой системы, через границы которой происходит свободное перемещение товаров, услуг, финансов, населения, информации, она содержит не-

ограниченное число элементов (подсистем), взаимосвязанных и взаимозависимых между собой.

Территориальная общественная система в широком понимании может иметь бесконечно много устойчивых состояний, которые отражают ее адаптацию к изменяющимся внутренним и внешним условиям. В узком понимании состояние устойчивого развития, как достижение высокого уровня и качества жизни при соблюдении условия экономического роста, – одно. Элементы в общественных системах, как бы плохо они ни управлялись, не могут достичь полностью хаотичного порядка, поскольку это идентично разрушению общества. В территориальных системах можно наблюдать интенсивный обмен населением, информацией, финансами и другого рода ресурсами, который определяется инвестиционной привлекательностью территории, уровнем доходов населения, развитием рынка жилья и др. Данный обмен в основном носит хаотичный характер. Иногда присутствует целенаправленная политика по упорядочиванию данных потоков. К элементам такой политики можно, например, отнести требование регистрации, или программы по поддержке репатриантов. Здесь велика роль ресурсов местных бюджетов. Однако сегодня велика доля безвозмездных перечислений вышестоящих бюджетов РФ в местные – более 60%. *Межбюджетные трансферты являются внешним существенным фактором развития муниципалитетов*, поскольку упорядочивают элементы территориальной социально-экономической системы в направлении ее саморазвития. Роль межбюджетных трансфертов состоит *в целевом характере финансовых потоков*. Целевой характер межбюджетных трансфертов должен ориентировать органы управления вышестоящего уровня на преимущественное использование таких их форм, как субвенция и субсидия, а не дотация.

Поскольку межбюджетные отношения могут выступать внешним фактором, упорядочивающим систему, то в качестве управляющих параметров будут выступать система управления внешними финансовыми потоками, в качестве параметра порядка – определенное качественное состояние территориальной системы, которое можно описать минимальным количеством индикаторов. При этом задача исследования будет заключаться в определении характеристик качественного состояния территориальной системы, минимального количества индикаторов, отражающих данное состояние, и

критическое значение управляющего параметра, связанного с поступлением финансовых ресурсов и системой их управления, при котором система спонтанно переходит в новое упорядоченное состояние (к неравновесию). Новое качественное состояние обусловлено согласованным (когерентным) поведением элементов системы, а эффект упорядочения, описываемый параметрами порядка, обнаруживается только на макроэкономическом уровне.

Применительно к межбюджетным отношениям очевидно: во-первых, предлагаемые изменения данного управляющего параметра должны учитывать сложившуюся систему административно-территориального устройства, общие принципы бюджетного федерализма и все то, что закладывает базовую архитектуру финансовых отношений в РФ. Во-вторых, не величина финансовых трансфертов должна быть определяющей для изменения состояния территориальной системы, а их распределение, пространственная и временная организация. В-третьих, для перехода территориальных систем в новое качество требуется не столько эволюционное развитие существующих подходов к межбюджетным отношениям, а, возможно, применение кардинально иных подходов, способных вызвать режим обострения системы.

Саморазвитие осуществляется в соответствии с целью, поставленной субъектом развития, и возможностью правомерного использования им механизмов и инструментов для достижения этой цели (самоорганизации). В контексте теории самоорганизации это принципиально новое качественное состояние территориальной системы – устойчивость.

Понятие «устойчивое развитие» в нашей стране законодательно закреплено указами президента РФ [15, 16] и первоначально использовалось в широком смысле, как развитие, балансирующее экономические, социальные и экологические критерии: «... *стабильное социально-экономическое развитие, не разрушающее своей природной основы*» [15, с.3]. В дальнейшем понятие устойчивого развития определено как стабильное социально-экономическое развитие, не разрушающее своей природной основы и обеспечивающее непрерывный прогресс общества [11]. Критерии устойчивого развития: *улучшение качества жизни людей в пределах хозяйственной емкости биосферы*, не приводящее к разрушению естественного биотического механизма регуляции окружающей среды и ее глобаль-

ным изменениям, гарантирует *сохранение нормальной окружающей среды и возможность существования будущих поколений людей* [15, с. 5].

По нашему мнению, минимальными объектами устойчивого развития (т.е. пространством взаимодействия ресурсных систем) в современных российских условиях являются *минимальные по площади территории, обладающие признаком политической управляемости, находящиеся в рамках границ административно-территориального деления страны*. Такими ячейками, на наш взгляд, являются муниципальные образования. С одной стороны, они являются вмещителем различного рода ресурсных подсистем (природных, производственных, человеческих и др.). С другой – они имеют органы управления, в обязанности которых входит обеспечение комплексного социально-экономического развития территории, занятости населения, охраны окружающей природной среды, формирования местного бюджета и др. Данные функции во многом связаны с воспроизводством различных ресурсных подсистем на территории. Поскольку субъект РФ – территориальная совокупность муниципальных образований, значит, воспроизводственный процесс в регионе (субъекте РФ) – результат воспроизводственного процесса в его городах и районах. *На наш взгляд, об итоговом результате их функционирования следует судить именно по развитию муниципалитетов как конечных получателей бюджетных средств*.

Критерием устойчивого развития, по нашему мнению, является повышение социально-экономической эффективности хозяйствования [5, с.45]. *Устойчивое развитие территории можно определить как процесс изменений в региональной хозяйственной системе в направлении повышения социально-экономической эффективности ее функционирования через обеспечение расширенного воспроизводства всех социально-экономических процессов*. Реализация устойчивого развития осуществляется на основе разработки концепции, стратегии, механизма устойчивого развития территории.

Устойчивое социально-экономическое развитие муниципальных образований возможно при наличии достаточных финансовых ресурсов для его обеспечения. Собственных финансовых ресурсов муниципальным образованиям недостаточно не только для расширенного воспроизводства его социальной и экономической сфер, но и простого развития. В связи с этим меж-

бюджетные отношения приобретают особую роль. Межбюджетные отношения в широком понимании (как совокупность отношений по распределению доходов и расходных обязательств между всеми уровнями бюджетной системы и объемов межбюджетных трансфертов между ними) создают, прежде всего, финансовые условия с точки зрения возможности достижения устойчивого развития. Финансовая самостоятельность муниципалитета должна пониматься не просто как финансовая обеспеченность расходных полномочий муниципалитета за счет преимущественно собственных источников доходов, а, прежде всего, как *достаточность финансовых ресурсов для реализации расходных полномочий муниципалитета по обеспечению своего устойчивого социально-экономического развития*. По нашему мнению, это является *критерием эффективности межбюджетных отношений*.

В настоящее время общий подход к системе межбюджетных отношений в РФ строится на основе перераспределения ограниченного объема средств для выполнения функций и задач, нормативно закрепленных за разными уровнями управления. При этом во многом точкой отсчета, критерием выделения является исходный объем денежных средств. Такой подход можно назвать «ограничительным», поскольку он сосредотачивает муниципальные образования на текущих расходах (без стратегического ориентира на будущее). Эффективность формирования и расходования финансовых потоков между территориями разного уровня – это только эффективность инструментария с позиций использования публичных финансов. Но бюджетные отношения ценны не сами по себе, а в той степени, в которой они позволяют решать различные социальные и экономические задачи для территорий разного уровня. Главной же целью межбюджетных отношений должно стать такое распределение финансовых ресурсов, которое позволяет достигать территориям социально-экономической устойчивости, с одной стороны, а с другой – обеспечивать экономический рост страны в целом. Иначе решение проблемы финансового выравнивания развития территорий должно сопровождаться одновременным развитием экономики как в стране в целом, так и во всех территориях в отдельности. Без данного посыла межбюджетные отношения останутся только техникой распределения средств, оторванной от нужд экономики. Сегодня же действующие нормативные акты, в частности Бюджетный кодекс РФ, не содержат

понятия «бюджетная политика», нет связи бюджетного законодательства с целями развития национального сообщества.

Таким образом, саморазвитие муниципальных образований возможно, и заключается оно в способности муниципалитетов достижения (как за счет внутренних, так и внешних источников) состояния устойчивого развития, характеризуемого расширенным воспроизводством всех социально-экономических процессов. При этом важны механизмы, обеспечивающие саморазвитие муниципалитета, заключающиеся и в способности использовать источники, и в достаточном спектре расходных полномочий.

Межбюджетные отношения могут выступать внешним стимулирующим фактором саморазвития при условии целевого характера (табл. 1), т.е. управляющим параметром, а устойчивое развитие территории – параметром порядка. При этом не величина финансовых трансфертов должна быть определяющей для изменения состояния территориальной системы, а их распределение, пространственная и временная организация.

Важнейшим моментом соблюдения выбранных стратегических приоритетов является организация и разработка определенного порядка в сфере межбюджетных отношений в виде стандартов (рамочных условий, «правил игры»), которые будут соблюдаться всеми и реализовывать данные приоритеты. Проблема, на наш взгляд, находит свое решение в применении теории хозяйственного порядка, разработанной фрайбургской школой*, для которой формирование хозяйственного порядка означает выработку рамочных условий, основных правил хозяйствования и отношений между субъектами в экономике, создание форм и механизмов, благодаря которым эти правила могут соблюдаться [6, 7]. Положения данной теории были использованы в практике межбюджетных отношений в Германии, и старая модель «кооперативного федерализма»** заменена моделью «конкурентного федерализма», формирующей порядок социальной и хозяйственной устойчивости [19].

Положения теории хозяйственного порядка можно использовать для сферы

Таблица 1

Положения теории саморазвития применительно к межбюджетным отношениям (МБО) в регионе

Общие положения теории саморазвития	Положения теории саморазвития применительно к МБО в регионе
Саморазвитие как самоорганизация – процесс упорядочения элементов одного уровня в системе за счёт внутренних факторов, при этом изменение внешних условий может также быть стимулирующим воздействием, результатом чего является появление единицы следующего качественного уровня	МБО являются <i>внешним фактором</i> , стимулирующим процесс саморазвития через самоорганизацию территориальной социально-экономической системы, результатом чего является переход ее к новому качественному уровню. Их доля в общих доходах местных бюджетов составляет более 61%.
Саморазвитие как самоорганизация заключается в процессе упорядочения элементов одного уровня в системе, изначально характеризуемой интенсивным хаотичным обменом энергией/веществом с окружающей средой	Применительно к территориальным системам можно наблюдать интенсивный обмен населением, информацией, финансами и другого рода ресурсами с окружающей средой, на величину которого в основном влияют инвестиционная привлекательность и уровень доходов населения территории по сравнению с другими муниципалитетами. Тогда роль межбюджетных трансфертов в упорядочении элементов территориальной социально-экономической системы <i>состоит в целевом характере финансовых потоков (в форме субсидий и субвенций, а не дотаций) в их связи с доходами населения и повышения инвестиционной привлекательности территории.</i>

*Ф. Бём, Ф. А. Лутц, Й. Микш, А. Мюллер-Армак, В. Ойкен, В. Рёпке, А. Рюстов, К. П. Хензель и др.

**Его можно определить как «согласованный федерализм» – по аналогии с «согласованной (контрактной) акцией» – системой согласования распределения совокупного дохода между правительством, профсоюзами и союзами предпринимателей в конце 60-х – начале 70-х годов.

Общие положения теории саморазвития	Положения теории саморазвития применительно к МБО в регионе
<p>С позиций синергетического подхода характеристики процесса упорядочения выглядят следующим образом:</p> <ul style="list-style-type: none"> • интенсивный обмен энергией/веществом с окружающей средой, причём совершенно хаотически (не вызывая упорядочения в системе); • макроскопическое поведение системы описывается несколькими величинами – параметром порядка и управляющими параметрами (исчезает информационная перегруженность системы); • имеется некоторое критическое значение управляющего параметра, (связанное с поступлением энергии/вещества), при котором система спонтанно переходит в новое упорядоченное состояние (переход к сильно-му неравновесию); • новое состояние обусловлено согласованным (когерентным) поведением элементов системы, эффект упорядочения обнаруживается только на макроскопическом уровне 	<p>Поскольку МБО могут выступать внешним фактором, упорядочивающим систему, то <i>в качестве управляющих параметров будут выступать системы управления внешними финансовыми бюджетными потоками (система МБО), в качестве параметра порядка – определенное качественное состояние территориальной системы, которое можно описать минимальным количеством индикаторов.</i></p> <p>Имеется некоторое критическое состояние системы управления МБО, при котором территориальная система спонтанно переходит в новое качественное состояние.</p> <p>Согласно новому пониманию механизмов самоорганизации и эволюции сложных систем:</p> <ul style="list-style-type: none"> – предлагаемые изменения данного управляющего параметра должны учитывать сложившуюся систему административно-территориального устройства, общие принципы бюджетного федерализма и все то, что составляет базовую архитектуру финансовых отношений в Российской Федерации; – не величина финансовых трансфертов должна быть определяющей для изменения состояния территориальной системы, <i>а их распределение, пространственная и временная организация;</i> – для перехода территориальных систем в новое качество требуется не столько эволюционное развитие существующих подходов к МБО, сколько применение кардинально иных подходов, способных вызвать режим обострения системы.

межбюджетных отношений и в Российской Федерации, ибо она:

1) достаточно политизирована и, в соответствии с положениями данной теории, должна исходить из заранее заданных целевых установок и складывающихся при этом экономических и социальных форм осуществления;

2) связана с многочисленными финансовыми потоками, где важно формирование единых рамочных условий – установление основных правил хозяйствования и отношений между субъектами, создание форм и механизмов, благодаря которым эти правила могут соблюдаться;

3) должна формировать социальную справедливость;

4) является тем научным, экономическим и политическим полигоном, где воз-

можна реализация основного достоинства теории хозяйственного порядка о совмещении конкуренции с принципами социальной справедливости и формированием благоприятного предпринимательского климата.

Опираясь на положения теории хозяйственного порядка, мы выделяем *политику порядка и политику регулирования.*

Политика порядка включает определение концептуальных основ и, исходя из них, приоритетов межбюджетных отношений. На наш взгляд, к таковым относится создание равных финансовых условий для всех территорий, позволяющих достигать устойчивого их развития. В этом случае гармонично сочетается принцип выравнивания с сохранением территориальной конкуренции за человеческие ресурсы

и инвестиции. Концептуальной основой межбюджетного выравнивания является теория устойчивого социально-экономического развития территории.

Политика регулирования состоит в подходе к межбюджетным отношениям как системе управления (со своими целями, задачами, объектами и субъектами) и выработке рамочных условий – стандартов, позволяющих эффективно достигать выбранные стратегические приоритеты. К ним относятся:

- стандарты в определении финансовой нуждаемости территории при сохранении стимулов к самостоятельному развитию;

- стандарты в эффективном использовании территориями выделенных финансовых ресурсов.

Задачи системы межбюджетных отношений в регионе тогда следующие:

- укрепление финансовых основ местного самоуправления в регионе;

- реализация расходных полномочий местного самоуправления, сбалансированных с финансовыми ресурсами, исходя из принципа «финансы следуют за задачами»;

- использование межбюджетных трансфертов как инструмента повышения эффективности социально-экономического развития муниципалитетов;

- реализация селективного подхода к формированию межбюджетных трансфертов в регионе, учитывающего различия в социально-экономическом положении муниципалитетов;

- формирование эффективного механизма организации межбюджетных отношений в регионе, включая мониторинг основных финансово-экономических и социальных показателей развития муниципалитетов.

Субъектами данной системы управления в широком понимании являются органы исполнительной и законодательной власти всех уровней, а не только финансовые органы, поскольку политика в области межбюджетных отношений должна определяться совместно. Объектом управления в сфере межбюджетных отношений являются финансовые потоки бюджетной системы РФ, отражающие уровень реализации расходных и доходных полномочий муниципалитетов.

В рамках межбюджетных отношений следует выделить *финансово-экономические и административно-политические отношения*. Первые ориентированы

на установление взаимосвязи финансовых отношений с экономическими приоритетами и описывается *положениями теории саморазвития применительно к территориальным социально-экономическим системам*, вторые – на встраивание межбюджетных отношений в политическую систему общества и эффективную организацию их функционирования, и опираются на положения теории хозяйственного порядка.

Исходя из выделенных двух групп отношений в рамках межбюджетных отношений, можно сформулировать два уровня целей системы их управления: в финансово-экономическом плане – достижение на основе межбюджетных отношений устойчивого социально-экономического развития муниципальных образований; в организационно-политическом – обеспечение эффективной реализации расходных полномочий муниципальных образований. При этом межбюджетные отношения в регионе входят в общую систему управления. Можно сформулировать *определение межбюджетных отношений как системы управления финансово-экономическими и организационно-политическими отношениями между органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления, связанной с формированием и исполнением соответствующих бюджетов с целью обеспечения эффективной реализации расходных полномочий региона, муниципальных образований и достижения устойчивого социально-экономического саморазвития территориальных образований всех уровней*.

Теоретические основы межбюджетных отношений, как полагает автор, должны опираться на теории саморазвития, устойчивого территориального развития, хозяйственного порядка и включать:

- финансы территории, в том числе получаемые через систему межбюджетных отношений, должны быть увязаны с целями ее социально-экономического развития, т.е. должен выполняться принцип «финансы следуют за задачами». При этом должно обеспечиваться саморазвитие территорий в виде возможности органов местного самоуправления самостоятельно определять цели развития своего муниципалитета при достаточности финансов и полномочий по их использованию для достижения цели. Цель развития территории определяется расширенным воспроизводством соци-

ально-экономических процессов на ней, т.е. устойчивым развитием. Критерием устойчивого развития является повышение социально-экономической эффективности хозяйствования;

– выстраивание политики межбюджетных отношений на основе четких и понятных концептуальных положений, в частности концепции обеспечения саморазвития территорий и создания рамочных условий для эффективного их функционирования. К числу последних следует отнести:

– подход к межбюджетным отношениям как системе управления (со своими целями, задачами, объектами и субъектами);

– организационное и правовое обеспечение органов местного самоуправления полномочиями по достижению расширенного социально-экономического воспроизводства на своей территории и проведению селективной политики в области межбюджетных отношений;

– организация через систему межбюджетных отношений финансовой обеспеченности расходных полномочий органов местного самоуправления.

1. Акбердина, В.В., Душин, А.В. Саморазвитие региональных социально-экономических систем: инновационно-технологические и природоресурсные приоритеты / Под ред. академика Татаркина А.И. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2011. – 360 с.

2. Акбердина, В.В., Душин, А.В., Лаврикова, Ю.Г., Сидорова, Е.Н., Татаркин, Д.А. Регионы России: классификация по признаку саморазвития/ Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 19. С. 5–13.

3. Захарчук, Е.А., Пасынков, А.Ф. Признаки и свойства саморазвивающихся социально-экономических систем// Экономика региона. 2010. № 4. С. 32–39.

4. Захарчук, Е.А., Пасынков, А.Ф., Некрасов А.А. Классификация регионов РФ по критериям саморазвития// Экономика региона. 2011. № 3. С. 54–63.

5. Молчанова, М.Ю. Концепция устойчивого развития и ее применение в регионе//Вестник Пермского университета. Экономика. Специальный выпуск. 2012. С. 45–48.

6. Ойкен, В. Основные принципы экономической политики – М: Прогресс, 1995.– 496 с.

7. Ойкен, В. Основы национальной экономики. – М: Экономика, 1996.– 351 с.

8. Региональная траектория социально-экономического развития. Под ред. акад. РАН А.И. Татаркина, П.А.Макарова: ИЭ УрО РАН, Институт эконом исслед. ДВО РАН, Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2013. – 184 с.

9. Руденко, А.П. Самоорганизация и синергетика: <http://spkurdyumov.ru/what/samoorganizacija-i-sinergetika-a-p-rudenko/>.

10. Руденко, А.П. Теория саморазвития открытых каталитических систем. – М: Изд-во МГУ, 1969.–276 с.

11. Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке. / Под ред. А.Г. Гранберга, В.И. Данилова-Данильяна, М.М. Циканова, Е.С. Шопкоева, – М: Экономика, 2002,– 414 с.

12. Саморазвивающиеся социально-экономические системы: теория, методология, прогнозные оценки: в 2-х т. / Под общ. ред. акад. РАН А.И. Татаркина; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т экономики. – М.: Экономика, Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2011. Т. 1: Теория и методология формирования саморазвивающихся социально-экономических систем. – 308 с.; Т. 2: Проблемы ресурсного обеспечения саморазвивающихся территориальных социально-экономических систем. – 387 с.

13. Татаркин, А.И., Дорошенко, С.В. Регион как саморазвивающаяся социально-экономическая система // Экономика региона. № 1. 2011. С. 15–23.

14. Татаркин, А.И., Татаркин, Д.А. Диалектика формирования и функционирования саморазвивающихся территориальных экономических систем / Федерализм. 2009. № 4. С. 77–99.

15. Указ Президента Российской Федерации «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» от 01.04.96 № 440 // Собрание законодательства Российской Федерации. 08.04.96. № 15.

16. Указ Президента РФ «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» от 04.02.1994 № 236: <http://giod.consultant.ru/pade.aspx?1165466>;

17. Хакен, Г. Синергетика. – М: Мир, 1980. – 406 с.

18. Ashby, W. R. Principles of the Self-Organizing Dynamic System // Journal of General Psychology. – v. 37. – p. 125–128.

19. Ottnad, A. Die Neuordnung des Finanzausgleichs als Chance für den föderalen Neubeginn//Orientierungen zur Wirtschafts – und Gesellschaftspolitik. – 2000. – № 83. – S. 35.

20. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Самоорганизация>

References

1. Akberdina, V.V., Dushin, A.V. Samorazvitie regional'nyh social'no-jekonomicheskikh sistem: innovacionno-tehnologicheskie i prirodoresursnye priority / Pod red. akademika Tatarkina A. I. – Ekaterinburg: Institut jekonomiki UrO RAN, 2011. – 360 с.

2. Akberdina, V.V., Dushin, A.V., Lavrikova, Ju.G., Sidorova, E.N., Tatarin, D.A. Regiony Rossii: klassifikacija po priznaku samorazvitija/ Regional'naja jekonomika: teorija i praktika. 2010. № 19. С. 5–13.

3. Zaharchuk, E.A., Pasynkov, A.F. Priznaki i svojstva samorazvivajushhhsja social'no-jekonomicheskikh sistem// Jekonomika regiona. 2010. № 4. С. 32–39.

4. Zaharchuk, E.A., Pasynkov, A.F., Nekrasov, A.A. Klassifikacija regionov RF po kriterijam samorazvitija // Jekonomika regiona. 2011. № 3. С. 54–63.

5. Molchanova, M.Ju. Konceptcija ustojchivogo razvitija i ee primenenie v regione//Vestnik Permsko-

go universiteta. Jekonomika. Special'nyj vypusk. 2012. S. 45-48.

6. Ojken, V. Osnovnye principy jekonomicheskoj politiki – M: Progress, 1995.– 496 s.

7. Ojken, V. Osnovy nacional'noj jekonomiki. – M: Jekonomika, 1996.– 351 s.

8. Regional'naja traektorija social'no-jekonomicheskogo razvitija. Pod red. akad. RAN A.I, Tatarkina, P.A. Makarova: IJe UrO RAN, Institut jekonom issled. DVO RAN, Ekaterinburg: IJe UrO RAN, 2013.–184 s.

9. Rudenko, A.P. Samoorganizacija i sinergetika: <http://spkurdyumov/ru/what/samoorganizacija-i-sinergetika-a-p-rudenko>.

10. Rudenko, A.P. Teorija samorazvitija otkrytyh kataliticheskix sistem. -M: izd-vo MGU, 1969.–276;

11. Strategija i problemy ustojchivogo razvitija Rossii v HHI veke. / Pod red. A.G. Granberga, V.I. Danilova-Danil'jana, M.M. Cikanova, E.S. Shopkoeva, -M: Jekonomika, 2002, – 414 s.

12. Samorazvivajushhiesja social'no-jekonomicheskie sistemy: teorija, metodologija, prognoznye ocenki: v 2-h t. / Pod obshh. red. akad. RAN A. I. Tatarkina; Ros. akad. nauk, Ural. otd-nie, In-t jekonomiki. – M.: Jekonomika, Ekaterinburg: Izd-vo UrO RAN, 2011. T. 1: Teorija i metodologija formirovanija samorazvivajushhiesja social'no-jekonomicheskix sistem. – 308 s.; T. 2: Problemy resursnogo obespechenija samorazvivajushhiesja territorial'nyh social'no-jekonomicheskix sistem. – 387 s.

13. Tatarkin, A.I., Doroshenko, S.V. Region kak samorazvivajushhajasja social'no-jekonomicheskaja sistema // Jekonomika regiona. № 1. 2011. S. 15–23.;

14. Tatarkin, A.I., Tatarkin, D.A. Dialektika formirovanija i funkcionirovanija samorazvivajushhiesja territorial'nyh jekonomicheskix sistem / Federalizm. 2009. № 4. S. 77–99.

15. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii «O koncepcii perehoda Rossijskoj Federacii k ustojchivomu razvitiju» ot 01.04.96 N 440 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 08.04.96. N 15.

16. Ukaz Prezidenta RF «O gosudarstvennoj strategii Rossijskoj Federacii po ohrane okružhajushhej sredy i obespečeniju ustojchivogo razvitija» ot 04.02.1994 № 236: <http://giod.consultant.ru/pade.aspx?1165466>.

17. Haken G. Sinergetika. - M: Mir, 1980. – 406 s.

18. Ashby W. R. Principles of the Self-Organizing Dynamic System // Journal of General Psychology. – v. 37. – p. 125–128.

19. Ottnad A. Die Neuordnung des Finanzausgleichs als Chance für den föderalen Neubegin // Orientierungen zur Wirtschafts – und Gesellschaftspolitik. – 2000. – N 83. – S. 35.

20. Samoorganizatsiya [Electronic resource]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Самоорганизация> (accessed: 23.08.14).

UDC 332.1:336.0

TO THE ISSUE OF THEORETICAL BASES OF INTERBUDGET RELATIONS OF A TERRITORY

Molchanova Margarita Yuryevna,

Perm National Research University, Cand. Sc (Economics), Associate Professor, Head of the Department Chair of Finance, Credit and Exchange Business, Perm, Russia. E-mail: fkbd@psu.ru.

Annotation

The existing theoretical approaches to interbudget relations do not take them out of the frames of finance relations. It lets to formulate proposals to improve distribution of expenditure and profit authorities between different power levels.

Though when interbudget relations are considered as derivative of existing amount of budget recourses, purposes of economical development and political model of a territory are not taken into account. The conceptual bases of the theory of interbudget relations of a territory prove the author's hypothesis about possibility of municipalities' self-development and about the role of interbudget relations in this process.

Key concepts:

interbudget relations, municipalities, self-development, stable development, theory of economic order.

УДК 304.2

СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО НАУЧНОГО СИМПОЗИУМА)

Борисов Сергей Валентинович,

Челябинский государственный
педагогический университет,
заведующий кафедрой философии
и культурологии,
доктор философских наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Аннотация

В статье дается краткий обзор основных проблем, ставших предметом обсуждения на междисциплинарном научном симпозиуме «Современный человек в поисках идентичности: от кризиса к самосознанию», проходившем в Челябинском государственном педагогическом университете 31 октября 2014 года.

Ключевые понятия:

идентичность,
свобода,
ценности,
самосознание,
личность.

31 октября 2014 года в Челябинском государственном педагогическом университете прошел очередной междисциплинарный научный симпозиум, посвященный 80-летию университета, «Современный человек в поисках идентичности: от кризиса к самосознанию». Целью симпозиума было обсуждение современных проблем философской антропологии и социальной философии в контексте формирования нового образа человека, определения приоритетов и тенденций изменений в социальной жизни. Участники симпозиума дали анализ и прогноз изменений идентичности и самоопределения современного человека, их влияния на организацию жизнедеятельности общества и государства, культурно-просветительскую и образовательную политику. В ходе симпозиума обсуждались следующие темы: кризис идентичности как психологическая и философская проблема; проблема социокультурного, экзистенциального и ценностного самоопределения человека; философские проблемы национальной идентичности и многое другое. Особое внимание было уделено анализу образовательной и воспитательной работы в молодежной среде в связи с рассматриваемой проблематикой.

Не претендуя на всеохватность тем и высказанных идей, попытаюсь обрисовать лишь общий ход разговора и те основные смысловые линии, которые позволяют связать все высказанное в ходе симпозиума в некий единый сюжет.*

Постановка и осмысление проблем

С.В. Борисов (г. Челябинск) в своем докладе «Философствование как самосознание» определил самосознание как бесконечное блуждание в лабиринте, в котором идентичность выступает как своего рода «смотровая площадка». Идентичность задает порядок и последовательность психической жизни человека. Чувство идентичности позволяет человеку понимать, кем он является, и позволяет сочетать различные проявления личности, возникающие в ходе его социальных интеракций с другими людьми в различных ситуациях. Самосознание является лишь частным интегрированием, которое игнорирует некоторую часть «я» и не может присоединить к себе те «отпавшие» и раздробленные элементы, загадочными выражениями которых являются, напри-

* Подборка статей, подготовленных на основе наиболее интересных докладов симпозиума, будет опубликована в этом и других номерах журнала «Социум и власть».

мер, сновидения или невротические симптомы. Индивид может научиться познавать себя, т.е. присоединять к сознанию себя осознание элементов своей реальной личности, но привязывать к самосознанию эти элементы – значит изменять их природу. Поэтому единство самосознания отличается от единства, которое можно приписать реальной личности. В истинном самосознании каждый осознает, кто он есть, но таким образом, что в процессе осознания этого он перестает им быть. Подлинная «самость» – это не простое фактическое бытие, а результат вдумчивой и ответственной работы, посредством которой оно трансформируется, руководствуясь требованиями самосознания. Условием для этого является эскапизм. Нормальная идентичность представляет собой сбалансированную систему «я». Кризисная идентичность выражается в нарушении связей между различными образами «я», некоторые из которых больше не вписываются в существующую систему. Однако в этой сложности одновременно заложен и путь к наиболее полноценному развитию индивида.

Тема кризисной идентичности получила продолжение в выступлении *В.И. Ермакова (г. Челябинск) «Кризис идентичности личности: основания и пределы»*. Докладчик рассмотрел некоторые варианты потери идентичности личности на индивидуальном и социально-групповом уровнях. Потеря идентичности начинается именно тогда, когда в опыте индивида обнаруживаются различия между кем, чем он хотел бы быть, и тем, кем он является на самом деле. Опыт, как принадлежность себе, – это умение отвечать за свои поступки, быть самим собой в любых ситуациях, не изменять своим ценностям и идеалам. Принадлежность личности себе и распоряжение собой возможно лишь в той мере, в какой человек обладает памятью. Но память избирательна, она отбирает из пространства опыта только то, что соответствует экзистенциальному проекту личности, а в проекте происходит постоянная борьба между тем, что нам кажется наилучшим для нашей жизни, и тем выбором, который мы делаем. Именно в этой ситуации важнейшим основанием идентичности личности становится коммуникативная реальность, когда основные характеристики личности раскрываются в ее речевом поведении. Это возможно, если сама личность будет поддерживать инвариант во всех проявлениях (измерениях) идентичности: идентичность как тождественность; идентичность как самость; идентичность нарративная; идентичность как аутентичность.

В.А. Жилина (г. Магнитогорск) в своем докладе «Иллюзии осознаваемости в свободе современного человека» продолжила тему проявлений (измерений) идентичности, и заострила внимание на проблеме свободы выбора. Характерно, что даже в условиях отрицания устойчивости характеристик человека в пользу их постоянной изменчивости, эти черты остаются определенным стержнем, обеспечивающим целостность человеческой модели. Но в отличие от постоянных в анализе предметного мира, константы человеческого исторически изменчивы и предметно не определены. Свобода, которую сейчас часто определяют как родовое свойство человека, в ранге таких констант имеет, пожалуй, самое сложное развертывание. Для человека свобода становится связующим механизмом с объектной стороной социальности. Однако в современной культуре господствуют определенные явления свободы, а любое увлечение предметностью там, где эта предметность отсутствует, неизбежно ведет к заблуждениям. В частности, одной из особенностей бытия современного человека следует признать наличие у него иллюзий осознаваемости. Эта иллюзорная осознаваемость вбирает в себя доминирующие стереотипы поведения, имиджа, социальной роли модной модели современного, успешного в социальных характеристиках человека. Происходит подмена реальности виртуальностью. Однако в силу иллюзорности возможностей они не могут быть реализованы, что закрепляется через убежденность в собственном бессилии, которая трансформируется в активное неприятие собственного «я». Выходом может стать либо агрессия – как форма сохранения свободы, либо пассивность и бездействие – в виде отказа от нее. Любая иллюзия губительна. Игнорирование этой проблемы неизбежно приведет к тому, что свобода утратит созидательность и начнет превращаться в разрушительное начало российского общества.

Откликом на эту тему послужило выступление *А.Н. Лукина (г. Челябинск) «Ценностно-целевой аспект человеческого бытия»*. Человек постоянно изменяет свой образ жизни, свою среду, самого себя. Креативная сущность человека наиболее полно проявляется в наши дни, когда социальное бытие фундаментально меняется уже при жизни одного поколения. Причину социальных изменений следует искать в интенции общественного и индивидуального сознания. Телеологический аспект человеческого бытия тесно связан с аксиологическим. Ценности задают вектор социокультурной активности человека. Человек живет в двух мирах одновременно – в объек-

тивной и субъективной реальностях. Между ними нет строгого соответствия. Именно несоответствие этих миров ставит человека перед выбором: остаться в нынешнем объективном мире и оберегать его от изменений или, напротив, преобразовать мир в соответствии с неким идеальным проектом. Индивид осознает несоответствие мира своей сущности и в то же время ощущает способность преобразовать объективную действительность в соответствии с внутренними потребностями. Своей активностью человек переводит систему из статического состояния в динамическое. Пока сохраняется интенция общественного сознания на достижение цели, социум остается в динамическом состоянии.

Выступление *В.Н. Усова (г. Челябинск)* «Философская рефлексия в постижении человеческой идентичности» дало намеченным выше проблемам дальнейшее развитие. За проблемой человеческой идентичности, по мысли докладчика, скрывается проблема самоопределения, а последняя непосредственно связана с проблемой ответственности. Самоопределение – это теоретическая, рациональная форма рефлексии. Философская рефлексия есть саморефлексия, ярким примером которой являются слова Сократа «Я знаю, что ничего не знаю». Нередко проблему идентичности пытаются решить лишь на социальном уровне, путем синтеза многообразных статусов, ролей, личин (или масок), т.е. путем многоликости. Следуя философской рефлексии, по мысли докладчика, данную проблему нужно решать обратным путем – путем феноменологической редукции, отрицая социальные характеристики человека. Это возможно посредством самоопределения человека в конкретной ситуации. Таким образом, происходит синтез абстрактной всеобщности (родовой, социальной сущности личности) и уникальности данной конкретной ситуации. Определение собственной позиции, точки зрения в конкретной ситуации – это экзистенциальный выбор. Сознательный выбор своей позиции всегда сопряжен с ответственностью, она является реальным критерием подлинной человечности. Таким образом, ответственность представляется основой самоорганизации человеческой идентичности.

Пути решения и прикладные исследования

Новый аспект проблемы идентичности современного человека был раскрыт в докладе *Э.Г. Черновой (г. Магнитогорск)* «*“Жизнь соло” как путь к идентичности*».

Докладчик сделал акцент на том, что проблемность человеческого бытия изначально обусловлена способностью человека осознавать себя и на этом основании противопоставлять себя миру. Эта способность является основой того, что философия определяет как «экзистенциальное одиночество». Традиционно в культуре и обыденной жизни одиночество имеет отрицательный оттенок значения. Однако в последней трети XX – начале XXI вв., прежде всего в развитых странах, ситуация изменилась. Впервые в истории значительное число жителей планеты самых разных возрастов, придерживающихся самых разных политических взглядов, начали жить одиночками. Возникает исторически новый феномен – предпочтение «жизни соло». Жизнь в одиночестве оказывает значительное воздействие на процесс личного взросления. «Жизнь соло» многих наших современников не означает краха социальных связей или роста психологических проблем. В этом смысле к философскому анализу проблем одиночества и самоидентификации примыкает тема эскапизма. Эскапизм можно понимать как создание дополнительной реальности, приращение смыслов, обогащение, и в таком понимании это необходимая составляющая полноценного осуществления подлинного индивидуального бытия.

Культурологический аспект идентичности был представлен в докладе *С.С. Загребина (г. Челябинск)* «*Культурная идентичность как фактор риска в современной цивилизации*». Докладчик отметил, что культурная идентичность продолжительное время оставалась вне поля научного интереса культурологического сообщества. Культурная идентичность описывалась в двух аспектах. В узком значении: как осознание принадлежности к определенной культурной традиции; и в широком смысле: как комплекс стабильных личностных характеристик, осознаваемых индивидом и отражающий объективные социокультурные реалии. К таким реалиям относились: пол, возраст, национальность, гражданство, социальный и профессиональный статус и т.д. Соответственно, исследователи полагают, что данные характеристики определяют стабильность идентичности как социокультурного феномена. Геополитические события начала XXI века внесли существенные коррективы как в сам феномен идентичности, так и в его трактовку исследователями. Социокультурные характеристики личности оказались в состоянии внутреннего конфликта, с одной стороны, и сильного внешне-

го давления, с другой стороны. Возникает феномен, который можно назвать «доминирующая идентичность», когда одна из форм самоотождествления человека становится определяющей, в ущерб иным составляющим личности. В качестве примера можно назвать актуализацию гендерной идентичности в европейском политическом и культурном пространстве. Другим примером можно назвать актуализацию конфессиональной идентичности среди представителей радикального ислама в разных частях свата. Причины кризиса идентичности в мировом масштабе видятся докладчику в углубляющемся процессе глобализации, унифицирующим культурные отличия. В этих условиях этническая или конфессиональная идентичности становятся базисом сопротивления агрессивной унификации и стандартизации в современной цивилизации. В российском контексте актуализация проблемы культурной идентичности видится в процессе модернизации традиционных оснований отечественной культуры по стандартам секулярной протестантской западноевропейской цивилизации. Культурные идентичности становятся «точкой опоры» в ситуации информационного и аксиологического хаоса эпохи модерна и постмодерна.

Динамический аспект реализации целей симпозиума применительно к практической (педагогической) деятельности представил в своем докладе *«Кризис идентичности как педагогическая проблема диалектики (методологический аспект)»* Я.С. Мисюра (г. Новосибирск). Заострив внимание на субстанциональном отношении учителя, ученика, социального тела и содержания образования, а также на природе педагогической идентичности учителя, ученика и их рефлексии, докладчик представил пути преобразования отрицательной педагогической рефлексии, царящей в современном образовании, в положительную рефлексию обучающего и обучаемого. Докладчик описал возможность культивировать гуманистическое измерение идентичности личности учителя и ученика, лучше видеть смысловую структуру подлинного предмета педагогики – «педагогическую форму». В связи с проблемой идентичности, по мысли докладчика, субъектам образовательного процесса не хватает «положительной рефлексии» (в диалектическом смысле), поскольку до сих пор не определена точная граница между педагогикой и психологией, что является препятствием на пути к тому, чтобы вскрыть «софийную природу» педа-

гогической рефлексии в отличие от научной (формально-логической) рефлексии. Докладчик представил слушателям разработанную им субстанциональную матрицу педагогической рефлексии и классификацию «педагогических форм».

Д.Б. Гейнц (г. Новосибирск) в своем докладе *«Вечный покой»* Казимира Малевича раскрыла проблему идентичности в художественном творчестве. Философское наследие Казимира Малевича – супрематизм – выражает беспредметный мир, освобожденный от всего «вещного», утилитарного и ограниченного, указывая простейшими графическими средствами и фигурами живописный предел бытия, первооснову, живописный нуль. Выход к беспредметному началу открывает царство «чистого духа» и является самой высокой ступенью развития самосознания человека, в котором освобожденное «ничто» вступает в область «вечного покоя» – в состояние полного «безмыслия». Данный акт снимает все ограничения, стоящие на пути полного освобождения. Достижение беспредметного равенства, т.е. абсолютного нуля, где всякое различие и крайность не имеет никакого смысла, обнаруживает полный отказ от предметного и практического восприятия мира. По мысли докладчика, это выражает типичный путь идентификации художника и любого творческого человека. Исследуя действительность, художник исследует то, чего на самом деле не существует, он выражает лишь образ, который возник в зримой действительности один единственный и неповторимый раз. Действительность как таковая не делима. Дифференциация существующего мира лишь показывает ограниченную природу мыслительной деятельности. Внутреннее никогда невозможно постичь. Однако бесконечное стремление это осуществить заложено в человеке, в его внутреннем брожении духовной жизни.

Оригинальное видение человеческой идентичности было предложено А.С. Никифоровым (г. Челябинск) в докладе *«Символическое выражение идентичности: в поисках модели целостной личности»*. Опираясь на материалы сборника статей «Человек в поисках идентичности», изданного Институтом философии РАН [2], докладчик определил идентичность как тождественность (соотнесенность) смысловознательного центра человека: (1) с социальным или культурным целым – группой, сообществом и их культурой («внешняя» – социальная, культурная и пр. – идентичность); (2) со сво-

ей самостью («внутренняя» идентичность, или самоидентичность); (3) с Абсолютом и сферой трансцендентного (мета-, транс- или сверхидентичность). Основываясь на этих положениях, а также на собственных исследованиях, докладчик предложил слушателям символическое выражение идентичности посредством цветовой модели. В соответствии с цветами радуги, докладчик спроектировал символическую «Модель целостной личности», гармонично развитой в интеллектуальном, физическом и духовно-социальном отношении, исходя из параметров основных человеческих качеств.

Организаторы симпозиума выражают благодарность всем докладчикам! Обсуждение проблем проходило в открытой, непринужденной атмосфере круглого стола, что дало возможность всем участникам включиться в конструктивный диалог. Практика междисциплинарных симпозиумов показывает свою эффективность. По сравнению с предыдущим подобным мероприятием, организованным кафедрой философии и культурологии Челябинского государственного педагогического университета [1], нынешний симпозиум предложил новые формы эффективной коммуникативной работы.

1. Борисов, С. В. О философии образования новой России и не только... [Текст] / С. В. Борисов // Социум и власть. 2012. № 6. С. 122–125.

2. Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2010. Том IV. Человек в поисках идентичности / Институт философии РАН; Под ред. Ю.М. Резника и М.В. Тлостановой. – М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. – 528 с.

References

1. Borisov, S. V. O filosofii obrazovanija novoj Rossii i ne tol'ko... [About educational philosophy of new Russia] // Socium i vlast'. 2012. № 6. S. 122–125.

2. Voprosy social'noj teorii: Nauchnyj al'manah. 2010. Tom IV. Chelovek v poiskah identichnosti / Institut filosofii RAN; Pod red. Ju.M. Reznika i M.V. Tlostanovoj. – M.: Associacija «Mezhdisciplinarnoe obshhestvo social'noj teorii», 2010. – 528 s.

UDC 304.2

THE MODERN PERSON IN SEARCH OF IDENTITY (ON MATERIALS OF THE INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC SYMPOSIUM)

Borisov Sergey Valentinovich,
Chelyabinsk State Pedagogical University,
the Head
of the Department Chair
of Philosophy
and Cultural Science,
Doctor of Philosophy,
Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: borisovsv69@mail.ru.

Annotation

In the article the short review of the main problems which became a subject of discussion on the interdisciplinary scientific symposium “The modern person in search of identity: from crisis to consciousness”, taking place in the Chelyabinsk state pedagogical university on October 31, 2014.

Key concepts:

identity, freedom, values, consciousness, personality

УДК 316.4

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА И КЫРГЫЗСТАНА

Молодов Олег Борисович,

Институт
социально-экономического развития
территорий РАН,
старший научный сотрудник,
кандидат исторических наук,
г. Вологда, Россия.
E-mail: o_young8172@mail.ru

Аннотация

Статья посвящается проблеме идентификации населения Казахстана и Кыргызстана. В условиях становления новой государственности в странах Центральной Азии она встает наиболее остро. В статье сделана попытка комплексного исследования проблем идентификации населения на основе данных статистики и результатов социологических исследований. Проведен анализ различных факторов, формирующих национальную и религиозную идентичность жителей, а также государственной символики и топонимики, этнической географии Казахстана и Кыргызстана.

Ключевые понятия:

идентичность,
этническая идентичность,
религиозная идентичность,
Центральная Азия.

Проблема идентичности приобретает особую актуальность в условиях социальных трансформаций. Коренные преобразования форм и содержания общественной жизни, ее институциональной сферы, норм и ценностей происходят на постсоветском пространстве в настоящее время.

Определяющая роль этнической идентичности населения Центральной Азии ярко проявилась еще на границе 1980–1990-х гг., когда произошли первые крупные межнациональные конфликты на территории СССР (в Новом Узене, Ферганской долине и Ошской области), показавшие недостатки проводимой в стране национальной политики. Наряду с экономическими причинами, важными предпосылками межэтнических столкновений стали миграционные процессы предыдущих десятилетий, связанные с широким промышленным строительством и освоением целины, а также ссылкой в Среднюю Азию целых народов – чеченцев, ингушей, турок-месхетинцев, крымских татар и немцев Поволжья. В результате, характерной чертой Среднеазиатских республик стало искусственно созданное этническое многообразие.

С распадом СССР многие переселенцы возвратились на историческую родину, что изменило этническую структуру населения в пользу коренных наций. Началось формирование новой идентичности населения суверенных государств Центральной Азии.

В данной работе сделана попытка комплексного исследования проблем идентификации населения на основе данных статистики и результатов социологических исследований. Проведен анализ различных факторов, формирующих национальную и религиозную идентичность жителей, а также государственной символики и топонимики, этнической географии Казахстана и Кыргызстана.

Как показывают исследования, власти Союза ССР пытались развивать два противоположных направления национальной политики: фактическую интеграцию общества в гражданскую нацию («единый советский народ») и саморазвитие малых этносов до наций, включая создание союзных и автономных республик [1]. Как отмечает Б. Бектурганова, казахи оказались во власти России, не будучи нацией с четким осознанием своего единства и уникальности. Процесс образования нации шел в условиях колонии, а затем республики в составе СССР. В этот период характерными явлениями были мощная русификация

и сужение сферы применения казахского языка*.

В советский период среди жителей республики преобладала так называемая советская идентичность, имевшая надэтнический характер. Тогда все ощущали себя в рамках повседневности и в редких зарубежных поездках в первую очередь как советские люди, а затем уже как казахи, русские и т.п. [3].

Накануне распада СССР, по результатам переписи 1989 г., казахи составляли 39,7%, а русские – 37,8% населения Казахской ССР (табл. 1).

В дальнейшем миграционные процессы привели к значительным изменениям национального состава страны. За 25 лет суверенитета резко сократилась доля славянского населения (русских и украинцев), немцев и татар. В свою очередь удельный вес этнических казахов достиг двух третей, и они стали абсолютным большинством населения страны.

твования суверенного Казахстана национальный состав населения коренным образом изменился. На начало 2014 г. казахи составили 65,5%, а русские – только 21,5% населения страны. То есть «казахстанские русские» и представители других национальностей оказались поставленными перед необходимостью осознать себя этническим меньшинством по сравнению с титульной нацией.

Сейчас, как отмечает Г. Уразалиева, завершается процесс перехода от советской идентичности к собственно этнической, а затем должна пройти трансформация в сторону новой надэтнической идентичности – «казахстанец». Примечательно, что происходящие в последние годы процессы интеграции в рамках СНГ и ЕврАзЭС не привели к инновациям в идентичности жителей Казахстана – к появлению понятий «эсэнговец» или «евразиец».

Этническая самоидентификация казахстанцев и кыргызстанцев обусловлена, с од-

Таблица 1

Национальный состав населения Республики Казахстан по переписи населения 1989 г. и по оценке на 1.01.2014 г. [1]

Основные нации	Доля представителей нации (%)		Динамика (тыс. чел.)
	1989 г.	2014 г.	
казахи	39,7	65,5	+ 4709,9
русские	37,8	21,5	- 2542,5
украинцы	5,5	1,8	- 594,9
немцы	5,8	1,1	- 775,6
узбеки	2	3	+ 150,6
татары	2	1,2	- 124,9

Сходные демографические процессы происходили и в соседнем Кыргызстане, где представители титульной нации в настоящее время составляют три четверти населения республики. В то же время доля русских сократилась в 3 раза, украинцев – в 8 раз, немцев – в 12 раз, татар – в 31 раз (табл. 2).

В Казахстане (РК) этническая идентичность пока превалирует над гражданской идентичностью, что проявляется, например, в электоральном поведении избирателей, голосующих за кандидата – представителя своей этнической группы. В Мажилисе (парламенте) РК, избранном в 1999 г., русских депутатов было 26,6% (по переписи населения русские в стране составили 30%) [8]. В период сущес-

ной стороны, усилением этнического влияния, а с другой – сложившимися еще в советский период нормами интернационализма. Поэтому для многих близко понимание того, что современному человеку его национальность должна быть безразлична. Отсюда уровень актуализации этнического компонента в структуре личности ещё невысок [9, с. 50].

Внутри этнической идентичности существуют региональная и локальная идентичности. Для Казахстана «региональность» оказалась внутриэтнической характеристикой в большей степени, чем надэтнической, поскольку южане и северяне выделяются прежде всего среди казахов, а не представителей национальных меньшинств [11]. На региональную идентичность оказывает влияние и

* Бектурганова Б. Казахстанская идентичность: трудности обретения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.baiterek.kz/index.php?journal=3&page=95>

Таблица 2

**Национальный состав населения Республики Кыргызстан
по переписи населения 1989 г. и по оценке на 2012 г.***

Основные нации	Доля представителей нации (%)		Динамика (тыс. чел.)
	1989 г.	2012 г.	
киргизы	52,4	72,2	+ 1294,1
русские	21,5	6,9	- 535,0
украинцы	2,5	0,3	- 91,4
немцы	2,4	0,2	- 92,5
узбеки	12,9	14,3	+ 246,2
татары	1,65	0,5	- 41,4

национальный состав населения отдельных территорий, имеющий существенные различия. Из 12 областей Казахстана нами выделено по три административные единицы, где среди жителей наиболее ярко проявляется этническая специфика: либо максимум казахского, либо русского населения (табл. 3). Области с высокой долей этнических казахов (90 и более процентов) расположены на западе и на юге. В северных областях и в центре остаётся высокая доля русского населения, достигающая 40–50 процентов. На остальных территориях наиболее крупные нации представлены в более или менее сбалансированном варианте.

с узбеками в Ферганской долине. За первое десятилетие суверенитета в 40 раз выросло число мечетей: если в 1991 г. их насчитывалось 39, то в 2003 г. – 1600 (на юге страны – более тысячи) [13, с. 77]. Южное происхождение имеют большинство глав мусульманских общин Севера, приносящих с Юга собственные традиции, не вполне соответствующие исламским: особый статус имама как «святого человека» и «давран» (коммерциализация обрядовых услуг) [12, с. 105].

Локальные сообщества Казахстана, как правило, связаны с географическими детерминантами. В повседневной жизни

Таблица 3

**Доля казахского и русского населения в областях Казахстана (по оценке на
1.01.2014 г.) [1]**

Название области	Регион страны	Доля казахов (%)	Доля русских (%)
Области с наиболее высокой долей казахов			
Кызылординская	Юг	95,8	2,1
Атырауская	Запад	92,0	5,9
Мангистауская	Запад	90,0	6,7
Области с высокой долей русских			
Северо-Казахстанская	Север	34,2	49,9
Костанайская	Север	38,8	42,1
Карагандинская	Центр	49,1	37,7

Актуально деление на Север–Юг и в Кыргызстане, где население южной части более религиозно, что объясняется соседс-

обозначаются алмаатинские, чимкентские, кызылординские и иные казахи. Внутри локальности существует деление на каза-

*По данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.kg/>

хов-горожан и выходцев их аулов (деревень). Последние негативно маркируются обрусевшими казахами как «мамбеты» и «казахпай». Сельские жители в свою очередь считают городских «нечистыми» («шала-казахами»), поскольку они отличаются незнанием казахского языка [11]. Если городские казахи обычно ориентированы на русскую и западную культуру, в основе которой лежат христианские ценности, то «аульные казахи» тяготеют к ценностям исламского мира*. Кроме того, разобщение между городом и селом усугубляется имеющейся дифференциацией населения.

Национальный состав населения современного Кыргызстана также позволяет выявить некоторые закономерности расселения титульной нации и этнических меньшинств. Среди 7 областей страны кыргызы абсолютно преобладают в трёх северных, где их доля достигает 90 и более процентов (табл. 4), а русских в двух из них – менее одного процента. Русское население преимущественно сосредоточено в г. Бишкеке, столице государства (23%), и Чуйской области, окружающей крупнейший город страны (21%). Наибольшей спецификой национального состава отличаются г. Ош и

моидентификации применительно к Кыргызстану. Это, во-первых, макроуровень, на котором Кыргызстан самоопределяется и самоутверждается в геополитическом и региональном плане, где существует несколько вариантов выбора: тюрко-исламская цивилизация, евразийство, западные ценности и др. Во-вторых, средний уровень самоидентификации, который заключается в самоопределении себя как государственной организованной общности и обретении национального единства. В-третьих, микроуровень, то есть самоопределение индивидов в отношении локальных идентичностей. На этом уровне в Кыргызстане представлена система субэтнических, родственных и клановых отношений [9, с. 50]. Очевидно, что предложенные уровни вполне применимы для характеристики идентификации жителей Казахстана.

Считается, что к XIX веку завершилась исламизация. Степи и ислам суннитского толка стали важным элементом идентификации большинства её жителей. Некоторые исследователи обосновывают важность исламской идентичности населения Казахстана, считая её гарантией суверенитета страны. Исламское наследие определяется ими как несущая конструкция в структуре национальной идентичности, укрепляющая

Таблица 4

Доля кыргызского и русского населения в областях и городах Кыргызстана (по оценке на 2012 г.)**

Название области	Регион страны	Доля кыргызов (%)	Доля русских (%)
Области с наиболее высокой долей кыргызов			
Нарынская обл.	Север	99,2	0,06
Таласская обл.	Север	91,9	0,78
Иссык-Кульская обл.	Север	86,2	8,05
Города и области с низкой долей кыргызов			
г. Бишкек	Север	66,1	23,0
Чуйская обл.	Север	59,1	20,8
г. Ош***	Юг	47,9	2,5
*** Узбеки составляют 44,2% населения города и 28% жителей Ошской области			

Ошская область, расположенные в Южном регионе Кыргызстана, где значительную часть жителей составляют узбеки.

Ж. Нурдинова выделяет три уровня са-

«казахское начало». Опрос ЦИОМ 2011 г. показал, что высокий уровень религиозности населения территории совпадает с низким уровнем напряженности в кон-

*Неономадизм как казахстанская идентичность [Электронный ресурс]. URL: <http://www.peoples-rights.ru/neonomadizm-kak-kazaxstanskaya-identichnost>.

** По данным Национального статистического комитета Кыргызской республики [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.kg>

фессиональной сфере (наиболее религиозен юг Казахстана, наименее – западные области). Интересно, что, как отмечалось выше, западные области, так же как и южные, населены преимущественно казахами. Поэтому для сохранения стабильности требуется повышение уровня религиозной грамотности мусульманского духовенства и населения в целом, укрепление национальной идентичности*.

Идентичность мусульман демонстрирует существенные отличия от представителей иных конфессий, например православного христианства, где обычно совпадает национальная и религиозная самоидентификация: русский – значит православный и т.п. В частности, в 2000-е гг. в группе россиян – последователей ислама – ощущали себя гражданами России лишь 39% респондентов, а гражданами СССР – 19%. Мировой характер этой религии нашёл отражение в том, что 8% опрошенных позиционировались как граждане мира, то есть идентифицировали себя с единой мусульманской уммой (общиной), куда входят и зарубежные единоверцы [4, с. 354–355]. Ностальгия пятой части российских мусульман по советскому прошлому объясняется тем, что распад СССР сопровождался масштабными межнациональными конфликтами, затронувшими в основном зоны исторического проживания последователей ислама (Азербайджан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан).

При опросе населения Жамбылской области юга Казахстана 90,2% отнесли себя к исламу и 8,4% – к православию. Вместе с тем 41,8% респондентов умеренно религиозны и придерживаются лишь некоторых религиозных традиций, а примерно для каждого третьего (31,8%) религия определяет поведение во всех сферах жизни. Религиозный человек, по итогам данного опроса, это, как правило, лицо, не имеющее высшего и среднего специального образования, молодой или пенсионер, казах или узбек, в большинстве случаев – мусульманин [7, с. 289–290].

В экспертном сообществе укоренилось мнение о меньшей религиозности кочевников, чем оседлых народов Центральной Азии (например, узбеков), что находит отражение и в вопросе идентификации.

Можно согласиться с результатами исследования А.И. Балаевой, которая утверждает, что в процессе этнорелигиоз-

ной идентификации значительную роль играют:

1) этнорелигиозный состав ближайшего окружения, групп принадлежности и референтных групп;

2) признание в социальных общностях, где проходит социализация индивида, важности этнического фактора при разделении на «своих» и «чужих»;

3) наличие ситуаций межэтнической неприязни, конфликтов на национальной почве, социальных практик исключения по национальному признаку, основанных на этнической и религиозной принадлежности

Вместе с тем связь этнической и религиозной идентификации, их «пересечение» характерны для большинства этносов и религий (русские и казахи, татары, корейцы и т. д., православие и ислам). Зависимость религиозной идентификации от этнической, которая более характерна для таких этнических групп, как чеченцы и курды [2, с. 7–8].

Период становления суверенной государственности народов Центральной Азии отмечается значительными изменениями в области государственной символики и топонимики. Казахстанские исследователи отмечают важную роль государственных символов (герба, флага) в конструировании гражданской идентичности населения страны. Новая символика Казахстана обладает ярко выраженным этническим содержанием [16, с. 105]. Государственный флаг Республики Казахстан представляет собой прямоугольное полотнище бирюзового цвета с изображением в его центре солнца с лучами, под которым – парящий орёл. У древка – вертикальная полоса с национальным орнаментом. Государственный герб Казахстана включает изображение шанырака на голубом фоне, от которого во все стороны в виде солнечных лучей расходятся уйки (купольные жерди) в обрамлении крыльев мифических коней. Шанырак (у кыргызов – тундук) – это круговое навершие для закрепления в нем верхних концов уйков, являющееся одновременно дымоходом и окном юрты.

Государственный флаг Кыргызстана – это полотнище красного цвета, в центре которого размещён круглый солнечный диск с сорока равномерно расходящимися лучами золотистого цвета. Внутри солнечного диска красным цветом изображён тундук киргизской юрты. Красная одноцветность флага символизирует

*Национальная идентичность: казах и/или мусульманин [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stanradar.com/news/full/1817-natsionalnaja-identichnost-kazah-iili-musulmanin.html>

доблесть и смелость; золотое солнце, купающееся в своих лучах, олицетворяет покой и богатство, а тундук – символ отчего дома в широком понимании этого выражения и мира как вселенной. Сорок лучей, объединённых в круг, означают объединение 40 древних племён в единый Кыргызстан. Тундук символизирует единство народов, проживающих в стране. Красный цвет флага был цветом флага великодушного Манаса – героя национального эпоса. На гербе страны изображён сокол-кочет с распростёртыми крыльями, оберегающий собой кыргызские земли, что символизирует свободу страны.

Как мы видим, современные символы содержат маркеры идентичности казахов и кыргызов как кочевых народов – солнце, юрту (разборное жилище) и хищную птицу с расправленными крыльями как олицетворение степных просторов. Несмотря на преобладание мусульман среди представителей титульных наций и большое значение ислама в их идентификации, религиозные символы на гербах и флагах Казахстана и Кыргызстана отсутствуют.

Важным этническим маркером может являться родной язык. Как показывают опросы, татары Кыргызстана идентифицируют себя единым этносом в первую очередь по языку (24%), культуре, обычаям и обрядам (19%), исторической судьбе народа (13%) и религии (7%). На момент опроса 71% татар своим языком считали татарский, 28% – русский, 6% – кыргызский, около 3% – узбекский. То есть у третьей части татар этническая идентичность и родной язык не совпадают. Это может произойти при определенных обстоятельствах, обычно связанных с иноязычным окружением. Только один из трёх упомянутых татарскими респондентами общих праздников – Сабантуй – является национальным, а остальные (курбан айт / Курбан-байрам, орозо айт / Ураза-байрам) – религиозными праздниками всех мусульман [3]. Основой идентификации немногочисленных поляков, проживающих в Кыргызстане, стала традиционная для них католическая религия [10, с. 69–70].

Государственная политика, направленная на формирование национальной идентичности, наглядно проявляется в новой топонимике: наименованиях городов, поселков, улиц, площадей и учебных заведений. Кампания по расширению сферы употребления казахского языка началась в 1989–1990 гг., ещё до распада СССР. С обретением суверенитета началась дерусификация и тюркизация об-

разовательной и коммуникативной структур, формирование новой национальной казахской идеологии. Некогда господствовавшая официальная концепция «русского старшего брата» ушла в прошлое [14, с. 159–160].

Для Казахстана и его соседей стала общим процессом массовая «натурализация» топонимики: г. Целиноград стал Астаной (столицей республики), г. Шевченко – Актау, г. Семипалатинск – Семей, г. Ермак – Аксу и др. Кроме того, в наименованиях улиц казахских городов и учебных заведений появилось значительное число имен национальных и эпических героев прошедших столетий, воинов («батыров») и государственных деятелей (Алпамыса, Абылай-хана, Богенбая, Кабанбая, Райымбека и других), а также музыкантов и поэтов (Абая, Курмангазы, Шакарима). В советский период урбанистические топонимы Казахстана, как и других республик, имели идеологический (улицы Коммунистическая, Комсомольская, Авроры, Красных партизан и др.) или индустриальный характер (улицы Заводская, Кирпичная, Локомотивная). Все они в период суверенитета страны подверглись переименованию. По нашим подсчетам, из 129 переименованных улиц г. Алматы (ныне «южной» и культурной столицы Казахстана) 109 теперь имеют тюркские наименования и в большинстве случаев посвящаются персоналиям казахской истории и культуры, реже – Центрально-Азиатской в целом, например, Манасу и Улугбеку*.

В Бишкеке только за первое десятилетие суверенитета (к 2001 г.) переименовали 31 улицу, а процесс «национализации» топонимики продолжался до 2 апреля 2013 г., когда вышло постановление городского кенеша (совета) о пятилетнем моратории на переименование улиц и районов. Стоит отметить, что в обиходе горожан прижились не все наименования улиц, многие из них даже кыргызы называют по-прежнему: Советской и Алма-Атинской вместо Шабдан Баатыра и Курманджан Датка. Быстро запомнились только названия проспектов Манаса и Чуй.

Наиболее масштабным культурным проектом, направленным на укрепление патриотизма и идентичности казахов, стал казахско-французский художественный фильм «Кочевник» / «Nomad» (2005 г., режиссеры И. Пассер и С. Бодров). Идея его создания принадлежала президенту страны Н. Назарбаеву, пожелавшему экранизировать эпические события, посвященные становлению казахской нации. В центре

*Алматы – вчера и сегодня [Электронный ресурс]. URL: <http://alma-ata2.narod.ru/streets.htm>

событий фильма – будущий хан Абылай, сыгравший большую роль в объединении разрозненных кочевых племен – предков нынешних казахов. Этот фильм с бюджетом 34 млн долларов, весьма значительным для кинематографа Казахстана, не вошел в число шедевров, но, как предполагается, оказал определенное влияние на самоидентификацию казахов.

Богатырём, объединившим кыргызов, считается Манас, которому посвящен крупнейший в мире эпос. В его честь названы университет, аэропорт, высший орден страны, поставлены памятники в Оше, Узгене и даже в Парке Дружбы в Москве. Примечательно, что реальность этого национального героя как исторической личности является дискуссионным вопросом. На специальном сайте, посвященном эпосу, из 7616 посетителей, участвовавших в опросе, 55,1% считают, что Манас действительно существовал, а 31,8%, что он является вымышленным героем [6]. Учитывая русскоязычный характер этого электронного ресурса, представляется, что среди кыргызов доля признающих его историчность может быть значительно выше.

Вместе с тем результаты изучения психологического портрета кыргызов в контексте идентичности показали, что эпос «Манас» представляет ценность для 50% опрошенных, 30% представляют его как литературное произведение, а 20% – как часть истории страны. Примечательно, что национальным героем 70% кыргызов назвали писателя Чингиза Айтматова, а Манаса – 10% (представители иных этнических групп – 40 и 20% соответственно) [15, с. 79]. Это исследование показало незавершенность процесса формирования единой духовно-культурной концепции, причиной которой является постоянная переориентация ценностных установок кыргызского этноса на протяжении его многовековой истории.

Таким образом, в последние десятилетия в республиках Центральной Азии происходят процессы идентификации населения, связанные с обретением государственного суверенитета. Несмотря на усилия властей по «привитию» новой идентичности, определенная часть населения (не только славянского), по ряду причин, связывает себя по-прежнему с СССР и не вполне отождествляет себя с новой государственностью Казахстана и Кыргызстана. Существует специфика религиозной идентичности жителей этих стран, где всё более существенную роль начинает играть ислам, в том числе и его радикальные формы. Консолидация населения там претягивает неравномерный характер расселения представителей

двух ведущих этносов – казахов, кыргызов и русских, а также разделение на горожан и селян, отличающихся уровнем знания официального языка и степенью соблюдения национальных традиций. Для становления новой идентичности потребуется еще немало усилий власти и общества по воспитанию толерантности, взаимоуважения друг к другу представителей различных наций и народов, независимо от их вероисповедания, региона и места их проживания.

1. Агентство Республики Казахстан по статистике. Сер. 15. Демография. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2014 г. Астана, 2014. 22 с.

2. Балаева, А.И. Этно-религиозная идентификация молодежи Казахстана: социологический аспект: автореф. дис. ...канд. соц. наук (22.04.04). Астана, 2010. 24 с.

3. Бикбулатова, А. Идентичность татар Кыргызстана [Электронный ресурс] // Ислам в СНГ. 2013. №2 (11). URL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?5629> (дата обращения: 07.04.14).

4. Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / отв. ред. М.П. Мчедлов. М., 2009. 368 с.

5. Даминдарова, Ф.В., Исмагилова, Г.Ш. Этническая, надэтническая и гражданская идентичность в российском политическом дискурсе // Власть. 2014. № 4. С. 63–67.

6. Кем на самом деле был Манас? // Кыргызский эпос «Манас». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eposmanas.ru/?page=18&id=6> (дата обращения: 07.04.14).

7. Комаров, О.Е. Межконфессиональные отношения в современном казахстанском обществе (опыт социологического исследования в Жамбылской обл.) // Стратегия «Казахстан-2050»: социальное развитие общества: материалы V Конгресса социологов Казахстана. Алматы, 2014. С. 288–295.

8. Мустафаев, Н. Особенности этнического состава населения Казахстана [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0235/analit09.php> (дата обращения: 07.04.14).

9. Нурдинова, Ж. Этническая и гражданская идентификация в Кыргызстане // Адам лемі-Мир человека. 2011. № 2. С. 48–56.

10. Скреминская, Л.Р. Католическая религия как основа для идентичности поляков в Кыргызстане // Вестник КРСУ. 2014. № 3 (14). С. 66–70.

11. Уразалиева, Г. Казахстанская идентичность как стратегический ресурс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.kz/publications/article6216.htm> (дата обращения: 07.04.14).

12. Усубалиев, Э. «Исламская идентичность» и политический процесс в Кыргызстане // Вестник КРСУ. 2008. № 3 (8). С. 102–107.

13. Чотаева, Ч. Этнорелигиозная ситуация в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. 2005. Вып. 3 (39). С. 77–85.

14. Шукуров, Ш.М., Шукуров Р.М. Центральная Азия (опыт истории духа). М., 2001. 265 с.

15. Эшимбекова, Н.С. Психологический портрет кыргызов: история и эмпирика вопроса самоидентификации // Вестник КРСУ. 2014. № 6 (14). С. 76–80.

16. Эшпанова, Д., Кадыржанов Р. Государственные символы и национальная идентичность Казахстана // Эл-Фараби-Аль-Фараби. 2014. №2 (46). С. 98–106.

References

1. Agentstvo Respubliki Kazahstan po statistike. Ser. 15. Demografija. Chislennost' naselenija Respubliki Kazahstan po otdel'nym jetnosam na nachalo 2014 g. Astana, 2014. 22 s.

2. Balaeva, A.I. Jetno-religioznaja identifikacija molodezhi Kazahstana: sociologicheskij aspekt: avtoref. dis. ... kand. soc. nauk (22.00.04). Astana, 2010. 24 s.

3. Bikbulatova, A. Identichnost' tatar Kyrgyzstana [Electronic resource] // Islam v SNG.

2013. №2 (11). URL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?5629> (accessed: 07.04.14).

4. Vera. Jetnos. Nacija. Religioznyj component jetnicheskogo soznaniya [Faith. Ethnos. Nation. Religious component of ethnic conscious] / otv. red. M.P. Mchedlov. M., 2009. 368 s.

5. Damindarova, F.V., Ismagilova, G.Sh. Jetnicheskaja, nadjetnicheskaja i grazhdanskaja identichnost'

v rossijskom politicheskom diskurse // Vlast'. 2014. № 4. S. 63–67.

6. Kem na samom dele byl Manas? // Kyrgyzskij jepos «Manas». [Electronic resource]. URL: <http://www.eposmanas.ru/?page=18&id=6> (accessed: 07.04.14).

7. Komarov, O.E. Mezhekfessional'nye otnoshenija v sovremennom kazahstanskom obshhestve (opyt sociologicheskogo issledovanija v Zhambylskoj obl.) // Strategija «Kazahstan-2050»: social'noe razvitie obshhestva: materialy V Kongressa sociologov Kazahstana. Almaty, 2014. S. 288–295.

8. Mustafaev, N. Osobennosti jetnicheskogo sostava naselenija Kazahstana [Electronic resource]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0235/analit09.php> (accessed: 07.04.14).

9. Nurdinova, Zh. Jetnicheskaja i grazhdanskajad entifikacija v Kyrgyzstane // Adam lemi-Mircheloveka. 2011. № 2. S. 48–56.

10. Skreminskaja, L.R. Katolicheskaja religija kakosnova dlja identichnosti poljakov v Kyrgyzstane // Vestnik KRSU. 2014. № 3 (14). S. 66–70.

11. Urazaliev, G. Kazahstanskaja identichnost'kak strategicheskij resurs [Electronic resource]. URL: <http://www.apn.kz/publications/article6216.htm> (accessed: 07.04.14).

12. Usubaliev, Je. «Islamskaja identichnost'» I politicheskij process v Kyrgyzstane // VestnikKRSU. 2008. № 3 (8). S. 102–107.

13. Chotaeva, Ch. Jetnoreligioznaja situacija vKyrgyzstane // Central'naja Azija i Kavkaz. 2005. Vyp. 3 (39). S. 77–85.

14. Shukurov, Sh.M., Shukurov R.M. Central'najaAzija (opyt istorii duha) [Central Asia: experience of spirit's history]. M., 2001. 265 s.

15. Jeshimbekova, N.S. Psihologicheskij portret kyrgyzov: istorija i jempirika voprosa samoidentifikacii // Vestnik KRSU. 2014. № 6 (14). S. 76–80.

16. Jeshpanova, D., Kadyrzhanov R. Gosudarstvennye simvoly i nacional'naja identichnost' Kazahstana // Ёl-Farabi-Al'-Farabi. 2014. № 2 (46).S. 98–106.

UDC 316.4

THE PROBLEM OF IDENTIFICATION OF THE POPULATION OF KAZAKHSTAN AND KYRGYZSTAN

Molodov Oleg Borisovich,

Institute of Socio-Economic Development of Russian Academy of Science, Senior Research Fellow, Cand. Sc. (History), Vologda, Russia.

E- mail: o_young8172@mail.ru.

Annotation

The article is devoted to the problem of identification of the population of Kazakhstan and Kyrgyzstan. The issue arises most acutely during the formation of new states in Central Asia. In the article the author tries to conduct a comprehensive study of the problems of identification of the population on the basis of statistical data and results of sociological research. The author analyses the various factors that shape national and religious identity of the inhabitants, as well as state symbols and place names, ethnic geography of Kazakhstan and Kyrgyzstan.

Key concepts:

identity, ethnic identity, religious identity, Central Asia.

УДК 124.5;

ЦЕННОСТНО-ЦЕЛЕВОЙ АСПЕКТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Лукин Анатолий Николаевич,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ,
Челябинский филиал,
доцент кафедры
государственного управления,
правового обеспечения государственной
и муниципальной службы,
кандидат культурологии, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: anlukin@mail.ru.

Аннотация

В статье раскрывается значение ценностей и целей в жизни общества и личности, рассматриваются результаты интенции сознания на определенные цели и ценности.

Ключевые понятия:
ценности,
цель,
интенция сознания.

Человеческое и социальное бытие по внутренней динамике существенно отличается от жизни всех других организмов. В остальной живой природе для серьезных изменений порой необходимы тысячи и миллионы лет. Человек же постоянно изменяет свой образ жизни, свою среду, самого себя. Креативная сущность человека наиболее полно проявляется в наши дни, когда социальное бытие фундаментально меняется уже при жизни одного поколения.

Причину социальных изменений следует искать в интенции общественного и индивидуального сознания. Аксиологический и телеологический аспекты позволяют понять различия в динамике социального бытия различных друг от друга культурных типов.

Телеология (от греч. «telos (teleos)» – результат, цель и «logos» – слово, учение) – «философское учение об объяснении развития в мире с помощью конечных, целевых причин, в современной методологии рассматривается как принцип объяснения, дополняющий традиционную причинность причинами-целями» [4, с. 854]. В истории философии целеполаганию отводилось разное место в причиняющей сфере развития: от признания того, что всем явлениям природы присуща имманентная потенциальная цель, которая реализуется в процессе их развития (Аристотель), до рассмотрения целесообразности как особого, эвристического принципа познания (И. Кант). Были также попытки полного исключения телеологического аспекта из причиняющей сферы развития (механицизм).

Телеологический аспект человеческого бытия тесно связан с аксиологическим. В истории философии ценностям придавался разный онтологический статус. Парменид, Платон, Августин и др. считали, что ценности принадлежат к вечному, неизменному, сверхчувственному бытию. Цель человеческой жизни, по мнению Платона, заключается во все большем приближении к высшей идее, к идее Блага. Отдельная личность, по мнению греческого мыслителя, приобретает какую-то значимость только в соотношении с безличным миром идей, где главенствующее положение занимают идеи «Блага», «Гармонии», «Истины», «Любови». Бессмертная душа ощущает себя «дома», только созерцая мир абсолютных ценностей и устремляясь к ним. Напротив, она теряет себя, когда опирается лишь на ограниченное по своим возможностям чувственное восприятие.

Большинство религиозных систем исходит из того, что иерархия ценностей задана Богом. При господстве подобных установок

обеспечивается высокая стабильность пирамиды ценностей. Человек должен принять ее как предписание свыше. Этот подход признает наличие универсальной системы ценностей. Отклонение от нее – это путь греха, нравственного падения, духовной деградации личности и социума.

В исследованиях представителей теории замкнутых локальных цивилизаций, в марксистской традиции и некоторых других подходах делается вывод о том, что источником возникновения ценностей является общественная жизнь. Для этих мыслителей характерно признание существования множества ценностных систем.

Ряд мыслителей, в числе которых Ф. Бренгано, В. Вунд, Д. Дьюи, Р. Пери и др., обосновывают принципиальное, на их взгляд, положение о том, что ценности связаны с человеческими чувствами, с переживаемыми индивидами ситуациями и с избирательным выделением значимых качеств и свойств только тех объектов или явлений, которые вовлечены в деятельность субъекта. Основанием возникновения ценностей являются потребности, с которыми соотносятся качества объектов и явлений мира через импульсы, исходящие из иррациональной стороны человеческого существа.

В. Дильтей, М. Вебер, О. Шпенглер, Т. Парсонс и др. отождествляют ценности с нормами и нормативными убеждениями, выработанными обществом в результате культурного развития. Это приводит к представлениям о надличностной (идеализированной) природе ценностей, об их принадлежности к миру культуры, порождающему все многообразие социокультурных ориентаций. Так, в одной культурной среде более высоко могут восприниматься духовные, а в другой материальные ценности. Для среднестатистического жителя Нидерландов однополюсные браки – результат освобождения личности от предрассудков, а для большинства россиян – это верный признак садомизации культуры.

В отличие от ранее рассмотренных точек зрения, для аксиологического трансцендентализма характерно понимание ценностей как того, что задано свыше. Это идеалы, возможно недостижимые, к которым стремятся люди. С позиций богословов, система ценностей дается человечеству от Бога через откровение. По Платонову, «образуя особое «царство смысла», такие высшие общезначимые ценности, как истина, красота, добро, оказываются, в конечном счете не постижимыми для науки. О смысле добра или истины можно сказать только то, что выше науки стоят: интуитивная ориентация

на абсолютные принципы интеграции всех предпочтений; идеальная «чистая норма», способная синтезировать все множество специфических норм; иррациональная ориентация, направленная на достижение трансцендентальных целей (нирвана, мистический экстаз, откровение, вера в Бога и т.д.» [2, с. 197].

Н. Гартман, М. Шелер, поздний В. Дильтей, поздний Г. Риккерт и др. стремятся освободить аксиологию от мистики, спиритуализма, и трансцендентального идеализма. В них «... ценность усматривается в предметности объективного порядка, которая обнаруживается в реальной действительности, в том числе в природе, осмысленной через дух созерцающего и оценивающего субъекта. Говоря иначе, ценностью становятся интенциональные предметы, которым придан и предзадан смысл» [2.С. 198]. Объективность и общезначимость ценностей в этом подходе выводится из закономерностей развития целостного мира.

Ценности задают вектор социокультурной активности человека. Вне зависимости от того, порождены ли они культурой или заданы трансцендентально, они позволяют связывать разные временные модусы (прошлое, настоящее, будущее); организуют пространство человеческой жизни, наделяя все элементы в нем аксиологической значимостью от профанного до сакрального; задают систему приоритетов, способы достижения социального признания, критерии оценки отдельных поступков индивида и человеческой жизни в целом; ориентируют человека в мире; обосновывают смысл человеческого бытия.

Человек живет в двух мирах одновременно – в объективной и субъективной реальностях. Между ними нет строгого соответствия. Нельзя считать субъективное лишь отражением объективного, даже если оно и является генетически вторичным (что тоже на протяжении многих столетий остается предметом философских дискуссий). В субъективной реальности помимо образа объективного мира может присутствовать его прошлое состояние (или множество его последовательных состояний) и модели будущего мира (или его фрагментов), а также фантазии, идеальные объекты и т.д.

Именно несоответствие этих миров ставит человека перед выбором: остаться в нынешнем объективном мире и оберегать его от изменений или, напротив, преобразовать мир в соответствии с неким идеальным проектом. Постоянная оценка объективного мира, его сравнение

с имеющимися в субъективной реальности идеальными моделями – это важнейшая сторона человеческого бытия. Ценностное отношение к миру – это отношение между представлением субъекта о том, каким должен быть оцениваемый объект и самим объектом. Целеполагание предполагает более высокую оценку идеального проекта, чем наличествующего объекта. Принятие цели индивидом становится началом изменения, как его самого, так и окружающей действительности. При этом цель – это предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия, это сила, изменяющая действительность. По А. Управителю, «субъект, нашедший цель, теряет тождественность с существующим положением, включает себя и подчиняет себя тому, чего еще нет в его наличной реальности». [3, с. 79]. Цель приводит стационарное сознание в движение, организует его как устремленность и направленность. После этого, через целенаправленную активность человек изменяет свое бытие. «Ценность, обеспечивая временную преемственность, позволяют разделить мир сущего («данность», с ее ресурсными ограничениями) и мир должного (независимо от ресурсных ограничений) и структурировать будущее как преодоление наличных условий, как мир ценностнообоснованных целей (не обязательно достижимых, но всегда определяющих вектора изменений и развития как возможный мир (возможные миры). Одновременно ценности вносят «метафизическое измерение» в мир человеческого бытия – они всегда абсолютны, как самодостаточные сущности, как кладущие «пределы» изменчивости, как «последние аргументы», не подлежащие обсуждению и оспариванию, в силу своей безусловности. «Метафизичность» ценностей усиливается, если они при этом трактуются как внеисторические (существующие в пространстве культуры) и (или) трансцендентные» [1, с. 1200].

Принятие цели означает разрыв с нынешним состоянием преобразуемой системы. Индивид осознает несоответствие мира своей сущности и в то же время ощущает способность преобразовать объективную действительность в соответствии с внутренними потребностями. Своей активностью человек переводит систему из стационарного в динамическое состояние. Начинается перестройка структуры системы, интенсифицируется ее обмен с внешней средой, веществом, энергией и информацией.

Индивид, осуществляющий достижение цели, находится в пути. Он «уже не здесь, но еще не там». Использование понятия «путь» в метафорическом смысле помогает нам понять экзистенциальные переживания субъекта изменения. Интенция сознания на цель становится главным условием прибытия личности в конечный пункт назначения. Человек может на «маршруте изменения» наметить промежуточные цели, своеобразные ориентиры-остановки. Достижение промежуточных целей способствует эмоциональной подпитке субъекта изменения. Промежуточная цель тем более значима, чем более она приближает человека в его понимании к конечной цели. Достижение промежуточной цели означает, что объект уже существенно изменился, приблизился к идеалу. Но это лишь «плацдарм», используемый для дальнейшего продвижения.

Объектом изменения может быть нечто внешнее, так и сам субъект. При этом всегда есть риск, что, если цель окажется недостижимой, то не всегда будет возможность вернуть систему в прежнее состояние. Возникает ситуация, когда «назад уже нельзя», а конечный пункт отсутствует вовсе. В этом случае, вероятнее всего, объект изменения рано или поздно окажется в новом стабильном состоянии, которое может существенно отличаться не только от начального, но и от планируемого. Слобноорганизованная система может выйти только на одну структуру-аттрактор из наличествующего дискретного спектра возможностей. Если среди возможных форм организации системы нет той, что планируется, то цель останется неосуществимой. Но недостижимые цели все равно изменяют социальную систему. Неосуществленный проект может стать причиной острого экзистенциального переживания человека, но это еще не значит, что усилия напрасны, а полученный результат не имеет никакой ценности (объективные и субъективные оценки могут существенно различаться). Подобное происходит и в общественной жизни. Пусть оказалось невозможным построить на земле «Град Божий», или «общество социальной справедливости». Это вовсе не означает, что происходившие в социуме изменения должны быть оценены однозначно как негативные. Интенция сознания на эти цели способствовала созданию величайших шедевров искусства, нового человека, нового типа общественных отношений. Принятие цели и человеческая активность по ее достижению переводят систему или ее элемент (который сам по себе тоже чаще

всего является сложноорганизованной подсистемой) из стабильного в динамичное состояние. В процессе достижения цели система рано или поздно достигает нового стабильного положения. Такой аттрактор является новым «эволюционным каналом» (Н. Моисеев). Описанная схема имеет место, например, в обществе при проведении социальных реформ. У личности подобное происходит при смене рода деятельности. И то и другое предполагает целеполагание как условие процесса изменения.

Как указывает А. Управителев, если различать антропологические системы по ценностному основанию, то стоит выделить антропологии сущего и антропологии должного. При этом, антропология должного – аксиологический проект человека, в котором речь идет не о том, что есть человек, а о том, каким он должен быть. Экзистенция разворачивается на основе ценностей какого-либо мировоззрения. Ценностные императивы антропологии должного рассматриваются как «средства создания человечности в человеке, способы обретения собственной сущности, пути действительной самоактуализации, условия достижения подлинности» [3, с. 38].

Тот факт, что бытие человека как духовного существа не является чем-то статичным, а предполагает всестороннее преобразование личности, ее внутреннего мира, образа жизни и мыслей, глубоко осмысливается и в богословии. Православие признает, что смысл и назначение христианского существования есть, по преподобному Серафиму, стяжание Духа Святого, есть устремление к Богу и соединение с ним. С.С. Хоружий, исследовавший исихазм, использует богословское понятие «обожение» для того, чтобы зафиксировать происходящие в человеческом бытии изменения при использовании этой необычной практики. Он пишет: «Исихастская практика направляется к обожению. И хотя полнота обожения принадлежит уже эсхатологическому и мета-антропологическому горизонту, но опыт высших ступеней исихастского подвига несет в себе уже явственные подступы и зачатки той трансформации человеческого существа, которая соответствует обожению. Обожение же есть не что иное, как некий особый пункт, топос, в котором сходятся и соединяются сферы подвига и святоотеческого учения, аскетике и патристике». [5]. Исихастская практика является одной из разновидностей практик, в которых человек занимается преобразованием себя. Сегодня в науке они называются «практиками себя». Этот термин ввел в научный оборот Мишель Фуко. По мнению С.С. Хоружего, «в пределах

«практик себя» исихастская практика относится к такому подклассу практик, в котором самопреобразование человека направляется к необычной и уникальной цели: к актуальному претворению человека в иной образ бытия, в «Инобытие», которое совершается действием благодатных энергий этого иного образа бытия. В философской лексике мы скажем, что самопреобразование человека направляется здесь к его актуальной онтологической трансформации» [5].

В этой связи вызывает сомнение постмодернистский проект освобождения человека от навязываемых ему религией, идеологией и традицией системы абсолютных ценностей.

При достижении всех целей и отсутствии новых социальная система перешла бы из динамического в стационарное состояние, что означало бы конец истории. Конечно, это невозможно, в том числе по причине несовпадения ценностной шкалы у разных людей и социальных групп. Если бы мы попытались представить детально ценностную картину социума, то она оказалась бы чрезвычайно сложной и противоречивой. Этим обеспечивается неравновесность сложноорганизованной социальной системы. В этом заключается вечный источник ее изменения.

Масштаб целей во многом определяет масштаб личности. При этом обеспечивается высокая динамика индивидуального развития. Напротив, бесцельная жизнь ассоциируется с неисторичностью, тупиковостью, ограниченностью. Для динамической социальной системы отсутствие целей дисфункционально.

Ценности образуют высший уровень иерархии предрасположенностей к определенному восприятию условий жизнедеятельности, их оценке и поведению как в актуальной (здесь-и-теперь), так и долгосрочной перспективе. Ценностные ориентации наиболее четко эксплицируются в ситуациях, требующих ответственных решений, влекущих за собой значимые последствия и предопределяющих последующую жизнь индивида. Ценностные ориентации обеспечивают целостность и устойчивость личности, определяют структуры сознания и программы и стратегии деятельности, контролируют и организуют мотивационную сферу, инструментальные ориентации на конкретные объекты и виды деятельности и общения как средство достижения целей. Таким образом, ценностные ориентации – это, прежде всего, предпочтения или отвержения определенных смыслов как жизнеорганизующих начал и готовность вести себя в соответствии с ними.

Посредством ценностей человек вписывает окружающий космос в свой внутренний мир. Принятие целей является важнейшим условием изменения общественной жизни. Целеполагание не только дополняет действие внешних причин, но и может выступать в качестве основной побудительной силы перевода социальной системы из стационарного в динамическое состояние. Пока сохраняется интенция общественного сознания на достижение цели, социум остается в динамическом состоянии. Если подобное происходит с индивидуальным сознанием, то преобразуется личность, изменяется окружающий ее мир. В качестве источника изменения, значимой цели-ценности может выступать стремление к идеалу. Иерархия идеальных целей задает вектор социального развития. Это будущее, присутствующее в настоящем.

1. Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. [Текст] – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001.

2. Платонов, В.И. Ценностный мир человека и его судьба [Текст] / В.И. Платонов // Двадцать лекций по философии. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Гос. юр-кой академии, 1996. – С. 196 – 197).

3. Управителей, А.Ф. Конструирование субъектности в антропологии С.Н. Булгакова. – Дисс. ... д. филос. н. [Текст] / А.Ф. Управителей. – Барнаул, 2001. – 205 с.

4. Философия. Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. [Текст] – М.: Гардарики, 2004.

5. Хоружий, С.С. «Богословие – исихазм – антропология». Лекция в Свято-Тихоновском университете. [Электронный ресурс] / С.С. Хоружий – www.patriarchia.ru (дата обращения 11. 09.2014).

References

1. Vsemirnaja jenciklopedija: Filosofija / Glavn. nauch. red. i sost. A. A. Gricanov. – М.: АСТ, Мн.: Harvest, Sovremennyj literator, 2001.

2. Platonov, V.I. Cennostnyj mir cheloveka i ego sud'ba / V.I. Platonov // Dvadcat' lekcij po filosofii. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. Gos. jur-koj akademii, 1996. – С. 196 – 197).

3. Upravitelev, A.F. Konstruirovanie subjektnosti v antropologii S.N. Bulgakova. – Diss. ... d. filios. n. – Barnaul, 2001. – 205 s.

4. Filosofija Jenciklopedicheskij slovar' / Pod red. A.A. Ivina. – М.: Gardariki, 2004.

5. Horuzhij, S.S. «Bogoslovie – isihazm – antropologija». Lekcija v Svjato-Tihonovskom universitete. [Electronic resource]. URL: www.patriarchia.ru (accessed:11. 09.2014).

UDC 124.5

VALUE AND PURPOSE ASPECTS OF HUMAN LIFE

Lukin Anatolij Nikolayevich,
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
Associate Professor
of the Department Chair
of State Management,
Legal Groundwork
of State and Municipal Service,
Candidate of Culturology,
Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: anlukin@mail.ru

Annotation

The author discloses the meaning of values and purposes in life of society and a person, the results of conscious intentions to the determined values and purposes.

Key concepts:

values, purpose,
conscious intention.

УДК 342.41

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В КОНСТИТУЦИОННО- ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Шишкин Владимир Викторович,

Университет Российской академии
образования,

Челябинский филиал,

доцент кафедры государственного права,

г. Челябинск, Россия.

E-mail: vlaviktor@mail.ru

Аннотация

В статье доказывается недопустимость одностороннего использования концепции позитивного права в исследованиях Конституции России и необходимость учета в качестве основы таких исследований аксиологической оценки содержания Конституции.

Ключевые понятия:

Конституция России;
аксиологический подход;
позитивное право;
социокультурные ценности

Современное состояние российского общества в целом и российской государственности резко обозначило проблему использования аксиологического подхода в теоретико-правовых исследованиях.

Для советского периода развития правовой науки применение аксиологического подхода сводилось к признанию права в качестве самостоятельной ценности. В подтверждение можно сослаться на твердую позицию В.С. Нерсесянца, который, основываясь на концепцию позитивного права, утверждал, что в праве создаются собственные ценности, которые затем признаются и применяются в разных областях жизни [4. с. 28], тем самым отрицая присутствие социокультурных ценностей в праве. По его мнению, попытки выявления в праве социальных ценностей приводят к тому, что «проблематика правовой ценности закона (позитивного права) и государства подменяется их нравственной (моральной, религиозной) оценкой и соответствующим требованием того или иного (неизбежно-релятивного, частного, особенного) нравственного или смешанного нравственно-правового содержания позитивного права и государственной деятельности» [5. с. 59]. Необходимо отметить, что такую позицию отстаивает не только В.С. Нерсесянц. Близкую по смыслу позицию высказывает И.Д. Мишина, которая отрицает социальную сущность категории «ценности» [3. с. 29, 79].

Пренебрежительное отношение к собственной ценности права, конечно же, недопустимо. Здесь уместно привести мнение А.В. Кашепова, указывающего, что «самым общим образом собственную ценность права можно определить как выражение социально организованной формы, следование которой обеспечивает воспроизводство правовых состояний правовыми средствами, вследствие чего рождаются новые возможности и большая свобода для саморазвития человека и развития общества» [2. с. 23].

В советский период развития российской государственности, в условиях реализации классового подхода к сохранению правопорядка, основанного на насилии, более глубокого, тщательно обоснованного применения ценностного подхода к общеправовым исследованиям и не имело смысла. Ценности не взращивались в недрах общества, а определялись властвующим, количественно-ограниченным и закрытым сообществом. Впоследствии эти ценности закреплялись в праве через де-

тельность подконтрольных властвующему сообществу законодательных органов, благодаря чему становились ориентирами общественного развития.

В условиях современной общественно-политической ситуации в России невозможно оставить без внимания то, что право имеет не только инструментальную ценность, а одновременно является формой выражения тех общепризнанных ценностных ориентиров, которые обеспечивают свободное целенаправленное развитие общества.

В основу использования аксиологического подхода в современном теоретико-правовом исследовании можно положить тезисы, сформулированные А.В. Кашеповым:

- ценность каждой правовой нормы, каждого правового инструмента каждый раз определяется конкретно-исторически;
- ценность права невозможна вне контекста деятельности субъектов права, организационных сил, соответствующих институтов по созданию и реализации права [2. с. 22].

Такого же мнения придерживается и М.В. Пресняков, который в обоснование применения аксиологического подхода указывает, что «ценностный, или аксиологический, подход исходит из того, что все социальные действия человека так или иначе опосредованы системой ценностных установок, существующих в данном обществе в конкретный исторический период» [6].

Почему, определяя ценность права, необходимо учитывать конкретно-исторический период его формирования и учитывать реалии процесса его создания? Потому что на процесс формирования права и на содержательное наполнение права оказывают воздействие существующие в обществе социокультурные ценности, а они в различные исторические периоды различны.

Следует признать, что общество существует в сложной системе отношений, выражающих самые различные по характеру и содержанию связи между элементами общества. Причем, при более глубоком рассмотрении, обнаруживается, что эта система в свою очередь состоит из не менее сложных подсистем. Так как каждая из подсистем представляет собой лишь отдельную часть общей системы, выделя-

емую лишь по формальным признакам, соответственно, каждая из подсистем испытывает непрестанное давление, влияние со стороны других подсистем. В качестве таковых подсистем, в рамках настоящей работы, можно назвать, с одной стороны, право, а с другой стороны – социокультурные связи. Социум воздействует на формирование права (при условии поддержания относительной свободы), внедряя в него общепризнанные ценности; право в свою очередь, воздействуя на социум через властные механизмы, признание этих ценностей всеми элементами социума делает обязательным. При этом «культурологический подход к восприятию права не исключает из его образа инструментальной составляющей. Право продолжает рассматриваться в качестве средства социальной регуляции и защиты» [1. с.4].

Установив ограниченность позитивистского подхода в целом к праву, как к одной из подсистем социума, возникает необходимость установления отраслевой направленности аксиологических исследований. И здесь обнаруживается очень яркая деталь, которая безосновательно оставлена без внимания исследованиями в области права. Конституция Российской Федерации*, впервые в истории принятия актов такого уровня в России, не содержит в своем названии сочетания «основной закон». На наш взгляд, отсутствие указанного словосочетания необходимо расценивать как прямое указание на то, что Конституция России в первую очередь является не актом, закрепляющим правовые нормы, а актом, формулирующим ценности, которые должны быть конкретизированы и закреплены через отраслевое законодательство. Кроме того, необходимо по-новому оценить такую конструкцию, использованную в Конституции России, как «неотчуждаемые права человека». В качестве неотчуждаемых могут выступать только те права и свободы, которые никем не предоставляются, которые являются сущностными свойствами человеческой личности.

В совокупности даже указанные две особенности Конституции России свидетельствуют о признании российской юриспруденцией концепции естественного права. Конституция России при этом в определенном смысле выступает как документ фор-

*Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31, ст. 4398.

мулирующий идеологические ценностные ориентиры российского общества, определяет содержание российского национального законодательства. И, соответственно, исследование содержания Конституции России не только не может быть достаточным без применения аксиологического подхода, но, напротив, уяснение содержания конституционно закрепляемых ценностей является исходным этапом конституционно-правовых исследований.

Признание ценности права в целом и зависимости ее от степени реализации в праве социокультурных ценностей приводит к выводу о том, что высшей ценностью обладают нормы, содержащиеся в конституционных актах.

1. Балаянц, М.С. Сущность ценностного подхода к праву // История государства и права. 2007. № 3.
2. Кашепов, А.В. Рынок труда: проблемы и решения. – М.: Научный эксперт, 2008.
3. Мишина, И.Д. Нравственные ценности в праве: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 1999.
4. Нерсесянц, В.С. Философия права. М., Юрист, 1998.
5. Нерсесянц, В.С. Философия права. 2-е изд., перераб. и доп. М., Юрист, 2006.
6. Пресняков, М.В. Конституционная аксиология: к вопросу о сущности конституционных ценностей [Электронный ресурс] // <http://www.nauka-pravo.ogr/m/articles/view/> (дата обращения 22.05.2014).

References

1. Balajanc, M.S. Sushhnost' cennostnogo podhoda k pravu [The essence of evaluative approach to law] // Istorija gosudarstva i prava. 2007. № 3.
2. Kashepov, A.V. Rynok truda: problemy i reshenija [Labor market: problems and solving]. M.: Nauchnyj jekspert, 2008.
3. Mishina, I.D. Nravstvennye cennosti v prave: diss. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg. 1999.
4. Nersesjanc, V.S. Filosofija prava. M., Jurist, 1998.
5. Nersesjanc, V.S. Filosofija prava. 2-e izd., pererab. i dop. M., Jurist, 2006.
6. Presnjakov, M.V. Konstitucionnaja aksiologija: k voprosu o sushhnosti konstitucionnyhcennostej [Electronic resource] // <http://www.nauka-pravo.ogr/m/articles/view/> (accessed: 22.05.14).

UDC 342.41

AXIOLOGICAL APPROACH TO CONSTITUTIONAL AND LEGAL STUDIES

Shishkin Vladimir Viktorovich,

University of the Russian Academy of Education, Chelyabinsk branch, Associate Professor of the Department Chair of Public Law, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: vlaviktor@mail.ru

Annotation

In this paper the author proves the inadmissibility of unilateral use of the concept of positive law in the research of the Russian Constitution and the need to consider as the basis of such research axiological evaluation of the content of the Constitution.

Key concepts:

Russian Constitution, axiological approach, positive law, socio-cultural values.

УДК 154.2: 378

ПРОБЛЕМА ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СЛУШАТЕЛЕЙ КУРСОВ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Савченков Алексей Викторович,

Челябинский государственный
педагогический университет,
доцент кафедры
подготовки педагогов
профессионального обучения
и предметных методик,
кандидат педагогических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: alex2107@mail.ru

Аннотация

В данной статье обосновывается актуальность проблемы развития эмоциональной устойчивости слушателей курсов повышения квалификации в системе дополнительного профессионального образования, а также влияние эмоциональной устойчивости на социокультурное самоопределение личности, уточняются ведущие понятия исследования, его структурные компоненты, теоретико-методологическая основа. Статья имеет интегративно-целевой характер, расширяет возможности вариативности методологических подходов, методов и приемов развития эмоциональной устойчивости слушателей курсов повышения квалификации в системе непрерывного повышения квалификации, системности, целостности и гибкости организации этого процесса.

Ключевые понятия:

эмоциональная устойчивость, устойчивость, показатели эмоциональной устойчивости, компоненты эмоциональной устойчивости, социокультурное самоопределение личности.

Закон РФ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в качестве одной из основных задач называет «удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии», что требует гибкой переориентации целей, содержания, организационных структур и методов обучения с абстрактно понимаемого «социального заказа», детерминированного общественной целесообразностью и социокультурными обстоятельствами, на нужды и запросы самого развивающегося общества.

Социокультурное самоопределение мы рассматриваем как базовый элемент процесса формирования и развития личности, который задает систему значимых ориентаций на достижение желаемого уровня в структуре социальных отношений. В широком смысле личностное самоопределение является детерминантой социального. Социокультурное самоопределение, как результат усвоения социальных ценностей, является основой для профессионального самоопределения личности. В ходе данного процесса вырабатываются требования к определенной области профессиональной деятельности, развивается профессиональная субъектная позиция, формируется профессиональная идентичность. По нашему мнению, система непрерывного повышения квалификации способствует социокультурному самоопределению слушателей курсов.

Основной целью дальнейшего реформирования является создание эффективной системы управления образованием, обеспечивающей высокое качество образования, его многообразие и ориентацию на удовлетворение запросов личности и общества. В связи с этим система образования должна способствовать развитию эмоциональной устойчивости слушателей курсов повышения квалификации с целью повышения эффективности их обучения. Несоответствие между уровнем реальной и должной подготовки педагогических кадров в системе дополнительного профессионального образования сегодня очевидно, как и то, что система дополнительного профессионального образования только тогда оправдывает социальные ожидания, когда обеспечивает «опережающую» подготовку слушателей курсов.

Анализ педагогической и психологической деятельности преподавателей вузов показал, что одним из значимых факторов регуляции действий является эмоциональная устойчивость. Вместе с тем регулятивная функция эмоций оставалась и продолжает

оставаться вне поля зрения многих исследователей. Эмоциональная устойчивость является важной составляющей эмоционально-волевого компонента психологической подготовленности личности к различным видам деятельности; обеспечивает эффективное развитие других компонентов деятельности – в том числе мотивационного, гностического и оценочного. Значение эмоциональной устойчивости в успешной деятельности педагога обуславливается ролью эмоций и их влиянием на познавательные процессы, на качество этой деятельности. Особую актуальность приобретает проблема развития эмоциональной устойчивости для профессиональной деятельности педагога. Эмоциональная устойчивость, как одно из профессионально значимых качеств и личностных особенностей педагога, отражает уровень его профессиональной готовности и является критерием эффективности деятельности.

Анализ широкого круга теоретических источников (Л.М. Аболин, Б.Х. Варданян, Дж.П. Гилфорд, П.Б. Зильберман, Р.Б. Кеттелл, Н.В. Кузьмина, В.Л. Марищук, А.К. Маркова, Е.А. Милерян, Л.М. Митина, А.Е. Ольшанникова, С.М. Оя, В.М. Писаренко, Я. Рейковский, О.А. Сиротин, П. Фресс и др.) свидетельствует о том, что в науке наработана значительная теоретико-методологическая база для решения проблемы развития эмоциональной устойчивости слушателей курсов повышения квалификации в системе дополнительного профессионального образования.

Особое направление составляют исследования, посвященные профессионально значимым качествам как условиям эффективности деятельности учителя (А.К. Маркова, Л.М. Митина, Н.В. Кузьмина, Ю.Н. Кулюткин, А.И. Щербаков и др.); связи эффективности профессиональной деятельности с личностными особенностями её субъекта (Л.Н. Анцыферова, Е.А. Климов, Г.С. Никифоров, К.К. Платонов и др.).

Физиологическое объяснение эмоций мы находим в работах (теория В. Вундта; концепция Линдсея-Хебба и др.); эмоции в контексте теории психоанализа (Д. Раппорт, Р. Клейн и др.); теоретические представления о природе эмоций (К. Роджерс, Г. Арнольд); эмоции и мотивационная система человека (С. Томкинс, К. Изард); регуляторная роль эмоций в осуществлении психических функций (В.К. Вилюнас, С.Л. Рубинштейн, А.М. Свядош, Б.М. Теплов, Д.Н. Узнадзе и др.).

Вместе с тем значительной трудностью является рассогласование теоретическо-ме-

тодологических подходов, отсутствие целостной системы развития эмоциональной устойчивости слушателей курсов повышения квалификации в системе дополнительного профессионального образования, а также произвольность в выборе методов и форм развития эмоциональной устойчивости. Всё это позволяет считать проблему актуальной для осмысления педагогической наукой и побуждает к созданию новых технологий обучения педагогов в системе дополнительного педагогического образования.

Устойчивость – это способность человека сохранять в различных условиях социальной нестабильности личностные позиции, владеть определёнными механизмами защиты по отношению к воздействиям, чуждым его личностным взглядам, убеждениям и мировоззрению в целом. Направленность личности является одним из проявлений её устойчивости. Она представляет собой совокупность потребностей и интересов личности, которые сосредоточены вокруг единого центра и являются одним из факторов саморегуляции поведения индивида.

Эмоциональная устойчивость должна сочетаться с гибким управлением эмоциональным состоянием – способностью человека создавать произвольно нужное настроение, изменять уровень эмоционального возбуждения. Это дает возможность, корректируя эмоции, делать их адекватными (по виду и силе) к конкретной ситуации, что позволяет, в частности, с одной стороны – экономить нервную энергию, с другой – использовать эмоциональную самостимуляцию (целенаправленное повышение уровня эмоционального возбуждения для увеличения работоспособности) для более полного использования своих потенциальных возможностей [7].

Эмоциональная устойчивость должна сочетаться с гибким управлением эмоциональным состоянием – способностью человека создавать произвольно нужное настроение, изменять уровень эмоционального возбуждения. Это дает возможность, корректируя эмоции, делать их адекватными (по виду и силе) к конкретной ситуации, что позволяет, в частности, с одной стороны, экономить нервную энергию, с другой – использовать эмоциональную самостимуляцию (целенаправленное повышение уровня эмоционального возбуждения для увеличения работоспособности) для более полного использования своих потенциальных возможностей [1].

В ходе многолетних исследований В.М. Писаренко пришел к выводу о том,

что причинами эмоциональной устойчивости являются:

1) особенности личности;

2) вид и характер протекания мыслительной и практической деятельности личности;

3) качества используемых личностью способов целенаправленного регулирования своего эмоционального состояния.

В трудах отечественных психологов существует четыре подхода к пониманию эмоциональной устойчивости: первый подход основные психологические факторы эмоциональной устойчивости выносит за ее пределы и усматривает их, прежде всего в волевых качествах, второй подход считает ее следствием интеграции разных психических процессов и явлений, третий подход при рассмотрении эмоциональной устойчивости имеет в виду резервы нервно-психической энергии, четвертый – прежде всего качества и свойства самого эмоционального процесса в сложной для человека ситуации [3].

Соглашаясь с мнением М.И. Дьяченко, мы считаем, что показателями эмоциональной устойчивости являются:

1) правильное восприятие обстановки, ее анализ, оценка, принятие решений (в этом плане эмоциональная устойчивость связана с таким психологическими процессами, как внимание, мышление);

2) последовательность и безошибочность действий по достижению цели, выполнению функциональных обязанностей (связь эмоциональной устойчивости с мышлением);

3) поведенческие реакции – точность и своевременность движений, громкость, тембр, скорость речи, ее грамматический строй (связь с моторной памятью);

4) изменения во внешнем виде – выражение лица, взгляд, мимика пантомимика, тремор конечностей и т.д. [3].

В своем исследовании мы под «эмоциональной устойчивостью педагога» понимаем интегративное свойство личности, включающее в свою структуру эмоциональные, волевые, интеллектуальные и мотивационные компоненты психической деятельности, а также готовность к распознаванию эмоций и управлению эмоциональными состояниями других участников образовательного процесса. Можно констатировать, что эмоциональная устойчивость – это интегративное свойство личности, включающее в себя эмоциональный, волевой, интеллектуальный и мотивационный компоненты. Эмоциональный компонент характеризуется мерой чувствительности

субъекта к критическим ситуациям жизнедеятельности, уровнем его возбудимости, тревожности, степенью выраженности эмоциональных переживаний. Интеллектуальный компонент характеризуется степенью выраженности интеллектуальных эмоций, определяющих познавательную активность индивида по самоорганизации и саморегуляции поведения. Мотивационный компонент эмоциональной устойчивости характеризуется системой мотивов, направленных на преодоление психологических барьеров, возникающих в напряженной ситуации. Волевой компонент определяется как внутренний или интернальный контроль личности за своим поведением, способность принимать ответственность за свои действия на себя, управлять своими эмоциями, осуществлять самоконтроль и самооценку.

Система непрерывного повышения квалификации предполагает наличие трех уровней. Основным критерий эффективности системы повышения квалификации – переход слушателей курсов повышения квалификации с одного уровня на другой.

В качестве показателей развития эмоциональной устойчивости слушателей курсов повышения квалификации в системе повышения квалификации нами выделены:

– уровень фонда психолого-педагогических знаний;

– степень участия в упражнениях по развитию эмоциональной устойчивости;

– уровень специфики применения психолого-педагогических знаний при развитии эмоциональной устойчивости

– уровень проявления партисипативности;

– степень овладения педагогом толерантным общением.

В качестве критериев развития эмоциональной устойчивости педагогов в системе повышения квалификации нами выделены: степень усвоения психолого-педагогических понятий, понимание профессиональной терминологии, степень владения педагогическими, психологическими и управленческими умениями и навыками, характер вариантов принятия решений, умение контролировать свое эмоциональное состояние, эмпатичность, точность выполнение заданий, своевременность движений, выражение лица, взгляд, мимика, грамматический строй речи, темби и скорость речи, уважительное отношение к позиции и ценностям других участников образовательного процесса, формирование представлений о себе как о субъекте образовательного

процесса, положительное, эмоциональное, устойчивое отношение к педагогической деятельности

1-й уровень: стартовая актуализация. Обучение осуществляется в интерактивных формах, обучающиеся отрабатывают новые технологии преподавания, отбирает методы и приемы обучения. Параллельно с обучением на курсах обучающийся проводит занятия в студенческих группах, применяя новые знания. На первом уровне обучающийся приращивает знания об эмоциональной устойчивости; появляется потребность в развитии своей эмоциональной устойчивости, осознанность применения психолого-педагогических знаний для развития эмоциональной устойчивости, обучающийся курсов на занятиях со студентами применяет партисипативные методы обучения. В контексте практического обучения рождается особая педагогическая деятельность – «обобщение опыта обучения», которая заключается в сопоставлении разных процедур обучающей деятельности и выделение из них наиболее эффективных приемов.

2-й уровень. Выпускник системы курсов повышения квалификации – активный участник внутривузовских курсов повышения квалификации (чтение лекций, проведение семинаров и практических занятий в интерактивной форме). Педагог знаком с теорией развития эмоциональной устойчивости. Во время проведения лекций и занятий преподаватель активно взаимодействует с другими участниками упражнения. Открыто выражает свои эмоции. Преподавателю удается проанализировать собственное эмоциональное состояние во время проведения упражнений. Демонстрирует высокую способность к адекватной самооценке и анализу своей деятельности и высокий уровень притязаний, будущие педагоги проявляют навыки саморегуляции и самоорганизации. Проявление партисипативности характеризуется частичной направленностью на развитие эмоциональной устойчивости. Этап завершается мониторингом и представлением в Совет по научно-методическому обеспечению НИР послевузовского и дополнительного образования учебно-методических комплексов, курсов по выбору, для получения сертификата, лицензии на право проведения их в системе образования.

3-уровень. Программно-целевое фасилитативное управление повышением квалификации: преподаватель вуза – организатор авторских (проблемных) курсов.

Работает на основе сертификата, полученного по решению Совета по научно-методическому обеспечению НИР послевузовского и дополнительного образования. Педагог ярко проявляется способность предвидеть и преодолевать сложные жизненные ситуации, сохраняя при этом эмоциональную стабильность. Проявление партисипативности характеризуется устойчивым стремлением строить общение с слушателями курсов повышения квалификации, учитывая их индивидуальные особенности. Педагог демонстрирует способность к адекватной самооценке, умение анализировать свои действия, проявляют познавательную активность, психологическую готовность адекватно реагировать на жизненные трудности. Педагог уважительно относится к позиции и ценностям других участников образовательного процесса, проявляет эмпатичность, некатегоричность суждений, умение использовать вариативные коммуникативные стратегии. Самоактуализация – важное условие инновационного поведения преподавателя во внешней образовательной среде, социуме.

В то же время итоги нашей исследовательской работы позволяют сформулировать следующее: возможности образовательного процесса в системе дополнительного профессионального образования для развития эмоциональной устойчивости педагогов далеко не исчерпаны. Не все аспекты данной проблемы изучены нами с достаточной степенью полноты, однако общий подход к построению модели развития эмоциональной устойчивости педагогов в системе дополнительного педагогического образования апробирован, и он дал положительные результаты. Наряду с этим мы считаем, что существует ряд вопросов, требующий более углубленного и серьезного изучения. Такими, с нашей точки зрения, являются выявление новых факторов и условий успешного развития эмоциональной устойчивости педагогов; детальная разработка методико-технологического обеспечения процесса развития эмоциональной устойчивости профессорско-преподавательского состава. С точки зрения этих направлений мы и будем продолжать дальнейшее исследование.

1. Бреслав, Г.М. Психология эмоций: учебник для вузов / Г.М. Бреслав. – М.: Академия: Смысл, 2004. – 542 с.

2. Дудина, Л.И. Концептуальные основы разработки и внедрения многоуровневой системы непре-

рывного повышения квалификации профессионально-педагогических кадров: моногр. / В.В. Латышин, В.В. Базелюк, Р.С. Димухаметов, Л.И. Дудина. – Челябинск: ООО «РЕКПОЛ», 2009. – 189 с.

3. Дьяченко, М.И. О подходах к изучению эмоциональной устойчивости / М.И. Дьяченко, В.А. Пономаренко // Вопросы психологии. – 1990. – № 1. – С. 106 – 112.

4. Загвязинский, В.И. Практическая методология педагогического поиска / В.И. Загвязинский. – Тюмень: Легион-Групп, 2005. – 74 с.

5. Митина, Л.М. Эмоциональная гибкость учителя: психологическое содержание, диагностика, коррекция / Л.М. Митина, Е.С. Асмаковец – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2001. – 192 с.

6. Никитина, Е.Ю. Педагогические управления коммуникативным образованием студентов вузов: перспективные подходы / Е.Ю. Никитина, О.Ю. Афанасьева. – М.: МАНПО, 2006. – 154 с.

7. Чудновский, В.Э. Становление личности и проблема смысла жизни / В.Э. Чудновский – М, Модэк, 2006. – 768 с.

References

1. Breslav, G.M. Psihologija jemocij: uchebnik dlja vuzov / G.M. Breslav. – М.: Akademija: Smysl, 2004. – 542 s.

2. Dudina, L.I. Konceptual'nye osnovy razrabotki i vnedrenija mnogourovnevoj sistemy nepreryvnogo povyshenija kvalifikacii professional'no-pedagogicheskikh kadrov: monogr. / V.V. Latjushin, V.V. Bazeljuk, R.S. Dimuhametov, L.I. Dudina. – Cheljabinsk: ООО «РЕКПОЛ», 2009. – 189 s.

3. D'jachenko, M.I. O podhodah k izucheniju jemocional'noj ustojchivosti / M.I. D'jachenko, V.A. Ponomarenko // Voprosy psihologii. – 1990. – № 1. – С. 106 – 112.

4. Zagvjazinskij, V.I. Prakticheskaja metodologija pedagogicheskogo poiska / V.I. Zagvjazinskij. – Tjumen': Legion-Grupp, 2005. – 74 s.

5. Mitina, L.M. Jemocional'naja gibkost' uchitelja: psihologicheskoe sodержание, diagnostika, korrekciya / L.M. Mitina, E.S. Asmakovec – М.: Moskovskij psihologo-social'nyj institut: Flinta, 2001. – 192 s.

6. Nikitina, E.Ju. Pedagogicheskie upravlenija kommunikativnym obrazovaniem studentov vuzov: perspektivnye podhody / E.Ju. Nikitina, O.Ju. Afanas'eva. – М.: МАНПО, 2006. – 154 s.

7. Chudnovskij, V.Je. Stanovlenie lichnosti i problema smysla zhizni / V.Je. Chudnovskij – М, Modjek, 2006. – 768 s.

UDC 154.2:378

THE PROBLEM OF EMOTIONAL STABILITY OF STUDENTS OF PROFESSIONAL TRAINING COURSES AND ITS INFLUENCE ON THEIR SOCIO-CULTURAL SELF IDENTITY

Savchenkov Aleksey Viktorovich,
Chelyabinsk State Pedagogical University,
Associate Professor
of the Department Chair
of Training Teachers
of Vocational Training
and Subjects Methodic,
Cand. Sc. (Pedagogy),
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: alex2107@mail.ru

Annotation

The author of the article proves the relevance of the problem of development of emotional stability of students in the system of additional vocational training, as well as the influence of emotional stability on socio-cultural self identity, clarifies basic research concepts, its structural components, theoretical and methodological framework. Article is integrative-targeted; it enhances the variability of methodological approaches, methods and techniques of emotional stability of students in continuing professional development, system, integrity and flexibility in the organization of the process.

Key concepts:
emotional stability,
sustainability,
indicators of emotional stability,
the components of emotional stability,
socio-cultural self identity.

УДК 37.013.76

ЗАБОТА ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ: НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ VS ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СЕБЯ В ПЕРИОД МЕТАМОДЕРНА*

Безрогов Виталий Григорьевич,
Институт теории и истории педагогики,
главный научный сотрудник,
доктор педагогических наук,
г. Москва, Россия.
E-mail: v_bezrog@rambler.ru

Пичугина Виктория Константиновна,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
доцент кафедры педагогики,
кандидат педагогических наук, доцент,
г. Волгоград, Россия.
E-mail: Pichugina_V@mail.ru.

Аннотация

Статья посвящена вопросам становления и развития педагогических представлений об образовании, проходящем через всю жизнь человека и существенно меняющим его понимание самого себя. В начале третьего тысячелетия такое образование представляет собой особую «заботу о себе» – заботу об идентичности в эпоху метамодерна. Истоки такого понимания находятся в Античной эпохе, выдвинувшей на первый план концептуальную идею заботящегося о себе человека, умеющего осуществлять образовательную заботу о собственной идентичности. Генезис и модификация категории «заботы о себе» показаны как опора античных и современных стратегий непрерывности в реализации образовательных маршрутов людьми разного возраста.

Ключевые понятия:

забота о себе, идентичность,
непрерывное образование,
образовательное проектирование
себя.

Одним из ключевых вопросов последних десятилетий стал вопрос о том, что приходит с окончанием постмодерна и какие черты приобретают науки в стадии «после пост». Выявляя черты, которые исчерпали или, напротив, еще далеко не исчерпали себя в новых реалиях, представители разных научных школ и направлений стремятся понять, на фоне чего проступает метамодерн. Возможно, он проступает не как принципиально новое, но как производное от существующего в постмодерне, который В. Вельш определил как «нарушение границ в социальной и институциональной сферах», начинающееся «разрушением целого, но не с выдачей лицензии на хаотизацию, а в предоставлении широкого выбора дифференций» [3]. Индугенция на «разрушение целого», выданная постмодерном, распалась на множество позволений, приемлемых для философии, науки, культуры и образования, дарующих многое, только не сохранение индивидом устойчивого стандарта собственного «я». Целенаправленный поиск собственного «я» путем самопознания, саморазвития, самопонимания, самосовершенствования и ряда других «само-» оказался связанным с понятием «забота». М. Хайдеггеру удалось убедительно обосновать то, что существование человека во внешнем мире обусловлено изменениями его внутреннего мира, которые пронизаны особым отношением («заботой») к окружающей реальности и самому себе. Все современные требования к человеку, по Хайдеггеру, продиктованы ключевой заботой о возвращении человека его существу. Она проступает поверх всех повседневных забот: «Сколь бы расколотой... ни казалась повседневность, она... содержит в себе сущее как единство “целого”» [12, с.20].

Согласно Ж. Бодрийяру, современный человек ищет спасения в повседневности и заботится о сохранении своей идентичности, даже когда чувствует себя абсолютно беззаботным в спонтанно меняющемся мире, который утратил точку опоры и оторвался от реальности, разорвав привычную целостность во имя «непрерывного транзита возможностей выбора». По его мнению, современность представляет собой гигантский симулякр, который уже никогда не будет иметь ничего общего с

* Работа над статьей поддержана грантом РГНФ 14-06-00315а. Термином «метамодерн» авторы пытаются определить эпоху, наступающую после периода постмодерна. Мы сформировали данное понятие из термина «метамодернизм», предложенного М. Заварзадехом (см.: Zavarzadeh M. The Apocalyptic Fact and the Eclipse of Fiction in Recent American Prose Narratives // Journal of American Studies, 9:1, 1975. P. 69–83).

реальным, потому что обращен только сам на себя. Все это, по Ж. Бодрийяру, пугает своей невозмутимой непрерывностью и сходством с «тревожной необычностью пустыни» – пространством, где нет человека, «где лишь ветер вздымает песок, где лишь ветру есть дело до песка» [2]. Выстраивая «стратегию реального», Ж. Бодрийяр указал на древнегреческую традицию, в которой презентации всегда противопоставлена симуляция. Симулякры изначально были присущи искусству и выполняли следующую задачу – оправдать неточности, которые неизбежно возникают при художественном отражении реальности. Постепенно симулякры проникли в науку и превратились в искусственные познавательные образы, которые взамен способности примирять человека с неточностями в отражении изучаемой реальности (поскольку в науке таковых быть не должно) обрели способность препятствовать ее адекватному отражению. Подчеркнув, что симуляция, которая ставит познающего в тупик и подменяет истинное ложным, тревожила еще Платона, Ж. Бодрийяр оставил без внимания контекст этой тревоги. Древнегреческий мыслитель отграничивал презентацию от симуляции, сплавления повседневную и педагогическую реальность и выдвигая на первый план идею о заботящемся о себе человеке – человеке, который в течение всей жизни образовательной активностью препятствует исчезновению себя. Платоновская «забота о себе» привлекает педагогов, уставших от того, что современному человеку достаточно обладать симулякрот «непрерывное образование», а не тем, что он «на самом деле» симулирует.

Непрерывное образование vs исчезновение себя: античный проект «заботы о себе»

В диалогах Платона описаны две оппозиционные стратегии, которые включали пути и способы непрерывности образования для заботящегося о себе человека. В диалоге «Софист» Платон определяет софистов как людей, зарабатывающих себе на жизнь особым искусством – «искусством подражания», которое они перенесли из живописи в педагогику (236b–236e). Софист, по Платону, – это «платный охотник за молодыми и богатыми людьми», «торговец своими и чужими знаниями», «чародей», человек, «занятый забавой», «обманщик», «подражатель мудрецу».

Это наставник, который подобен художнику, потому что обладает способностью «творить образы» и «создавать призрачные подобию», искажая реальное. Его ученики, настаивает Платон, никогда не научатся истинной мудрости и должны понимать, что софисты стремятся к «мнимому воспитанию». Конкурентом софистов, Платоном, дана им однозначная оценка: софисты лишь подражают неким истинным наставникам (собственно, мудрецам) и излишне абсолютизируют переход ученика из «дурного состояния души» в «хорошее состояние»: «...вот эту-то видимость некоторые по неопытности называют истинной, я же скажу, что одно лучше другого, но ничуть не истиннее» [9, с. 266]. Платон концентрировался на идее души как таковой, показывая, что выше прагматики хорошего состояния есть кое-что еще. Вопрос, как нам кажется, был шире, нежели просто полемика с раздражавшими философа учителями молодежи об иерархии качеств и возможностей воспитуемых душ. Платон говорит о педагогике софистов как о симулякре, в центре которого ученик, умеющий оперировать понятиями, но не знающий их истинного значения. Платон указывает, что ученики софистов принимают сиюминутную «игру слов» о «хорошем состоянии души», которое истиннее ее «дурного состояния», за общий «умственный закон», не достигая глубин образовательного успеха, а теряя самих себя.

Альтернативой софистике Платон демонстрирует педагогику Сократа, который в борьбе с софистами определил сущность «заботы о себе», прививаемой уже взрослому ученику, как способность работать на изменение своих качеств, а не состояний. Платоновский Сократ убеждает собеседников в необходимости «заботы о себе» – особой образовательной деятельности, которая активизирует внутренние резервы того, кто ее осуществляет, и ориентирует на самообновления в течение длительного времени. Такая деятельность под контролем наставника способствует переходу самоконтролирующей души в самоконтролирующую душу (от «somo» – тело), угодную как богам, так и другим людям. Это процесс включал в себя, по В.Г. Хлебникову, два шага: «исследование себя с целью определения того, какой должна быть “правильная” диспозиция души», и «определенные действия, направленные на достижение этого “упорядоченного состояния”», поскольку правильная диспозиция для древнего грека – это упорядоченность, соответствие красоты души красе

космоса, гармоничного в своем эстетически красивом порядке мира [13, с. 101]. Сократ вовлекал в диалог любого, кто откликнулся на этот призыв, вынуждая отвечать на цепочку заранее продуманных вопросов, обнаруживать фрагментарность своих представлений, вступать в противоречие с самим собой, осуществляя направленный интеллектуальный поиск, и тем расширять свои представления о ключевых понятиях («истина», «мудрость», «справедливость» и др.). По Платону, образовательный успех учеников Сократа обусловлен умением проявлять «заботу о себе», т.е. осуществлять образовательную заботу о собственной идентичности. Сократ, как и софисты, предлагал ученикам двигаться от одного состояния души к другому через образование, однако его «заботливая» педагогика давала ориентиры, не позволяющие, чтобы означавшее стало более реальным чем то, что оно обозначает. На то, что софисты, в свою очередь, полагали педагогику Сократа симулякр, косвенно указано в диалоге Платона «Горгий». Не Сократ, а Сократу предлагают проявить «заботу о себе». Занимающая значительную часть диалога дискуссия является полемикой о сущности педагогики «заботы о себе». Она разворачивается вокруг обвинения в том, что Сократ не проявляет заботу о важном и не позиционирует себя в городе должным образом. Для платоновского Сократа софисты, подобные Горгию, не в силах понять то, что Сократов жизненный путь и есть подтверждение его способности помочь самому себе и окружающим через «заботу о себе».

Представление о «заботе о себе» как деятельности, направленной на сохранение идентичности, в диалогах Платона связано с двумя стратегиями непрерывности образования, которые разворачиваются на благо себе и другим. Возникшая в античной педагогической культуре идея заботящегося о себе человека не тождественна современной идее непрерывного образования, но вне идущего от античности дискурса самопреобразования и самоактуализации, как нам представляется, невозможно говорить о непрерывном образовании как феномене XXI века, препятствующем исчезновению себя в эпоху метамодерна. С одной стороны, «наша» реальность обязана находиться за пределами идей и терминов, сформулированных в Античности, а с другой – представляет собой уникальный сплав мировоззренческих позиций прошлого и настоящего, предпо-

деляющий современное понимание «заботы о себе». Обращение к нему неизбежно актуализирует ряд вопросов: чьей заботой в глазах современного человека является образование на протяжении всей жизни? каким образом забота о себе расширяется до заботы о других, ориентируя теорию и практику непрерывного образования на некий «диапазон заботы»? какое место занимает концепция «заботы о себе» среди концепций, определяющих современность как пространство беззаботных «психологических роботов» (Э. Фромм) эпохи сверхзаботности и потребления?

Непрерывное образование человека нашего времени: на перекрестке забот

С одной стороны, «забота о себе» в первоначальном значении не имеет прямых аналогов среди современных понятий и категорий, непосредственно связанных с непрерывным образованием, а с другой – проявляется как некая вневременная категория, апеллирующая к человеку, который должен «не только «быть», но и «знать» о своем бытии, видеть себя со стороны и потому постоянно, непрерывно и бесконечно себя образовывать» [8, с.136]. Все это позволяет говорить о «заботе о себе» одновременно как об одном из самых масштабных проектов в истории педагогики и культуры и как о «редком примере того, как, возникнув, целая огромная область понятий, дискуссий и практик погрузилась в область умолчания и забвения – вплоть до совсем недавнего времени» [5, с.17]. С конца XX в. у разных наук повышается интерес к «заботе о себе». «Второе рождение» во многом является заслугой М. Хайдеггера, П. Адо, М. Фуко. Адо («Духовные упражнения и античная философия», «Что такое античная философия?») и Фуко («Герменевтика субъекта», «Технологии себя» и др.) настаивали на том, что античная «забота о себе» должна рассматриваться как своеобразный ключ к осмыслению явлений и процессов, возникших в разных исторических и социокультурных реалиях, и полемизировали по поводу того, следует ли ставить акцент на «себя» в ущерб «заботе» или, наоборот, на «заботе», но были едины в том, что «забота о себе» – это особое восхождение к субъектности, преобразование «непосредственно для самого себя» (М. Фуко) путем особой организации собственной жизни (П. Адо). Особое понимание того, каким образом

осуществляется это восхождение, зафиксировано у Р. Панаттони, определившего «заботу о себе» как индикатор, который показывает колебания нашей идентичности («выше себя» или «ниже себя») и актуальные антропологические координаты по вертикали и горизонтали. По его мнению, главная забота человека заключается в сохранении «Я» между начальной и конечной точкой движения по жизни: стремясь расширить свои горизонты, можно вглядываться в даль и сохранять опору, или подниматься на новую высоту, преодолевая страх падения и утешая себя тем, что все тела иногда падают, даже сами по себе [16, с.283].

В контексте обозначенных античными мыслителями и утвердившихся, пройдя через века, стратегий непрерывности образования, одна из которых в большей степени ориентирует на общественное бытие, а другая – на самобытие, современное движение педагогического маятника от «lifelong education» (акцентуация на интеграции, гибкости и разнообразии в системе образовательных институтов) к «lifelong learning» (акцентуация на потребностях человека в непрерывном обучении) перестает казаться случайным или подвластным лишь моде. Если признать, что «забота о себе» не является данностью и к ней нужно приучать и приучаться, то следует признать и то, что заботящийся о себе человек является особым субъектом педагогической lifelong-реальности. Субъектом, продлевающим над собой серьезную работу, трансформирующим традиционную систему отношений «учитель–ученик» и подозрительно похожим на того самого ученика, которого античные наставники называли заботящимся о себе, хоть он вырастает и движется ныне в совершенно иных социокультурных реалиях. Этот ученик (в широком понимании слова, вне четких возрастных границ, как в античности) стремится самостоятельно выбирать для себя оптимальные образовательные маршруты и делать разумные образовательные выборы. Среди последних могут быть, например, выбор школы или, напротив, выбор получения того или иного образования без привязки к конкретной школе или коллежу [15; 18 и др.]; образовательные выборы студентов, обеспечивающие продолжение или смену профиля образования [6]; или взрослых людей, рассматривающих непрерывность образования в плоскости карьерного и/или личностного роста. С одной стороны, этот уче-

ник принадлежит «цивилизации школ», и непрерывность его образования во многом обусловлена именно школой как одной из главных составляющих системы образовательных институтов, а с другой – стремится органично встроить себя во всё внешкольное, стать учителем самому себе и выйти на иной уровень непрерывности образования. Новый для современности субъект педагогической lifelong-реальности требует нового же образовательного проекта «заботы о себе», центрированного на внешне открытом и свободном диалоге педагога с взрослым учеником и собой как наставником. Не случайно современные исследователи образования П.Т. Уэбб, К. Галсон и В. Питтон связывают стратегии образовательных выборов, осуществляемых учениками современной массовой школы в Австралии, Канаде и других странах, со стратегиями «заботы о себе», существовавшими в античной педагогической культуре. Они обсуждают становление «заботы о себе» в процессе выбора субъектом тех или иных учебных программ, определение политики школы в отношении его образовательных выборов [18].

Педагогическая забота между Сциллой ограничения и Харибдой свободы: от выбора к наставлению себя

Иными словами, «забота о себе» в свете непрерывного образования есть поиск, принятие или отсечение возможностей, т.е. последовательность действий, которые позволяют осуществить перевод «альтернатив собственных действий» (Д.А. Леонтьев) в статус свершившихся или несвершившихся. Непрерывность образования превращается в непрерывную необходимость выборов в пользу преобразования самого себя или отказа от него. Идея непрерывного образования – это идея непрерывной сознательной работы над собой, которая предполагает возможность выбора-оформления одной или нескольких альтернатив или отказ от выбора и состоявшуюся безальтернативность как некий «нулевой вариант» выбора.

Для древнего грека или римлянина «забота о себе» была связана с otium (досугом) – временем заботы по нахождению себя в культуре. Все, что делалось и изучалось свободнорожденным мужчиной в ученом досуге в каждом из возрастов жизни, оценивалось положительно только при

условии, если образовательный выбор был ответственным и понятным, как благо для себя и других. Древнегреческий ученик, где это было возможно, сопровождал наставника в «заботе о себе», копируя образцы мышления и поведения во время работы, отдыха, общения наставника с друзьями и другими учениками. Древнеримский ученик получал право самостоятельно выбирать время и место для «заботы о себе»; он ликвидировал свое незнание самостоятельно, по мере необходимости обращаясь к наставнику, и полностью брал на себя ответственность за осуществление «заботы о себе». Отказ от первой стратегии в пользу второй понятен для современного человека, живущего в постоянном цейтноте, поскольку его «забота о себе» – это гармонизация и ограничение образовательных выборов в условиях стремления к относительной автономности и ревностной защите личного пространства. Выбор в пользу серьезного изучения английского языка и посещения секции плавания, например, делает затруднительным какой-то еще выбор, например, в пользу изучения латыни, посещения литературной студии или психологического тренинга.

Непрерывное образование для других и самого себя

Современное непрерывное образование – это та точка, в которой рост образовательного потенциала личности осуществляется благодаря тому, что ею осознается (не)соответствие внутренних и внешних образовательных ожиданий, потребностей и способностей. К. Вульф, апеллируя к Ж.-Ж. Руссо и его тезису об истинном «я», которое не полностью внутри нас, обращает внимание на то, что развитие идентичности, как образовательная цель, может быть понята только через оппозицию «я – другой». По его мнению, человек нуждается в Другом, который способен порадоваться его позитивным изменениям в себе: «Другой является дополнением к самому себе. <...> Конфигурации Другого разнообразны: чужой, враг, противник, заблуждение, другой пол, призрак, зло, ужас, святой. Происходит наслаение Других и совсем Другого» [4, с.192]. Используя фигуру Другого, ряд современных исследователей трактуют «заботу о себе» как совокупность проявлений чувств и состояний, возникающих в моменты переосмысления отношения к себе и другому

(К. Gulson, E. Pulcini, P.T. Webb, М.Ф. Лановский, В.П. Седов и др.). По мнению О.Е. Подолько, «забота о себе» представляет собой «ментальный способ сохранения смысла достоинства, она регулирует границы личности, знаки её значимости, её отношение к миру и к Другому», а также «предполагает авторство, развитую способность личности селективно, осознанно реагировать, контролировать, управлять своей активностью в наличной ситуации» [10, с. 7–8]. В логике древнегреческих мыслителей, это означало осознание того, что существует образование для других и для самого себя (настолько личное и требующее заботы образование, которое даже трудно помыслить чьим-либо, а не своим). Позицию древнегреческих наставников по этому поводу, актуальную потом и в образованных римских кругах, А.С. Колесников формулирует так: «Нужно заботиться о себе не тогда, когда каждый молод и потому что афинское образование неадекватно, но всякий должен заботиться о себе так или иначе, потому что эту заботу нельзя переложить на какое бы то ни было образование» [7, с. 65].

На современном этапе конкретизация категории «забота о себе» осложнена тем, что обыденные трактовки связывают ее с эгоизмом или гедонизмом и не совпадают с научными, которые, в свою очередь, существенно разнятся и малосопоставимы. Поверхностные и оторванные от античного контекста многие современные прочтения «заботы о себе» применительно к сфере обучения оказываются особенно опасными, поскольку подталкивают к «метапатологическому варианту развития личности» [5, с.298] через доминанту одностороннего образования. Многосторонность «заботы о себе» увязана с заботой о другом, она представляла и продолжает представлять собой одновременно «духовную технику индивидуального самообразования и вполне общественную практику со-образования» [11, с.97]. Вопрос лишь в том, кто именно этот «другой», если «забота о себе» – «исключительно собственное дело. Другой бессилен менять, но способен задать вектор и условия, при которых субъект становится активен, т.е. осуществляет работу над собой» [1]. В античной педагогике «другим» являлся зрелый муж. Он осознавал всю возложенную на него ответственность за становление взрослеющего ученика, которое будет осуществляться под его влиянием и благодаря его заботе.

Переосмысление и соотнесение «заботы о себе» и «заботы о другом» осложнены

тем, что понятие «забота» для современного человека имеет совершенно иную коннотацию. По мнению Е. Пульчини, прежде чем говорить о «заботе о себе», современным исследователям нужно реабилитировать «заботу» и отсоединить ее от тех альтруистических аспектов заботливости, которые в XIX–XX вв. связывались и продолжают связываться исключительно с женским началом [17]. Пульчини указывает на дисбаланс, который виден при попытке сопоставить античную и современную «заботу о себе»: за сократовской традицией «заботы» стояло прежде всего воспитание мужской самодостаточности и уже во вторую, если не в третью очередь, женской самоотдачи. В современном мире самоотдача и самодостаточность заявлены принадлежностью обоих полов, но этот тезис еще вполне дискусионен. В античной педагогической культуре статус образованного человека являлся мужским статусом, поэтому античные попытки мыслить заботу педагогически связывали ее исключительно с мужским началом, а стереотипные представления о заботе наших дней пока еще не являются полными, если находятся вне полов, ибо излишне склонны наделять «фигуру суверенного субъекта заботы» женскими чертами. Иными словами, забота о себе, расширяясь до заботы о других, ориентирует теорию и практику непрерывного образования на разные диапазоны «заботы» ради сохранения идентичности, одним из которых, например, до сих пор является диапазон сохранения в «заботе о себе» гендерной идентичности, но не мужской, как в античности, а женской.

Непрерывное образование: забота в беззаботном пространстве

Концепция «заботы о себе» достаточно резко контрастирует с теми концепциями, которые скорее ориентируют на смирение и потерю человеком самого себя, чем на активные действия. По мнению С.С. Хоружия, дискурс «заботы о себе» – это, прежде всего, «деятельностный, «глагольный» дискурс, он говорит сугубо о том, как «заниматься собой», о действиях человека, и не оперирует никакими отвлеченными понятиями, сущностями» [14, с.96]. Концепции «потери себя» связаны не только с восточными культурами или различными религиозными движениями. В пространстве беззаботных «психологических роботов» (Э. Фромм) современного индустри-

ального и тотального мира также не всегда понятно место непрерывного образования как особой «заботы о себе»: его необходимость не отрицается, но ставится под сомнение, особенно в диктатурах и обществах т.н. «догоняющей модернизации». В мире, утратившем прежние и не нашедшим новые точки опоры, как и в тоталитарном, подозрительным подчас кажется все, что претендует на то, чтобы стать такой точкой, причем точкой самостоятельного выбора. В мире «западного типа» Ж. Бодрийяр критикует «поверхностное исполнение» постиндустриального социума, превращенного в «площадку для игр и поле для авантюры» как некоей перманентной формации, которая бесконечно продуцирует слишком стандартно перелицованных, как-бы-обновленных индивидов [2]. В этом мире, с его особой непрерывностью, и непрерывность образования должна быть, по-видимому, особой, нестандартной в своей стандартизованности образовательных выборов для того или иного возраста.

В «заботе о себе» как заботе об идентичности сходятся, таким образом, два полюса непрерывного образования: темпоральный/процессуальный (аналитика прерывности/непрерывности времени конструирования самого себя как обучающегося) и пространственный/структурный (аналитика пространства, топология конструирования самого себя как обучающегося в тех или иных средах/условиях). Античные мыслители характеризовали это схождение следующим образом: «забота о себе» рассматривалась ими как образовательный бумеранг, который был запущен в пространстве города и на протяжении всей жизни возвращался к тому, кто ее осуществлял. П.Т. Уэбб и К. Галсон подчеркивают, что «пространственно-временное сжатие», характеризующее современную реальность, напрасно рассматривается вне связи с педагогической реальностью. По их мнению, практики «заботы о себе» – это практики, которые в любом случае требуют определенного усилия от субъекта, чтобы перед ним развернулись во времени те или иные образовательные стратегии в тех местах, которые последовательно или даже параллельно занимает индивид [19, р. 54]. Эти практики, и по нашему мнению, продолжают опираться на генерализирующую идею, которая стояла за античной «заботой о себе», и сущностно связаны с обозначенными в трудах античных авторов стратегиями непрерывности образования. Выбор времен и пространств

у современного индивида по сравнению с античностью и более широк (коммуникативная сеть и спектр возрастных стратегий), и менее широк (институциональность обучения, грани профессий). Непрерывное обучение в большей степени становится путем к своей идентичности, нежели непрерывное самовоспитание, как того ожидали (но дождалась ли?) античные мыслители.

В заключение отметим следующее: феномен «заботы о себе» в современной педагогике все чаще связывается с феноменом непрерывного образования, что имеет исключительную важность, поскольку педагогическая реальность стала приобретать черты постмодернистской, страдающей от симулякров и препятствующей заботе человека о собственной идентичности. Античная идея «заботы о себе» существенно повлияла на преломление в разных исторических периодах образовательного идеала, апеллировавшего к присущей человеку потребности не столько в завершении, сколько в пролонгации образования. Древнегреческое понятие «ἐπιμέλεια ἑαυτοῦ» позволило охарактеризовать человека, у которого стремление сохранить свою идентичность и найти себя в культуре с возрастом не прекращается, а только набирает обороты. Современное понимание фундаментальной связи между непрерывным получением знания и тем, кто его получает, осуществляя «заботу о себе», парадоксальным образом опирается и на установки, непосредственно зафиксированные в корпусе античных педагогических текстов, и на установки, выработанные в рамках наших «пост-постконцепций», предлагающих свой опыт понимания и осовременивания античного проекта «заботы о себе» в плоскости непрерывного образования.

1. Бабушкина, Д.А. Понимание в структуре «заботы о себе»: обречённость на понимание // *Философские и духовные проблемы науки и общества*. СПб., 2002. С. 51–57. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/babushkina/under.html> (дата обращения 19.09.2014)

2. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / пер. А.С. Качалова // URL: http://lit.lib.ru/k/kachalov_a/simulacres_et_simulation.shtml (дата обращения 09.09.2014)

3. Вельш, В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // URL: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/phil_velsh/-phil_velsh.htm (дата обращения 10.09.2014)

4. Вульф, К. Антропология воспитания. М.: Праксис, 2012. 295 с.

5. Иванченко, Г.В. *Забота о себе: история и современность*. М.: Смысл, 2009. 304 с.

6. Имакеев, В. *Образование – личное дело каждого ученика* // URL: vogazeta.ru/ivo/info/14178.html.

7. Колесников, А. С. *Забота о себе: Алкивиад I и этика образования* // *Философия истории философии: обязательность и навязчивость исторического: сб. статей*. СПб.: СПбУ, 2012. С.62–86.

8. Петрова, Г.И. «Забота о себе»: технология или антропология? // *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 2(6). С.136–143.

9. Платон. *Софист* // Соч. в 4-х т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. СПб.: Изд-во О. Абышко, 2007. Т. 2. С. 329–412.

10. Подолько, О.Е. *Достоинство: личностное измерение и риск ответственности: автореф. дис. ... канд. филос. наук*. Тверь: Твер. гос. техн. ун-т, 2011. 26 с.

11. Скомский, Л.В. *Духовно-образовательные идеи Античности в свете постметафизической онтологии образования* // *Вестник ТГУ*. 2014. № 378. С. 95–99.

12. Хайдеггер, М. *Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Республика, 1993. 447 с.

13. Хлебников, В.Г. *Философская теология античности: аналитический обзор*. М., 2005. Сер. *Проблемы философии*. Ч.1. Досократики, Сократ, Платон, Аристотель. 135 с.

14. Хоружий, С. С. *Практики себя и духовные практики: две парадигмы неклассической антропологии* // *Фонарь Диогена. Проект синергийной антропологии в современном гуманитарном контексте*. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 74–239.

15. Kock, R. *Education and Training in a Globalized World Society. Conforming – Resistance – Ego-boosting*. Frankfurt/Main: Peter Lang, 2006. 259 p.

16. Panattoni, R. *Le direzioni di significato in antropologie dell'orizzonte della verità e della verticalità // Thaumazein. Cura sui e autotrascendimento. La formazione di sé fra antico e postmoderno*, 2013. № 1. P. 281–289.

17. Pulcini, E. *Cura di sé, cura dell'altro // Thaumazein. Cura sui e autotrascendimento. La formazione di sé fra antico e postmoderno*, 2013. № 1. P. 85–102.

18. Webb, P.T., Gulson K., Pitton V. *The neoliberal education policies of epimeleia heautou: caring for the self in school markets* // *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*, 2012. Vol.32, Iss.5. P. 1–14.

19. Webb, P.T., Gulson K.N. *Policy intensions and the folds of the self* // *Educational theory*, 2013. Vol. 63. № 1. P. 51–67.

References

1. Babushkina, D.A. *Ponimanie v strukture «zaboty o sebe»: obrechennost' na ponimanie* // *Filosofskie i duhovnye problemy nauki i obshchestva*. SPb., 2002. S.51–57. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/babushkina/under.html> (19.09.2014)

2. Bodrijar, Zh. *Simuljaky i simuljacija* / per. A.S. Kachalova // URL: http://lit.lib.ru/k/kachalov_a/simulacres_et_simulation.shtml (09.09.2014)

3. Vel'sh, V. «Postmodern». *Genealogija i znachenie odnogo spornogo ponjatija* // URL: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/phil_velsh/-phil_velsh.htm (10.09.2014)

lib.uni-dubna.ru/search/files/phil_velsh/-phil_velsh.htm (10.09.2014)

4. Vul'f, K. Antropologija vospitanija. M.: Praxis, 2012. 295 s.

5. Ivanchenko, G.V. Zabota o sebe: istorija i sovremennost'. M.: Smysl, 2009. 304 s.

6. Imakeev, V. Obrazovanie – lichnoe delo kazhdogo uchenika // URL: vogazeta.ru/ivo/info/14178.html

7. Kolesnikov, A. S. Zabota o sebe: Alkiviad i jetika obrazovanija // Filosofija istorii filosofii: objazatel'nost' i navjazchivost' istoricheskogo: sb. statej. SPb.: SPbU, 2012. S. 62–86.

8. Petrova, G.I. «Zabota o sebe»: tehnologija ili antropologija? // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 2(6). S. 136–143.

9. Platon. Sofist // Soch. v 4-h t. / pod obshh. red. A.F. Loseva i V.F. Asmusa. SPb.: Izd-vo SPU: Izd-vo O. Abyshko, 2007. T. 2. S. 329–412.

10. Podol'ko, O.E. Dostoinstvo: lichnostnoe izmenenie i risk otvetstvennosti: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Tver': Tver. gos. tehn. un-t, 2011. 26 s.

11. Skomskij, L.V. Duhovno-obrazovatel'nye idei Antichnosti v svete postmetafizicheskoj ontologii obrazovanija // Vestnik TGU. 2014. № 378. S.95–99.

12. Hajdegger, M. Vremja i bytie: stat'i i vystuplenija. M.: Respublika, 1993. 447 s.

13. Hlebnikov, V.G. Filosofskaja teologija antichnosti: analiticheskij obzor. M., 2005. Ser. Problemy filosofii. Ch.1. Dosokratiki, Sokrat, Platon, Aristotel'. 135 s.

14. Horuzhij, S. S. Praktiki sebja i duhovnye praktiki: dve paradigmy neklassicheskoj antropologii // Fonar' Diogena. Proekt sinergijnoj antropologii v sovremenom gumanitarnom kontekste. M.: Progress-Tradicija, 2010. S. 74–239.

15. Kock, R. Education and Training in a Globalized World Society. Conforming – Resistance – Ego-boosting. Frankfurt/Main: Peter Lang, 2006. 259 p.

16. Panattoni, R. Le direzioni di significato antropologiche dell'orizzonte della verticalità // Thaumazein. Cura sui e autotrascendimento. La formazione di sé fra antico e postmoderno, 2013. № 1. P. 281–289.

17. Pulcini, E. Cura di sé, cura dell'altro // Thaumazein. Cura sui e autotrascendimento. La formazione di sé fra antico e postmoderno, 2013. № 1. P. 85–102.

18. Webb, P.T., Gulson K., Pitton V. The neoliberal education policies of epimeleia heautou: caring for the self in school markets // Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education, 2012. Vol. 32, Iss. 5. P. 1–14.

19. Webb, P.T., Gulson K.N. Policy intensions and the folds of the self // Educational theory, 2013. Vol. 63. № 1. P. 51–67.

UDC 37.013.76

THE CARE OF IDENTITY: LIFELONG EDUCATION VS DISAPPEARANCE OF ONESELF IN METAMODERN PERIOD

Bezrogov Vitaliy Grigoryevich,

Institute of Theory
and History of Pedagogy,
Chief Scientific Officer,
Doctor of Education,
Moscow, Russia.
E-mail: v_bezrog@rambler.ru

Pichugina Viktoriya Konstantinovna,

Volgograd State
Social and Pedagogical University,
Associate Professor
of the Department Chair of Pedagogy,
Cand. Sc. (Pedagogy),
Associate Professor,
Volgograd, Russia.
E-mail: Pichugina_V@mail.ru

Annotation

The article is devoted to the formation and development of pedagogical concepts of lifelong education, which significantly changes self-understanding of a human. At the beginning of the third millennium such education is a special "self-care", that means the care of identity in the era of metamodern. The origins of this understanding are in the ancient era that put forward a conceptual idea of taking care of oneself a person able to carry out educational care of one's own identity. Genesis and modification of the category of "self-care" are shown as support ancient and modern strategies of continuity in the implementation of educational routes of people of different ages.

Key concepts:

care of the self,
identity,
lifelong education,
educational projection itself.

УДК 111

МЕТАФИЗИКА В ОБЩЕСТВОЗНАНИИ: ОБЩЕЕ КАК СПЛОШНОЕ И ПРЕРЫВНОЕ

Щербинин Михаил Николаевич,

Тюменский государственный университет,
заведующий кафедрой философии,
доктор философских наук, профессор,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: kafedrafilosofii@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассмотрены некоторые социокультурные явления с позиций метафизики. Предложено обратиться к опыту сплошного и прерывного в интеллектогенезе (в истории интеллекта). На примерах феноменов власти, информации, обобщения и т.д. показаны возможности приобщения этого опыта к современному рационализму в понимании человека и общества. Результатом выступает обогащение современного мироощущения и наполнение рефлексии дополнительным смыслом.

Ключевые понятия:

сплошность,
прерывность,
поток,
сила,
фигуративность.

Практика общения и интеллектуального обобщения в Античную эпоху обязательно преломлялась через призму соотношения сплошного и прерывного. Долго накапливающееся и созревающее их противопоставление «выплеснулось» сначала в ощущении парадоксальности *одновременного* бытия, когнитивного присутствия мысли и чувства, сознания и подсознания. Потребность в размежевании этих способностей человеческой психики опиралась на их предметную базу, например, в архитектурно-строительной деятельности, в экономике, в государственных институтах власти, в военном деле и т.д.

Впрочем, становление общего в варианте «прерывное – сплошное» имеет почти столь же древнее происхождение, как и ряд ступеней в растущей рациональности античного мышления. При этом социально и интеллектуально организованное в древнегреческой культуре общения новое обобщение «прерывного через сплошное» (здесь следует вспомнить, например, апории Зенона) зафиксировало сложившуюся к этому времени пропорцию в соотношении опять-таки чувственно-наглядного и умозрительного компонентов в познании, так же как и в соотношении индивидуального (атомарного) и социального.

Вообще же, чувственно-наглядные характеристики древнего мышления позволяли просто-напросто *видеть* то, что позднее потребует обязательного и убедительного для всех других людей умственного пересчета всех отдельных единиц сплошного. Хорошо известный пример из истории человеческого мышления, когда обыкновенный пастух в стародавние времена легко, на взгляд определял полноту или, наоборот, неполноту своего овечьего стада без всякого использования математики. Сомнительно, что тот же пастух мог определить на глаз полноту чужого стада, никак ему не доверенного. Пастух неопровержимо для самого себя видел целостность своего стада животных в его *сплошности*. Наоборот, большая физическая разбросанность тех же животных по местности не позволяла *увидеть их вместе*.

По всей видимости, образ именно стадности *движущегося и живого сплошного* экстраполировался на общество. Возглавляющие это *сплошное движение* вожак и вождь, конечно же, не одно и то же, но связь хорошо просматривается. И дело здесь не только в аналогии. *Сплошность* движения является *потоком*. Лавина с гор, лавина несущегося войска выступала нава-

ливающейся силой. Несущаяся неустрашаемая конница объединяла в своем движении и всадников, воинов, и собственно животных в единую сплошную массу, в силу, в тот момент неисчислимую, но особенно хорошо измеримую взглядом. *Тьма* в татаро-монгольском войске – это не просто много, это уже и ощущение несущейся силы. Возникал эффект *массовидности лавинообразной* силы, очень характерный для чувственно-наглядного мышления в целом. Сила, исчисляемая массой, и масса, исчисляемая силой, специфицировали мышление того времени. Чтобы победить, надо было разделить, разобщить противную сторону. «Разделяй и властвуй» – подсказывает мудрость. Насилие и принуждение, царившие в эпоху рабовладения, способствовали закреплению такого мироощущения стадности и слитности общественного бытия. И тут уже понадобился Пастырь для самих людей. Дело стало за новым самосознанием человеческой массы и собственно элиты. Впрочем, Средневековье для этого предоставило и место, и дополнительных тысячу лет. Но это всё было потом, когда лавинообразная сила чумы, например, подавляла промежутки социального пространства столь же легко и непринужденно.

Еще позднее лавинообразность коричневой чумы XX века, хорошо описанная в «Носороге» Э. Ионеско [3] *сплошным* облаком накрыла добрую половину Европы и островную часть Азии, буквально сблизив до единомыслия целый ряд разных рас, народов и социальных групп. Впрочем, *сплошное скопище* толпы оживотворяло власть силы сквозь века и тысячелетия, не важно где – хоть в Древнем Риме, хоть в современных Москве, Каире, Киеве, Гонконге или Брюсселе. Современные мегаполисы обеспечивают вышеназванную сплошность самым естественным образом, например, способом сплошной застройки, превращающей города в каменные джунгли. А если вспомнить еще о лавинообразных потоках информации или дезинформации, о мощных информационных потоках лжи и грязи, выплескиваемых на головы столь массовидного человечества, то получается, что *промежутки* самостоятельного обдумывания той или иной проблемной ситуации напрочь отсутствуют. Редкое исключение – день *тишины* перед выборами – только подчеркивает остроту вопроса. И как-то сложнее получается с потоками не лжи, а правды. Представить себе правду в виде сплошного потока крайне затруднительно. Не случайно существует «обет

молчания», крайне тягостный для больших любителей поговорить, да и, наверное, самый великий писатель России, Л.Н.Толстой, ближе к концу своей жизни литературному слову предпочел как раз молчание.

Зато очень хорошо заметна *сплошная болтовня*, *сплошность* мало продуманной речи, *сплошность* собственности, владения, имени, если таковые имеются, *сплошность* видимых или невидимых денег, когда, как в давно известной в России песне «Всюду деньги, деньги, деньги...». Прошло четыре столетия с тех пор, когда Томас Гоббс в начале республиканской буржуазной истории с известным оптимизмом назвал именно деньги «кровью государства» [2, с. 195]. В этом отношении Республика, как «искусственный человек, сохраняет свое сходство с естественным, чьи вены, получая кровь от различных частей тела, направляют ее к сердцу, которое, переработав ее, направляет ее обратно, сообщая этим жизнь и способность к движению всем членам человеческого тела» [2, с. 196]. И вновь, следовательно, отмечается сила движения денежной массы, придающей ускорение многим человеческим страстям и поступкам. В наше время среди этих страстей и поступков обнаружилось уж слишком много пагубных, а денежные потоки всё многочисленней и сильнее давят на сознание, веру и совесть. В новых условиях оптимизм выглядит как-то очень подозрительно.

Уже опять-таки в XX веке Гийом Аполлинер вполне сюрреалистически тоже скажет про движущееся скопище машин на таких, как нам всегда казалось привычно и счастливо демократичных парижских улицах, в своей «Зоне»:

«Ты в Париже. Совсем одинок,
ты в *толпе* и бредешь сам не зная куда.
Тут же, рядом с тобою, мычащих
автобусов мчатся стада.
Горло сжала тоска тебе обручем острым своим.
Словно ты никогда уже больше не будешь
любим».

И далее, из той же самой «Зоны»:
«Тебе в обрюзгшем мире стало душно.
Пастушка Эйфелева башня, о послушай:
стада мостов мычат послушно.
Тебе постыл и Древний Рим и Древняя Эллада,
Здесь и автомобиль старей, чем Илиада,
И лишь религия не устарела до сих пор –
Прямолинейна, как аэропорт...

Теперь в Париже ты бредешь в толпе
один сам-друг,
Стада автобусов мычат и мчат вокруг,
Тоска тебя кольцом сжимает ледяным» [1, с. 26].

Здесь уже, действительно, всё рядом – пастушка, толпа и стадо, человек и машины, физическая спаянность людей в «сплошняке» и *тесной давке городских автобусов*. Отличие от предыдущего примера с конницей здесь в том, что воспитанная последующими тысячелетиями человеческая индивидуальность спряталась, свернулась, сжалась в обезличенном теле, в утробе машины, движение которой детально отрегулировано многочисленными правилами движения. У массивной тысячеглавой хеттской или монгольской конницы был, по крайней мере, вольный ветер пространственной свободы движения. Правда, в отличие от Аполлинера, наш отечественный поэт Булат Окуджава находил своеобразную прелесть именно в тесноте «полночных троллейбусов», где «в тесноте, да не в обиде» как раз теснота сближает, снимает накопленное в дневном формализме производственного общения отчуждение человека от человека, спасая всех, «потерпевших в ночи крушение» [5, с. 5]. Может быть, это, конечно, чисто российское, отечественное изобретение. Во всяком случае, именно в парижском метро я лично ничего подобного не ощутил...

В Античности же, с которой мы начали, по меньшей мере в Европе, предполагались, очевидно, как материалистические, так и идеалистические теоретические версии проблемы *сплошности* и прерывности бытия. К философии оказались подключены собственно математические конструкции числового, геометрического, алгебраического и тригонометрического свойства. А историческая социокультурная нагруженность этих математических построений, их изначальный производственный капитал тоже хорошо известен. Фигуративный характер построения рациональности хорошо и популярно представлен у Зенона Ахиллесом, черепахой, стрелой и т.д. Атомизм Демокрита дополнялся континуализмом Аристотеля.

В социальном содержании напрашивающейся идеализации (и рационализации) сплошного или «*сплошности*» как непрерывного легко просматриваются растущие объёмы и формы неотчуждаемой собственности и права на неё, количества и качества власти, суверенитета и полномочий. Сразу вспоминается русский обиходный речевой оборот – *сплошь и рядом*. Любопытно, кстати, и само такое словосочетание. Наоборот, в социальном содержании идеализации и рационализации прерывного можно различить экономическую и

юридическую *разобщенность*, дробность, детализацию самого производственного цикла, военных действий и, возможно, детализацию речи. На детализацию общения наталкивала, как правило, всё-таки практика. К проблеме «прерывности-непрерывности» природных, космологических пространств, времени и движения оказывались подведены, таким образом, вопросы о прерывности – непрерывности именно социального пространства, времени и движения. Определённым поворотом интереса к этому вопросу уже в XVII веке можно считать реакцию рационалиста Готфрида Лейбница, большого математика и физика, никак не чуждого тем не менее изучению истории, логики, права, языка и т.д. Такой энциклопедизм позволил ему обнаружить принцип непрерывности и принцип дискретности. Согласно первому принципу, были сделаны выводы о том, что существенным в действительности может оказаться несущественное, что «любая вещь в данный момент «согласована» со своим прошлым и будущим» [4, с. 199]. Согласно принципу дискретности, подчёркивается «факт всеобщей расчленённости как самой действительности, так и её познания» [4, с. 201]. Получается так, как потом окажется очень важным даже для гуманитарного познания, что как раз принцип дискретности усилит «действие принципа всеобщих различий, указывая на качественную неповторимость явлений» [4, с. 202]. Применительно к монадам, это, что называется, дорогого стоит.

В следующий раз освоение общего как обобщения через сплошное (непрерывное) проявит себя уже в XX веке. Возможно, это произошло в теории дисконтинуитета М. Фуко, оспаривающего право на истину у представлений о временном континууме (Э. Гуссерль).

Наверняка, следовательно, изменилась и социальная детерминация новых обобщений того или другого типов. И здесь уже трудно однозначно отличать социальные корни идеалистической или материалистической философии. В античной культуре такая детерминация обнаруживала себя самым непосредственным, «очевидным» для современного взгляда образом, так сказать, напрямую.

Впрочем, наивная диалектика древнегреческих философов позволяла медленно, но верно взрослеющей рациональности проходить, просматривать весь диапазон, весь спектр возможностей чувственно-наглядного мышления, всей общественной

жизни, не позволяя отвлечься от собственно человеческого, от человека. Тем самым утверждалась именно человеческая мера интеллектуальной проективности, сам человек, наконец, оставался подлинной *мерой* всего.

Сплошное как мало различаемое в сознании античного человечества оказывалось телесно, эмоционально, двигателью и чувственно *неразорванным, неразобшённым, наполненным*, как ещё полностью неотчужденное от человека социальное пространство и время. Здесь присутствует непосредственное ощущение власти как именно *силы*, или как *сила власти*, более современное прочтение которой звучит уже как «сильная власть» или, наоборот, «слабая власть». И вместе с тем именно философская рационализация складывающегося соотношения сплошного и прерывного успешно разрушала позиции античного синкретизма. Совсем другое дело, например, «сплошность» власти в наше время. Фигуративное оформление диалектики сплошного и прерывного как оформление власти в виде вертикали или горизонтали дополнительно специфицирует феномен власти в государственном и национальном масштабе. Оказывается, что и *сплошность* власти должны быть именно прерывной иначе не над кем властвовать. В этом пункте еще раз расходятся собственно *власть и управление (самоуправление, самоуправление)*.

1. Аполлинер, Г. Стихи / Пер. М. П. Кудинова. Статья и прим. Н. И. Балашова. М.: Наука, 1967. 335 с.

2. Гоббс, Т. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 731 с.

3. Ионеско, Э. Носорог / Перевод Л. Завьяловой. М.: Текст, 1991. 271 с.

4. История диалектики XIV–XVIII вв. / Ойзерман Т. И. и др. М.: Мысль, 1974. 356 с.

5. Окуджава, Б. Стихотворения. М.: Советский писатель, 1985. 265 с.

References

1. Apollinaire, G. *Stikhi* [Lyrics]. Moscow, 1967, 335 p.

2. Hobbes, T. *Sochineniya v 2 t. T. 2* [Collected works in 2 v. V 2]. Moscow, 1991, 731 p.

3. Ionesco, E. *Nosorog* [Rhinoceros]. Moscow, 1991, 271 p.

4. Ojzerman, T. I. *Istoriya dialektiki XIV–XVIII vv.* [History of dialectics of the XIV–XVIII centuries]. Moscow, 1974, 356 p.

5. Okudzhava, B. *Stikhotvoreniya* [Lyrics]. Moscow, 1985, 265 p.

UDC 111

METAPHYSICS IN A SOCIAL SCIENCE: A GENERAL AS CONTINUOUS AND DISCRETE

Shcherbinin Mikhail Nikolayevich,

Tyumen State University,

The Head

of the Philosophy Department Chair,

Doctor of Philosophy, Professor,

Tyumen, Russia.

E-mail: kafedrafilosofii@mail.ru.

Annotation

In the present article some socio-cultural phenomena are considered from positions of metaphysician. The author suggests to appealing the experience of continuous and discrete in genesis of intellect (in history of intellect). Possibilities of attaching this experience to modern rationalism in understanding of man and society are shown on the examples of phenomena of power, information, generalizations etc. As the result we can see an enriching of the modern worldview and filling the reflection by additional sense.

Key concepts:

continuous,
discreteness,
stream,
force,
figurativeness.

УДК 101.8

ГЕРМЕНЕВТИКА ГИМНА. ЧАСТЬ I

Воробьева Елена Юрьевна,
кандидат философских наук,
г. Омск, Россия.
e-mail: velena-05@mail.ru

Аннотация

Основная задача герменевтики – понимание – не может быть решена без диалектического к ней подхода.

Понимание – это поиск не только понятного в непонятном, но и непонятного в понятном. На примере гимнов как традиционных символов государства показаны механизмы расширения познания через анализ скрытых смыслов и их влияния на политическую судьбу народов.

Ключевые понятия:

герменевтика,
информационная цивилизация,
символ,
смысл,
гимн.

Еще некоторое время назад неравнодушные приверженцы традиционной европейской культуры были убеждены, что время перформанса, пастиша, коллажа и буйства воцарилось надолго, что, выражаясь словами из песни Е. Летова, «пластмассовый мир победил» окончательно. Постмодернистская тенденция симулякризации культуры в конце XX – начале XXI вв. привела к созданию разветвленной виртуальной среды, надстроив дополнительные символические этажи над исходной реальностью и включив в бытие постсовременного человека полностью искусственные, нечеловеческие миры. Казалось бы, «старый добрый» символ окончательно потерял значение с неизбежным уходом духовной жизни в виртуальную реальность, которая, по меткому замечанию В.А. Емелина, представляет собой ризоматическое киберпространство симулякров, где наступает смерть и децентрация субъекта [3]. Однако наличествующая культурно-политическая ситуация сосредоточивает наше внимание на возрождении и возвращении смыслов сданным было в утиль символическим формам.

Для общественно-политического дискурса концентрация на символах знаменует потребность современного человека в идентификации себя как члена конкретной политической общности, как гражданина определенного государства, наделяющего его одновременно и универсальными, и уникальными социальными характеристиками. В эпоху глобализации эта потребность становится жизненно необходимой, ибо придает обобщенному портрету Homo politicus индивидуальные черты, а частные свойства возвышает до всеобщего.

Операции с символами воздействуют на социальные общности через спрессованные в них блоки ценностей и архетипических констант, напрямую подключенных к коллективному бессознательному, и используют их манипулятивный аппарат незаметным для реципиента образом. Природа сакральных символов такова, что они не только фиксируют идеальный облик объекта, но и предопределяют тенденции его развития.

Традиционными символами европейских политических образований выступают герб, флаг и гимн. Из перечисленного именно гимн имеет языковое выражение, что позволяет выделить смыслы, таящиеся за привычными всем словами, перекинуть, по образному выражению Ю.М. Лотмана, мост «из рационального мира в мир мисти-

ческий» [4, с. 191–199]. Усмотреть мерцание иррационального содержания в словесном выражении гимнов не так уж и сложно: их тексты бесхитростны и прямолинейны, ибо обращаются к нации без учета уровня ее культуры и цивилизованности.

Поиск смыслов политических символов сходен с приемом фиксации и осмысления пороговых моментов текста (точек онтологического минимума), использованным Л.В. Карасевым в книге «Онтологический взгляд на русскую литературу». Философ пишет: «Я заметил, что интересующие меня вещи обнаруживают свой смысл именно в тех местах, где герой оказывается в решающей ситуации, то есть в точках так называемого онтологического минимума. Затем я вижу, как этот смысл распространяется на весь текст» [2, с. 175]. Пороговые места – это наиболее известные, ставшие визитной карточкой произведения фразы, которые автор называет «эмблемами». Придавая расширительное значение понятию «эмблема», мы предполагаем, что гимн можно считать эмблематичным концептом: он открывает путь к душе нации, не являясь при этом ее всесторонней манифестацией. Как восклицание-эмблема «Бедный Йорик!» не отражает всех смыслов «Гамлета», так и гимн, будучи визитной карточкой страны, – не полноценный идеальный портрет государства, но узнаваемый набросок к портрету. В некоторых ситуациях данный набросок – выражение идеи, сплотившей людей и давшей рождение нации, тогда его содержание само становится символом и маркирует историческую канву в качестве консолидирующего социального фактора.

Парадоксален темпоральный аспект гимнотворчества: с одной стороны – это одна из самых древних символических форм, с другой – гимны современных государств возникли много позже их флагов и гербов. Возможно, это связано с более тесной привязкой языковых конструктов к ценностям территориально-политических образований: до тех пор, пока государство не позиционирует себя особым этно-религиозным монолитом, его характеристики рассеиваются в пространстве региональных свойств и не поддаются конкретизации.

Например, пока Российская Империя не стала в строй европейских государств, сама мысль о собственном государствен-

ном гимне не возникала. Аналогичная ситуация складывалась и с другими игроками политического пространства Европы, поэтому основной процесс гимнотворчества начался со второй половины XVIII в. – века, положившего начало рождению и национальных государств, и интернациональных концепций.

*Боже, храни нашу милостливую
Королеву,
Долгой жизни нашей благородной
Королеве,
Боже, храни Королеву!
Нespoшли ей побед,
Счастья и славы,
Долгого царствования над нами.
Боже, храни Королеву!*

Одним из старейших* считается гимн **Великобритании**. Несмотря на раннее развитие английской буржуазности, он фиксирует типичный феодальный государственный концепт, когда все достижения страны напрямую связываются с деятельностью ее главы. Впервые гимн исполнили в 1745 г. в поддержку ганноверской династии, позже, в 1836 г., текст был дополнен и приведен в тот вид, в каком мы знаем его сегодня. Идеальный облик государства, согласно тексту, складывается из нескольких составляющих:

1. Страна – это вотчина государя; королева (король) – символ государства и воплощение суверенной власти: «храняемая Богом, милостивая, благородная»;
2. Основная задача государственной власти – «славно, долго царствовать над нами» и «защищать наши законы»;
3. Основная задача подданных – молить Бога, чтобы он «хранил королеву» (государственный порядок) и «нас всех» (народ);
4. Отношения с иными странами определены конкретно: британцы просят Всевышнего: «развей ее (королевы) врагов и заставь их падать», «разрушь их политику, разбей их мошеннические уловки»;
5. Образ государства зафиксирован в состоянии «здесь-и-сейчас»: отсутствуют упоминания о прошлом, не прогнозируется будущее. Власть монарха вневременна, страна вечна. Столь ценный англичанами консерватизм выражается в незыблемости зафиксированного положения вещей.

*По утверждениям некоторых источников, основой для гимна Великобритании послужил французский «Боже, храни короля», написанный герцогиней де Бринон в 1686 г., и именно его следует считать первичным.

Интересен тот факт, что в XIX в. в британском обществе велись ожесточенные споры о замене монарха, как символа государственной власти, парламентом, но, в результате бурных дебатов, текст решили оставить без изменений.

Таким образом, современная Великобритания не утратила облика средневекового рыцаря, проводящего дни в сражениях с врагами, хранимого Богом и стоящего на страже закона. Внешняя и внутренняя политика страны и сейчас содержит под-сознательное стремление исполнять священные «рыцарские обеты», санкционированные свыше, а ответственностью за последствия деяний обременены не люди, принимающие решения, и даже не власть как таковая, а сверхматериальная сущность. Возможно, именно этим объясняется рождение в культурных недрах Британской империи идеи цивилизаторской миссии «белого человека», рассматривающего мир как сцену, на которой реализуется творческая энергия колониального владычества «царицы морей».

Убежденность британцев в собственной значимости привела к тому, что многие им поверили: в современной конспирологии традиционна демонизация роли Англии в политических процессах, уверенность в том, что за нити всех серьезных мировых событий дергают кукловоды из Туманного Альбиона.

*Скажи, ты, видишь ли, его сейчас,
в лучах рассвета,
Как гордо реял он когда-то
в последних отблесках заката?
Средь огненных полос, сплясавших звёзд,
в смертельной битве тьмы и света
Над крепостью средь нас,
где доблесть он являл солдата?
Средь пламени ракет, бомб,
раввавших воздух в клочья,
Стоял он, он доказал сквозь ночь всем:
он – флаг наш – там.*

В середине XX в. мантию гегемона мирового порядка примерила на себя бывшая колония Великобритании – США. Дистанцируясь от метрополии и позиционируя себя самостоятельным игроком на политическом поле, **Соединенные Штаты Америки** тем не менее не смогли избежать некоторой вторичности в конструировании идеального образа своего государства.

Стихотворение «Знамя, усыпанное звездами» было написано в 1814 г. Френ-

сисом Скоттом Ки под впечатлением атаки англичан на форт МакГенри. Переложенное на музыку, оно достаточно часто исполнялось по официальным поводам, но до начала XX в. еще две песни претендовали на роль символа государства: «Да здравствует Колумбия!» и «Америка» (калька британского гимна). В 1931 г. Конгресс принял официальное решение сделать гимном государства «Знамя, усыпанное звездами», и со времен Второй мировой войны его с удовольствием играют перед каждым бейсбольным матчем.

Пафос войны за Независимость наделил гимн явной милитаристской направленностью, но этот милитаризм – буржуазного толка, тесно связанный с борьбой за свободу не только страны, но и индивидуума. США противопоставили образу монарха, воплощающего английскую государственность, образы еще одного государственного символа – флага и свободного гражданина, защищающего флаг. Текст гласит:

1. Страна – это «земля свободы, мужества», ее олицетворяет флаг, который «гордо реял» «в смертельной битве света и тьмы». Он – «звездный свет», который «славой отразив на нас, парит, потоком жив»;

2. Основная задача государственной власти – поддерживать «мощь, что создала и сохранила нас нацией»;

3. Основная задача гражданина – «побеждай, не медли. В память долга Отцам». Гражданин – это, прежде всего, доблестный солдат, свободный человек, стоящий живым щитом «между любящими домами и опустошением войн»;

4. Четко определен враг. Он находится за океаном, «на берегах, так смутно различимых сквозь многомильные туманные глубины», но его удаленность не повод для оптимизма. Враг коварен: на первый взгляд, он, «испуганный, притих в тиши», но природа его выражается в постоянной готовности к экспансии, враг, «то ярость не скрывая, то скрыв напор, о нежности шуршит». В образ мира вписаны заокеанские соседи: их наличие – органично, повадки – лицемерны, цели – враждебны;

5. США – страна, стремящаяся в вечность: «пусть вечно реют твои волны, земля свободы, мужества, живи!».

Идеальный концепт государства – социальная структура, нацеленная на выживание, готовая применить военную силу, не верящая тем, кто отделен от нее океаном, и опасаящаяся неизбежной агрессии

извне. При таком раскладе не должно вызывать удивления своеобразие политической тактики Соединенных Штатов, стремящихся к нанесению превентивных ударов и легко применяющих военную силу на чужой территории. Внутренняя политика государства направлена на сохранение статуса свободного гражданина, обремененного полнотой ответственности за судьбу родины: «Не спрашивай, что твоя страна сделала для тебя, спрашивай, что ты можешь сделать для своей страны!» (Дж.Ф. Кеннеди).

Совершенно логично, в свете изложенного, трепетное отношение американцев к собственному флагу. Для них именно он является сакральным символом государства, воплощающим ценность свободы. Где реет флаг – там Америка, а за свободу в США принято платить кровью. Экспорт флага и свободы за океан не может быть мирным для стран-импортеров.

Англо-саксонский тип государства – это, прежде всего, государство островное, изолированное от остальных субъектов «большой политики» географически, поэтому сходство идеальных образов Великобритании и США объясняется не только историческим родством менталитетов. Страны европейского континента, не отделенные друг от друга столь серьезными преградами, свою уникальность и непохожесть на соседей старательно культивируют, отражая этот процесс в символах. Огромную роль в формировании идеального образа государства играют его история и культура.

*Вперед, сыны страны родной:
Дни славы наступили!
Тираны дикою толпой
В наш вольный край вступили!
Вам слышны ли у очагов
Солдат свирепых клики?
Друзья! там ваших бьют сынов,
Подруг там ваших крики!*

Конец XX в. оказался не слишком благосклонен к **Франции** – страна будто потерялась в новых реалиях, утратив тот искрометный «острый галльский смысл», который вызывал уважение и восхищение политических соперников, не говоря уж о друзьях. Не самую малую роль в выцветании образа современного государства, на наш взгляд, сыграл гимн.

Марсельеза была объявлена официальным гимном Великой французской ре-

волюции (1795 г.), утратила свое значение в эпоху Наполеона и Реставрации и вернулась в строй в период Четвертой (1946 г.) и Пятой (1958 г.) республик. Революционный марш, формирующий имидж страны, воспеваает романтический пафос борьбы, но объектом ее рисует собственных сограждан. «Любопытно не то, что Марсельезу, песнь крови, оркестры почтительно играют на дипломатических и придворных балах. Гораздо интереснее, что автор ее, Руже де Лиль, вдохновился ею и впервые пропел в доме своего друга Дитриха, а через несколько месяцев Дитрих вновь слышал эту песнь – уже в исполнении толпы, когда он шел на эшафот», – заметил в 1919 г. русский эмигрант М. Осоргин [5, с. 30]. Из текста следует:

1. Страна – это «вольный край»;
2. Основная задача государственной власти – не определена;
3. Основная задача граждан – отражать натиск врагов: «здесь всяк солдат», «земля родит иных, чтоб мстить в ожесточенном бое». В бой гражданина ведет «любовь к стране святая» и «вольность дорогая», именно в этом состоит величие гражданского подвига: «пусть вся вселенная узрит, что меч стоял за право»;
4. Список врагов разнообразен – это не только «чужеземные толпы» и «наемные орды», которые «скуют нам длани и под ярмо поставят вновь, чтобы зачинщик этой брани мог вновь сосать народа кровь». Это еще и «крамольники в изгнании, изменники родной страны», «деспоты», «изверги» и «тираны» т. е. бывшие сограждане, олицетворяющие прежнюю власть. Их свирепые солдаты у костров «бьют ваших сынов, подруг там ваших крики». Они – «орда рабов с злодеями вождями», хотя бы тычками навязать «рабство, изуверство». Поэтому необходимо сделать всё, чтобы враг бежал «кровавую стезей»;

5. Гимн не только фиксирует славное прошлое («мы братьев кости лишь найдем, да честь без укоризны»), но и прогнозирует не менее пассионарное будущее – новые поколения пойдут сражаться за Отчизну («искать мы станем боя, чтоб мзду за них [предшественников] иль смерть найти, как следует героям»). Таким образом, пожар революционной борьбы распространится не только в пространстве («вся вселенная»), но и во времени, закольцовывая череду жертвоприношений в кровавый конвейер.

Марсельеза – замечательная революционная песня, любимая не только фран-

цузами*, ее воодушевляющая мелодия и героический пафос достойны такой популярности. Но если взглянуть на содержание с точки зрения символической, то можно сделать вывод о, мягко говоря, своеобразии государственного концепта, основанного на заложенных в ней идеях. Основная проблема гимна, пожалуй, в том, что полностью отсутствует образ страны и государственной власти. Франция Марсельезы – это лишь территория, на которой разворачивается кровавая битва за вольности и свободы. Но если, например, свободный гражданин США сражается с внешним врагом, то гражданин Прекрасной Франции убивает рабов тирана-француза, чтобы самому не стать рабом. Братоубийственная бойня ради абстрактных идеалов Свободы, Равенства и Братства не привносит в государственный концепт созидательного пафоса, не воспекает величие страны, не освящает незыблемость власти и спокойную уверенность в своих силах. Времена решительных революционных действий давно прошли, а идеальный образ все еще транслирует в реальность борьбу за свободу одной части своих граждан от тирании другой.

Неудивительно, что в конце XX в. на мировой арене Франция «прославилась», в основном, молодежными бунтами и массовыми беспорядками – радикализм вписан в национальный код. Неудивительно также пренебрежение властной элиты национальными интересами французов, ибо включенные в гимн идеи Великой французской революции не признавали границ и наций, декларировали интернациональные ценности и ввели в пространство политики само понятие «общечеловеческих прав». Марсельеза воплощает триумф космополитизма, казалось бы, фатальный для энергии гимна национального государства, но она же показательно иллюстрирует способность символа стать символом самого себя. В малой зависимости от буквального содержания маркируется историческая прочность французской нации, как нации свободы, родившейся в эпоху революции. Конкретика, со временем, отошла на задний план, но основная идея актуальна до сих пор, и гимн манифестирует эту метафизическую данность.

*Ещё Польша не погибла,
Если мы живы.
Всё, что отнято вражьей силой,
Саблею вернём.
Марш, марш, Домбровский..
С земли итальянской в Польшу.
Под твоим руководством
Соединимся с народом.*

Интересна история государственного гимна **Польши**. С политической карты Европы Речь Посполитая исчезла в 1795 г., после раздела ее территории между Россией, Австрией и Пруссией. В 1797 г. племянник последнего польского короля Ян Генрик Домбровский, с позволения Наполеона Бонапарта, создал в Италии Польские легионы, которые должны были вторгнуться в Польшу и отвоевать независимость. Тогда же впервые в исполнении оркестра прозвучал марш легионов, определяющий им политическую задачу. По определенным причинам вторжение не состоялось, но «Марш Домбровского» еще долгое время вдохновлял поляков на восстания (в 1830 и 1863 гг.) и в 1927 г. стал символом восстановленного государства. К сожалению, как и в случае с Марсельезой, этот гимн принес в Польшу XX в. идеи, актуальные более сотни лет назад. Но если Марсельеза концентрировала и творила смыслы новой эпохи, то «Марш Домбровского» транслировал из прошлого средневековые идеалы шляхты, променявшей «*liberum veto*» на независимость своего государства. Гимном отражены следующие смыслы:

1. Страна – «еще не погибла»;
2. Основная задача государственной власти – прибытие извне («с земли Итальянской в Польшу») «для спасенья родины вернуться через море». Когда истинная власть вернется, она должна «соединиться с народом» и ее представители «станут поляками»;
3. Основная задача граждан – ждать освободителей («отец своей Басе говорит, заплаканный: “Слушай, похоже, наши бьют в барабаны”»);
4. Враг четко не определен** Упоминается абстрактная «вражья сила», которая отняла «всё», и вернуть это «всё» можно лишь «саблей»;
5. Все планы и надежды, изложенные в гимне, – это проект будущего. Ни прошлое, ни настоящее время в нем не фигурируют.

*В данном анализе использовался перевод М.И. Венюкова, опубликованный «Общим делом» в 1880 г.

**В двух последних строках «Марша» есть недвусмысленные указания на конкретных врагов («русский с немцем»), но они не вошли в официальную редакцию гимна.

Н.А. Бердяев, сравнивая русский и польский тип мессианства, выражал надежду на конечное примирение двух славянских народов. Констатируя их несхожесть, он еще в начале XX в. намечал пути движения навстречу: «Национальное чувство искалечено у нас, русских, рабством внутренним, у поляков – их внешним рабством. Русский народ должен искупить свою историческую вину перед народом польским, понять чуждое ему в душе Польши и не считать дурным непохожий на его собственный духовный склад. Польский же народ должен почувствовать и понять душу России, освободиться от ложного и дурного презрения, которому иной духовный склад кажется низшим и некультурным» [1, с. 141–142]. Тем не менее истинного примирения не последовало и в XXI в.

Немалую в этом роль, на наш взгляд, играет польская программа международных отношений, подсознательно формируемая гимном – военным маршем освободителей от российской оккупации, которых поддерживает Европа. Это произведение содержит восхищение Наполеоном, который «дал пример, как должны мы побеждать», а упомянутые истинные польские герои – Домбровский (дивизионный генерал наполеоновской армии) и Чарнецкий (жестоко подавлявший антипольские восстания на Украине) – сражались с Россией.

Не вызывает удивления после изучения гимна и длительное существование такого экзотического органа государственной власти, как «правительство Польши в изгнании». С 1939 по 1990 год оно претендовало на управление страной, находясь то во Франции, то в Великобритании. Некоторые государства (Испания, Ирландия и Ватикан) вплоть до 1958 г. считали его легитимным.

В 1862 г. П. Чубинский, вдохновленный «Маршем Домбровского», создает стихотворение, которому в 2003 г. было суждено стать государственным гимном суверенной **Украины**. Программа государственного строительства, просматривающаяся в нем, гласит следующее:

1. В стране еще «не умерли ни слава, ни воля»;

2. Основная задача государственной власти – не определена;

3. Основная задача граждан – «в родном крае господствовать (панувати) не дадим никому», дождаться, когда «нам улыбнется судьба», и «заживем (запануем) и мы, братья, в своем краю». Ради этого «встанем в бой кровавый от Сана* до Дона», «душу и тело положим за нашу свободу»;

4. Враг четко не определен**, но гимн дает обещание: «сгинут наши враги, как роса на солнце», – т. е. естественным образом испарятся;

5. Кроме воспевания прошлых и настоящих битв и сражений, в гимне присутствует созидательная нотка, перекидывающая мостик в будущее: «рвение, труд искренний, свое еще докажут». В будущем, когда «судьбинушка поспеет», результат окажется более чем замечательный: «Украины слава встанет среди народов».

Как и у поляков, как и у французов, гимном схваченная эпоха рождения национального «Я» украинца механически перенесена из трагического кровавого прошлого в настоящее. Суверенное независимое государство «душу и тело» народа готово положить за свободу от внешнего врага, затаившегося на Востоке. Указанный враг почему-то не ощущает себя таковым по отношению к «братскому народу», сообща с которым вышел из одной восточно-славянской колыбели. Но родство – не тождество. Неприятие этого факта присутствует со стороны России: комплекс «старшего брата» мешает признать, что на Украине формируется не уменьшенная копия, а отдельная, хоть и родственная, нация с отличным от российского мировоззрением.

Эта онтологическая несхожесть отражена в темпоральной и пространственной архетипике гимнов. Стихотворение Чубинского в 1862 г. было ориентировано на будущее, в начале XXI в. будущее наступило. В этом «будущем» Украина, как и Польша, – «цэ Європа», охраняющая рубежи цивилизованного мира от варварского Востока. Государственный концепт избавляется от прошлого, яростно и нетерпимо отграничивая себя от русских соседей ради прекрасного будущего в Европе, среди народов которой «Украины слава встанет». Будущее, как прекрасная

* Сан – приток Вислы.

** Не вошедшие в официальную редакцию гимна строки стихотворения обращены упреком непосредственно Хмельницкому: «Ой, Богдан, Богдан, славный наш гетман, Зачем отдал Украину москалям поганым?!». Примечателен тот факт, что герой «Марша Домбровского» Стефан Чарнецкий в 1664 г., согласно «Черниговской летописи», сжег хутор Хмельницкого, разрушил его гробницу, а тело приказал выбросить. Своеобразная переключка гимнов, тем не менее, определяет врагами Украины исключительно «москалей поганых», поляки этой участи избежали.

фата-моргана, манит за собой страну: кажется, что если сделать еще пару шагов на Запад, то вождельный оазис процветания среди безводной пустыни настоящего будет достигнут. В России же, гимн которой будет проанализирован во второй части статьи, сформировалась иная темпорально-пространственная схема: метафизика вечности и бесконечность уже имеющегося пространства. Это самодостаточное государство, комфортно расположившееся в освященных веками границах, демонстрирует на символическом уровне уверенность в себе и своем месте в мире. Россия давно пережила период территориальной экспансии, и на данном историческом этапе отвечает совсем на иные вызовы: «Но медведь ни у кого разрешения спрашивать не будет. И тайги своей не отдаст» (из речи В.В. Путина перед членами Международного дискуссионного клуба «Валдай», Сочи, 2014).

Конфликт, в настоящее время разгоревшийся на западных рубежах нашей страны, в упрощенном виде выражается фразой: Украина воюет с Россией, а Россия на войну не потрудились явиться. Это пренебрежение еще больше обостряет непростую геополитическую ситуацию. Достаточно различий найдется в мировоззрениях нации зрелой и нации молодой, ищущей себя, что, при всей генетической близости народов, необходимо учитывать. И через эти различия нужно выстраивать новую общность, основанную на взаимоуважении, а не на взаимоотрицании.

-
1. Бердяев, Н.А. Судьба России. М., 1990.
 2. Вещество литературы (На вопросы редакции отвечает Л. Карасев) // Человек. 1997. № 1.
 3. Емелин, В.А. Виртуальная реальность и симулякры. М., 1999. URL: <http://emeline.narod.ru/virtual.htm> (дата обращения: 28.10.2014).
 4. Лотман, Ю.М. Символ в системе культуры // Избранные статьи. Т. I. Таллинн, 1992.
 5. Осоргин, М.А. Свидетель истории. М., 2010.

References

1. Berdjaev, N.A. Sud'ba Rossii. M., 1990.
2. Veshhestvo literatury (Na voprosy redakcii otvechaet L. Karasev) // Chelovek. 1997. № 1.
3. Emelin, V.A. Virtual'naja real'nost' i simuljakry. M., 1999. URL: <http://emeline.narod.ru/virtual.htm> (data obrashhenija: 28.10.2014).
4. Lotman, Ju.M. Simvol v sisteme kul'tury // Izbrannye stat'i. T. I. Tallinn, 1992.
5. Osorgin, M.A. Svidetel' istorii. M., 2010.

UDC 101.8

ANTHEM HERMENEUTICS. PART 1

Vorobyeva Elena Yuryevna,

Cand. Sc. (Philosophy),
Omsk, Russian.

E-mail: velena-05@mail.ru

Annotation

Understanding as the main task of hermeneutics cannot be solved without dialectic approach. Understanding is not only penetration into understandable in a strange, but strange in the clear. In example of such traditional symbols of the state as anthems it is shown the extensibility mechanisms of known through the analysis of hidden meanings and their influence on the political fate of nations.

Key concepts:

hermeneutics,
information civilization,
symbol,
meaning,
anthem.

УДК 94:94(410.1)

ЮНИОНИСТСКИЙ ПРОЕКТ ФРЕНСИСА БЭКОНА

Кондратьев Сергей Витальевич,

Тюменский государственный университет,
директор института истории и
политических наук, доктор исторических
наук, профессор,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: skondratiev@utmn.ru

Аннотация

В статье излагаются основные компоненты проекта объединения Англии и Шотландии, предложенного знаменитым философом и политическим деятелем Фрэнсисом Бэконом английскому королю Якову I в начале его правления.

Ключевые понятия:

Бэкон, объединение, Англия, Шотландия, Великобритания.

Союз Англии и Шотландии, носящий наименование «Великобритания», судьба которого недавно, 18 сентября 2014 г., решалась на референдуме, официально был оформлен в 1707 г. Но союзный акт начала XVIII в. имел столетнюю предысторию, в середине которой лежало «добровольное» объединение двух стран в 1654 г., после успешной военной кампании Кромвеля и занятия англичанами Эдинбурга [1, с. 141–142, 159–160]. Ордонанс об объединении 1654 г. уже содержал многие положения, вновь реализованные в унии 1707 г. Вопрос о первых проектах будущего союза пока исследован крайне недостаточно. Известно, что возможность мирного объединения двух королевств появилась в 1603 г., когда английская корона после смерти Елизаветы I Тюдор естественным образом перешла к Якову Стюарту. Стюарт, правивший в Шотландии под порядковым номером «VI», в Англии, соответственно, стал Яковом I (1603–1625). Новый монарх сразу же начал говорить о «счастливом союзе» двух королевств, которому он придумал звучное название «Великобритания» [2, р. 53–55].

Свой вклад в создание модели союзного государства внес известный английский философ и государственный деятель Фрэнсис Бэкон, который сразу же поставил свой талант на службу новому монарху и подержал идею унии. Вопрос об унии обсуждался в первом парламенте Якова I (1604–1610) гг., который, собственно, ради этого и был созван. Бэкон участвовал в деятельности англо-шотландской комиссии по объединению и выступал с речами. За это время он написал немало различных текстов как по поручению короля, так и по собственной инициативе. Наиболее важными из них представляются «Краткие рассуждения о счастливом союзе королевств Англии и Шотландии» (1603), «Некоторые заметки относительно объединения Англии и Шотландии» (1604), «Приготовление к объединению законов» (1606–1607), «Об истинном величии Британии» (1608), а также проект прокламации относительно наименования короля. Только первое произведение было опубликовано. Остальные тексты носили рабочий характер, были предназначены королю как информативные записки и предложения. Видимо поэтому самый ранний текст отличается стилистической отточенностью, и он содержит, помимо политических и правовых доводов, еще и натурфилософские аргументы.

Бэкон исходит из того, что в упорядоченном Богом мире вещи и субстанции, находящиеся в движении, возвращаются

в исходное положение, благодаря чему восстанавливается иерархическая системность. Законы политики есть продолжение и повторение естественных законов, знание и следование которым поможет избежать ошибок при объединении Англии и Шотландии. В мирном объединении корон он усматривает промысел божий [3, р. 221; 6, р. 236] и советует королю объединять государства без спешки, постепенно и с осторожностью [3, р. 221]. Мирное объединение, пишет он в другом месте, обладает очевидными преимуществами перед «завоеванием», поскольку величина завоеванных территорий не трансформируется в силу государства. Внутри него заложен внутренний конфликт [6, р. 235–236]. В итоге же мирного объединения может произойти «совершенное смешение» (*imperfecte mista*, *Perfect Mixture*), или «совершенное объединение государств и королевств» (*estates and kingdoms are perfectly united*) [3, 90 – 96]. Все государства, которые приходили к унии и единству, как это случилось с римлянами и собиньями, добивались затем заметного величия (*greatness*) [3, р. 99; 4, р. 221–222]. Стремление объединить остров Великобритания, по мнению Бэкона, «оправдано политически и справедливо» [5, р. 317].

Бэкон предлагает начать сближение с демонстративных мер (в современной дипломатии их назвали бы мерами доверия), а именно: с отмены всех законов, которые когда-то были приняты Англией и Шотландией друг против друга, в которых обе страны трактуются как враждебные и иностранные, которые ограничивают движение товаров и деятельность купцов. Затем для укрепления доверия следует быстро разрешить проблемы англо-шотландского пограничья. Бэкон считает, что не следует спешить с отменой вольностей и привилегий, которыми обладают держатели земель по обе стороны границы. Для контроля за границей он предлагает учредить специальные органы, юрисдикция которых будет действовать по обе стороны границы [4, р. 220–221].

Четыре фактора, по его мнению, придают любому объединению устойчивость – обретение общего имени, единого языка (а диалектный английский является языком большей части Шотландии), унификация законов и равенство при занятии должностей [3, р. 97]. Эти и другие факторы, по мнению Бэкона, оба королевства уже обрели при унии корон, а именно: абсо-

лютный суверенитет, ибо у них общий государь и частично подданство, доктринально общая протестантская религия, но разные церковные организации, общее островное расположение, общий английский язык [4, р. 222]. Бэкон рекомендует как можно быстрее принять новое наименование государства «Великобритания», ввести его в публичный оборот, а королю принять новый титул «Король Великобритании, Франции и Ирландии» [6, р. 238].

Проблема общего подданства для шотландцев, по Бэкону, может решаться двояко: по общему праву, все лица, рожденные после обретения Яковом I английской короны (*post-nati*), автоматически обретают общее подданство, что касается шотландцев, рожденных до 1603 г. (*anti-nati*), то для их натурализации требуется специально принятый парламентом акт. Вопрос о натурализации англичан он не рассматривает, сославшись на незнание шотландского права [4, р. 223]. Наличие диалектных различий в языке не пугают Бэкона. Более того, он считает их преимуществом, ибо в результате объединения будет происходить «обогащение» общего языка [4, р. 224].

Вместе с тем, полагает Бэкон, есть области, где пока отсутствуют универсалии, которые он, по обыкновению, свойственному философу, классифицирует, деля их на внешние, символические, и внутренние, сущностные. Внешних областей 4: церемониальные различия двух корон, разные наименования стран, различные печати, разные денежные единицы. Бэкон полагает, что в едином королевстве должна появиться «одна новая имперская корона Британии», при подчеркивании равенства двух объединяющихся субъектов – Англии и Шотландии. Чувство ущемленности может возникнуть у шотландцев, если местом коронации будет избран Вестминстер [4, р. 224–225].

Вопрос о едином названии объединенной страны не кажется Бэкону простым и безобидным. Он склоняется к тому, что следует предпочесть старым наименованиям («Англия» и «Шотландия») новое – «Британия», а живущих в новой «империи» людей именовать не англичане, а «южные британцы», и не шотландцы, а «северные британцы». Теперь новое государство должно будет называться «Британией, Ирландией и Францией». Последняя, со времен Столетней войны и правления Эдуарда III, традиционно

присутствовала в официальной английской политической и административной лексике. Новое наименование страны, философ советует ввести, простым изданием королевской прокламации, как когда-то поступил Эдуард III, начав упоминать Францию. Но есть сфера права (норм, устоявшиеся форм судебных документов), которая не меняется по воле короля, но корректируется исключительно парламентом. У единой страны должна быть «единая большая печать», которую также можно учредить только актом парламента, и держащий ее единый британский канцлер. Все земельные пожалования в обоих королевствах следует скреплять этой большой печатью. Шотландии можно оставить ее печать для отправления обычного правосудия. Вопрос о чеканке единой монеты, ее легенды и стоимости, пишет Бэкон, напротив, принадлежит королевской прерогативе и может быть разрешен королевской прокламацией. Он замечает, что какое-то время в Британии неизбежно будут ходить шотландские и английские монеты [4, р. 225–227].

Подводя итог этому разделу рассуждений, Бэкон подчеркивает, что «внешние», символические факторы единства, как общий порядок присвоения рыцарских званий, значительно влияют на «умы и сердца» людей, поскольку «демонстрируют» им, что «они – один народ, одна нация» [4, р. 227]. Бэкон затем еще будет подчеркивать, что следует постоянно акцентировать равенство обеих народов в едином государстве, отсутствие привилегий у одного в сравнении с другим [6, р. 237].

«Внутренних» препятствий к единению (названных им, со ссылкой на Аристотеля, также «корнями все раздоров и смут в государстве» [4, р. 228]), которые потребуют значительно больших усилий по преодолению, он насчитывает 10: наличие разных парламента, советов, должностей, знати, законов, судебных институтов, казначейств (*several receipts and finances*), адмиралтейств и правил торговли (*Several admiralties and merchandisings*), свобод, вольностей и налогов [4, р. 227–228].

При определении норм представительства знати в общем представительном органе Британии – парламенте, Бэкон советует исходить из размеров территорий бывших Англии и Шотландии. Он полагает, что территория Шотландии составляет 1/3 от территории Англии, поэтому шотландской знати

должна быть отдана третья часть мест в английском парламенте. Кроме норм представительства знати, при разработке модели единого британского парламента нужно решить еще четыре вопроса: о нормах представительства от Англии и Шотландии в нижней палате, о процедуре подачи законопроектов, о порядке работы парламента и вопрос о должностных лицах, т.е. аппарате управления парламентом [4, р. 228–229].

Для управления страной Бэкон советует королю воздержаться от создания единого Тайного совета, а напротив, сохранить для управления Шотландией не ее территории ее собственный совет (*counsel*), т.е. поступить по аналогии с тем, как устроено управление Уэльсом или Йорком. Управление страной не может обойтись без административных институтов, поэтому он, учитывая удаленность территорий, не советует королю упразднить большинство уже существующих должностей. Достаточно будет более четко определить компетенции и субординацию должностных лиц. Так, если будет введена должность канцлера Британии, то другие канцлеры должны иметь свой субординированный круг ответственности и т.д. Адмиралтейства и казначейства двух бывших королевств, как и существующие практики наследования имущества, на его взгляд, следует сохранить в неизменном виде, либо оставить вопрос об их изменении следующим поколениям [4, р. 229–230, 233].

В коммерческой сфере Британии надлежит придерживаться принципа свободы торговли для купцов обеих наций. Хотя, отмечает он, может возникнуть вопрос о свободном допуске купцов в состав торговых монополий – купцов-авантюристов, Левантийской и Московской компаний. Сложным для решения, пишет Бэкон, будет вопрос о торговых пошлинных между двумя королевствами. Для англичан в Шотландии он практически решен, поскольку английские купцы могут разгружать свои товары в портах Шотландии. В Англии же пока шотландские купцы, как иностранцы, платят пошлины, и этот вопрос может быть решен вместе с вопросом натурализации [4, р. 233–234].

Бэкон рекомендует королю бережно относиться к правам и свободам подданных. Он полагает, что нужно сделать их обзор, подтвердить и выработать «Великую хартию вольностей» для всей Британии. Дорогие жителям разных местностей партикулярные вольности и обычаи следует сохранить в неизменном виде [4, р. 234].

Вопрос о налогах Бэкон отказывается рассматривать, полностью оставляя его на волю короля [4, р. 234].

При определении рангов знати философ полагает, что английские знатные лица, по причине, как он пишет, их «большей древности», должны быть записаны раньше, чем шотландские, и стоять впереди во время церемоний. Например, английские графы перед шотландскими [4, р. 230].

Очень подробен и скрупулезен Бэкон там, где он начинает говорить о реформе права, судов и процедур, что легко объяснимо, поскольку философ был практикующим юристом, домогающимся судебных должностей. По его мнению, законы двух стран подлежат объединению, «кодификации» (collecting) и законодательному утверждению, т.е. прохождению через парламент. Для этого сначала законы должны свести юристы каждой нации в набор кратких статей. В результате появиться книга из двух параллельных текстов, или, как пишет автор, «колонок», с которой монарху будет удобно работать [4, р. 230; 5, р. 318–319]. Затем нужно после обсуждений решить, что войдет в общий свод, а что останется за его пределами неизменным «до времени». Общий свод должен состоять из гражданского и уголовных кодексов, а в уголовном кодексе надлежит произвести перечень и классификацию преступлений и наказаний, отделить преступления публичные от преступлений против личности. Сложным для разрешения кажутся ему вопросы, когда деяния совершаются в одной стране, наносят ущерб не ей, а другому королевству или подданному другого королевства. Бэкон считает, что при реформе права следует унифицировать законы и наказания [4, р. 230–232].

К теме единства островного права Бэкон вновь вернется в адресованном королю тексте «Приготовление к объединению законов». По примеру римских юристов, он делит право на публичное (jus publicum) и частное (privatum); одно касается управления, другое – собственности. Бэкон сразу оговаривает, что он не будет касаться частного права, поскольку, по его словам, «для него время еще не пришло», люди не любят когда вносят изменения «в то, чем они владеют». По его мнению, различия в сфере собственности не являются источником сепаратизма. В публичном праве следует выделить, на его взгляд, 4 раздела: уголовные преступления, поскольку они направлены против короны и государства (Crown and public estate), преступления против церкви,

преступления против должностных лиц и институтов государства (magistrates, officers, and Courts) и преступления против «политических законов» и институтов управления и судопроизводства в провинциях (politic laws, usages, and constitutions), таких как мировые и разъездные судьи [5, р. 317–319].

Далее, произведение оказывается по форме описанной им «колодкой», а по содержанию – простой попыткой классифицировать преступления и наказания по принципу их тяжести. Выше всего по тяжести содеянного он ставит измену (treason) и подробно описывает ее правовые разновидности («средняя» и «малые измены»). Затем по списку идут тяжкие преступления (felony), преступления против религии и церкви (обращение к иностранной, особенно папской юрисдикции (premunire), отступничество от веры, ересь) [5, р. 319–334].

Бэкон всегда выступает за единство, но не за единообразие. Проведение политики по принципу: «Одежды <...> Церкви были пестры. <...> Хитон Христа не имел швов <...> Пусть будет пестрота в этой одежде, но не будет разрыва» [3, р. 97–98], – представляется ему самой разумной.

Реализация предложенных мер в совокупности с умеренной политикой сделают, полагает философ, Британию великой. Для этого у Британии есть преимущества и предпосылки: компактная территория, защищенная морями от внешнего вторжения, плодородные почвы и богатые недра, лингвистическая близость, равенство и доброе отношение друг к другу населяющих страну народов [7, р. 231, 234–255].

Предложенный Бэконом проект объединения Англии и Шотландии не был тогда реализован. Сам проект, правда, очевидно, эскизен, незавершен, детально не прописан. Английские депутаты и английское общество, с подозрением и предубеждением относившиеся к «бедным» и «диким» шотландцам, оказались не готовы к стремительному союзу. Попытки должностных лиц короны и самого Бэкона переломить ситуацию увязали в потоках депутатского красноречия. Заседания комиссии по объединению и палаты общин превратились в череду бесконечных споров и риторических упражнений [8]. Через несколько лет активно проталкивать амбициозный проект «Великобритания» перестал и сам Яков I, сосредоточившись, как казалось ему, на более реалистичном плане объединения знати двух королевств посредством брачной политики и на созда-

нии англо-шотландского двора. История показала, что дорога от унии корон к унии государств, полная взаимных подозрений, претензий, катаклизмов, военных столкновений и эмпирических поисков, займет более ста лет.

1. Кондратьев, С.В. Английская революция XVII века. М., 2010.

2. Croft, P. King James. Basingstoke, 2003.

3. Bacon, F. A Brief Discourse touching the Happy Union of the Kingdoms of England and Scotland // Bacon F.R. Letters and Life of Francis Bacon including all his occasional works /Collected by J. Spedding. London, 1868. Vol. III.

4. Bacon, F. Certain Articles or Considerations touching the Union of the Kingdoms of England and Scotland // Bacon F.R. Letters and Life of Francis Bacon including all his occasional works /Collected by J. Spedding. London, 1868. Vol. III.

5. Bacon, F. A Preparation towards the Union of Laws // Works of Francis Bacon / Collected by J. Spedding. Boston, 1861. Vol. XV.

6. Bacon, F. A Draught of a Proclamation Touching His Majesty's Stile // Bacon F.R. Letters and Life of Francis Bacon including all his occasional works /Collected by J. Spedding. London, 1868. Vol. III.

7. Bacon, F. Of The True Greatness of Britain // Works of Francis Bacon / Collected by J. Spedding. Boston, 1960. Vol. XIII.

8. Брандт, М.Ю. Парламентские дебаты по вопросу объединения Англии и Шотландии в начале XVII в. //Средние века. 1989. Вып. 52.

References

1. Kondratiev, S.V. Anglijskaja revolucija XVII veka [English Revolution of XVII-th century]. Moscow, 2010.

2. Croft, P. King James. Basingstoke, 2003.

3. Bacon, F. A Brief Discourse touching the Happy Union of the Kingdoms of England and Scotland // Bacon F.R. Letters and Life of Francis Bacon including all his occasional works /Collected by J. Spedding. London, 1868. Vol. III.

4. Bacon, F. Certain Articles or Considerations touching the Union of the Kingdoms of England and Scotland // Bacon F.R. Letters and Life of Francis Bacon including all his occasional works /Collected by J. Spedding. London, 1868. Vol. III.

5. Bacon, F. A Preparation towards the Union of Laws // Works of Francis Bacon / Collected by J. Spedding. Boston, 1861. Vol. XV.

6. Bacon, F. A Draught of a Proclamation Touching His Majesty's Stile // Bacon F.R. Letters and Life of Francis Bacon including all his occasional works /Collected by J. Spedding. London, 1868. Vol. III.

7. Bacon, F. Of The True Greatness of Britain // Works of Francis Bacon / Collected by J. Spedding. Boston, 1960. Vol. XIII.

8. Brandt, M.J. Parliamentary Debates touching on the Unity of England and Scotland in the beginning of XVII-th century // Srednie veka. 1989. Vol. 52.

UDC 94:94(410.1)

THE UNIONIST PROJECT OF FRANCIS BACON

Kondratiev Sergey Vitalyevich,

Tyumen State University,

Director of the Institute

of History and Political Science,

Doctor of Historical Sciences, Professor,

Tyumen, Russia.

E-mail: skondratiev@utmn.ru

Annotation

The article describes the basic parts of union project between England and Scotland proposed by the famous philosopher and statesman Francis Bacon to the king of England James I in the beginning of his reign.

Key concepts:

Bacon,
unite,
England,
Scotland,
Great Britain.

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объёмом не более 19.100 знаков без пробелов, включая сноски*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учёбы), занимаемая должность, учёная степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);

в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учёбы, учёная степень, учёное звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трёх месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционно-экспертного совета журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берёт на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск,
ул. Комарова, 26, к. 308.
Тел. (351) 771-42-30.
E-mail: siv@chel.ranepa.ru

* При отступлении от установленного объёма статья может быть отклонена.

Requirements for articles and memos presented for publication in the «SOCIUM AND POWER» journal

1. The author will send one copy of the typescript by e-mail.

2. The article will be sent in Russian. The article will be under 19,100 characters without spaces, including the bibliography.* The file will be in Microsoft Word 98/2000 format. The font will be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides will be 20 mm. The text must be justified with no line breaks. The text of the article or memo (including the title) will be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.

3. All font highlighting will be done in light italics. All titles and subtitles will be done in bold.

4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) will be done in image editing software. All images must be numbered incrementally.

5. All numerical data will be done in tables. Each table will have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables will not have shortenings except for the unit names. The electronic versions of each table and image will be done in separate files.

6. The name of the article will be done centrally in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, their place of work and position, academic degree and rank (if applicable), city of residence will be done in the upper right corner over the article name.

7. The literature references will be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and as an alphabetized bibliography list at the end of the article. There will be fewer than 15 sources.

8. The references will be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».

9. The legal acts listed will quote the initial and latest edition.

10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).

11. The author will note the agenda (specialization) of the article presented for publication.

12. In addition to the text of the article the author will also present the following positions as a separate file in Russian and English:

a. Concise (2–3 sentences) annotation of the article with the name of the article, last name and initials of the author.

b. Keywords (under 5).

c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work or study, degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).

The articles or memos not complying with the aforementioned requirements will not be reviewed and/or published.

The publication of the received articles will be approved or declined within 3 months from the registration of the typescript at the editorial office. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.

The members of the journal's editorial board will review the articles.

The typescripts will not be returned.

The articles will be run through the «AntiPlagiат» system.

By presenting the typescript of the article to the editorial, the author agrees not to publish that same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIUM AND POWER» journal.

No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.

The contact information of the author (e-mail) will be quoted in the journal at all times.

The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.

Editorial address: 454077, Chelyabinsk,
Komarova st., 26, room 308.
Tel. 7 (351) 771-42-30
E-mail: siv@chel.ranepa.ru

*A paper may be rejected if the special size requirements are not satisfied.